Кристиана Дерош-Нобльекур

Владыки мира

ТУТАНХАМОН

Сын Осириса

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Оригинальное беллетризованное жизнеописание Тутанхамона, юноши-фараона, чье правление было кратковременно, но немыслимо пышно, а таинственная гибель окружена легендами и научными парадоксами. В книге повествуется о нравах и обычаях Древнего Египта, а также о людях этого государства, о религиозных обрядах, противоборстве двух религий, придворных интригах, тайнах дипломатии и обо всех сторонах жизни царственной четы.

- Кристиана Дерош-Ноблькур
  - Предисловие
  -
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
    - Прелюдия к открытию
    - Первая камера, или южная комната
    - Погребальная камера, или западная комната
    - «Сокровищница», или северная комната
    - Первый урок гробницы
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Перечень основных упоминаемых лиц

Кристиана Дерош-Нобльекур
Тутанхамон. Сын Осириса

Предисловие

Этой книге суждено занять достойное место среди тех откровений, которые время от времени являет нам история, приподнимая на мгновение свой покров и открывая нашему взору некоего исторического персонажа или значительный эпизод из жизни человечества.

Что может будоражить воображение сильнее, чем погребальные сокровища легендарного юного царя Тутанхамона, чье царствование было кратким, но пышным?

Удивительный факт обнаружения этих сокровищ англичанами, Картером и Карнарвоном, стал вехой в истории египтологии и сам по себе столь же поразителен (хотя и не столь значим), как расшифровка иероглифов Шампольоном, гений которого вернул нам несколько тысячелетий нашей истории, придав смысл оставленным ими свидетельствам. Если благодаря Шампольону мы смогли понять письменные источники и систему верований эпохи фараонов, открытие англичан дало нам возможность увидеть воочию все те вещи, которые сопровождали молодого бога-царя в его роскошной жизни полубожества.

После сорока лет изучения и тщательной и осторожной консервации эти артефакты вновь предстали взорам изумленного мира. Теперь мы сможем составить точное представление о том, как выглядели гробницы египетских фараонов, ибо захоронение Тутанхамона – единственное – дошло до нас через три тысячи лет практически в первозданном виде.

Я имел честь, будучи министром культуры Объединенной Арабской Республики, внести посильный вклад в эту исключительную работу. Я весьма доволен результатами, ибо, когда речь идет об исследовании сокровищ Тутанхамона, едва ли найдется специалист, более сведущий в вопросах искусствоведения и археологии, чем мадам Кристиана Дерош-Ноблькур. Она – один из ведущих египтологов. Ее книги, работа в Лувре, проведенные ею раскопки в Верхнем Египте, так же как и ее деятельность в качестве специального консультанта ЮНЕСКО при моем правительстве, – все это говорит о Кристиане Дерош-Ноблькур как о заслуживающей глубокого уважения наследнице великих традиций ее прославленных предшественников на ниве египтологии.

Я оказывал ей всевозможную помощь, отдавая должное не только ее решимости продолжить работу Мариетт Паша, но и той искренней симпатии, с которой она относится к Египту – во все периоды его истории.

Посвящается лорду Карнарвону и Говарду Картеру, которые вернули к жизни фараона Тутанхамона и возвратили человечеству страницу его истории

Ни в каком другом случае искушение написать роман вместо исторического исследования не возникает столь отчетливо, как здесь; вот почему, работая со всеми этими документами, следует быть вдвойне осторожным.

Уолтер Вольф.

Два доклада по истории XVIII династии

Мой ум не настолько робок, чтобы отвергать существование таинств. Однако я остерегаюсь тех, кто открыто признает их и живет ими; тех, кто, поднеся палец к губам своим, заставляет говорить о себе как об избранниках Божьих, держа в неведении непосвященных.

Я. Сезар. Жак де Бурбон Бюссэ

Глава 1
ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПРОШЛОЕ

Дань благородного человека пропавшему фараону

Ровно сто лет разделяют год рождения египтологии и дату удивительного открытия гробницы Тутанхамона.

22 сентября 1822 г. Жан-Франсуа Шампольон-младший написал свое знаменитое *Letter à Monsieur Dacier, secrétaire perpétuele de l'Académie royale des inscriptions et belless-letters, relative à l'alphabet des hiéroglyphes phonétiques* (Письмо монсиньору Дасье, постоянному секретарю Королевской академии, касательно алфавита фонетических иероглифов). В тот день была перевернута первая страница великой книги Древнего Египта, которая около двух тысяч лет оставалась тайной за семью печатями и в конце концов была прочитана.

25 ноября 1922 г. был извлечен первый камень из стены, закрывающей вход в гробницу Тутанхамона, и исследователи – лорд Карнарвон, его дочь, леди Эвелин Герберт, и Говард Картер – увидели роскошнейшее погребение, по своему великолепию и по сей день не имеющее себе равных.

Едва зародившись, египтология стала одной из популярных научных дисциплин. Ученые по крупицам собирали сведения о том, как жили люди на берегах Нила четыре тысячи лет назад: об их обычаях, древних как мир, и повседневных занятиях, о философских проблемах, о социальных реформах и военных кампаниях – словом, обо всем том, что позволило воссоздать облик исчезнувшей цивилизации.

Откуда мы черпали свои знания? Источником их стали археологические раскопки, проводившиеся под эгидой Египетской службы древностей, и исследования храмов и гробниц, символизировавших бессмертие и могущество богов, фараонов и народов долины Нила. Развалины городов, погребенные под вековыми песками, были волнующими свидетельствами минувшего, так же как и артефакты из первой египетской коллекции, собранной в ходе военной экспедиции Бонапарта, и замечательное «Описание Египта», опубликованное между 1809-м и 1816 г., – плод работы ученых, сопровождавших императора в походе.

Среди множества династий, царей, монументов и колоссов Тутанхамон предстает незаметной, неясной фигурой. Среди

весьма ограниченного количества артефактов, связанных с его именем, наибольший интерес представляют два монумента, указывающие на то, что, по своей воле или под давлением обстоятельств, Тутанхамон вынужден был восстановить официальный культ династического бога Амона, отмененный фараоном Тель-эль-Амарны Аменхотепом IV – Эхнатоном, при дворе которого Тутанхамон провел свое детство. Это был один из наиболее привлекательных периодов египетской истории – эпоха Солнечного Диска, Атона. В этих двух монументах нашла отражение та неукротимая ненависть, которую пришлось испытать на себе молодому фараону. Из надписи на стеле мы узнаем о реставрации фиванского культа и храмов: пытаясь упрочить свои позиции, Тутанхамон поддался уговорам и распорядился открыть и восстановить заброшенные святилища, в первую очередь – святилища Амона. И на стеле уже не стояли имена прежнего царя – их заменили имена фараона Хоремхеба.

Другим свидетельством состоявшегося примирения Тутанхамона с фиванским Амоном служит великолепная статуя, высеченная из черного гранита, вошедшая в луврскую коллекцию незадолго до обнаружения гробницы. Фараон стоит перед сидящей фигурой верховного божества. Руки бога, голова и руки фараона отбиты, имена стерты – таковы вполне наглядные доказательства той ненависти, которую Тутанхамон вызывал у своих врагов. Хотя у скульптуры фараона голова отбита, мы, тем не менее, можем увидеть идеализированный, но вполне узнаваемый его портрет, глядя на лицо Амона, ибо в антропоморфных изображениях египетские боги весьма походили на своего «возлюбленного сына» или на свое земное воплощение. Лицо божества очень напоминает лицо Тутанхамона, знакомое нам по статуям в Карнаке и барельефам Луксора, которые были присвоены Хоремхебом.

В те времена, когда Говард Картер, археолог, воодушевленный своими находками в Долине царей, попытался, заручившись моральной и материальной поддержкой лорда Карнарвона, отыскать гробницу Тутанхамона, об этом фараоне ученые практически ничего не знали.

Ни одна из раскопанных к тому моменту усыпальниц не сохранилась в целости, Долина царей принесла археологам сплошные разочарования. Однако исследователи по-прежнему не теряли надежды превзойти своих предшественников, сэра Гастона Масперо, Лоре, Навилля и Теодора Дэвиса. Они были вознаграждены за упорство, когда настойчивость и опыт Говарда Картера в сочетании с дальновидной щедростью лорда Карнарвона позволили ученым преодолеть все преграды,

охранявшие последнюю земную обитель Тутанхамона от всех грабителей, рождавшихся на свет в течение трех тысяч двухсот шестидесяти пяти лет.

Открытие египтологов мгновенно стало мировой сенсацией. Сообщения о богатствах, сокрытых в нескольких небольших помещениях, едва ли способных их вместить, вызывали восторг и изумление. По мере того как археологи расчищали и исследовали новую гробницу в Долине царей, в ней, как в пещере Али-Бабы, обнаруживались все новые и новые бесценные сокровища. Чем ближе исследователи подходили к саркофагу, тем более точными и фантастическими становились их описания.

Как и следовало ожидать, сенсационность находок породила многочисленные проблемы. Надо было четко организовать работу и наладить охрану. Дополнительные средства требовались и на то, чтобы содержать вынесенные из гробницы находки в соответствующих условиях. Однако лорд Карнарвон вскоре умер, и за этим последовали и другие трудности: трения с правительством, законное и настоятельное требование Картера обеспечить ему возможность работы и, конечно, неизбежные издержки славы. Толпы журналистов и просто любопытных со всех континентов буквально не давали археологам вздохнуть, а всевозможные повседневные дела, возникавшие у рабочих, тормозили раскопки. Только тот, кто жил в археологическом лагере в подобном климате, может по достоинству оценить заслуги экспедиции Картера и понять его требования, которые порой кажутся слишком жесткими.

Картер и его люди совершенно измучились, ибо им, помимо своих прямых обязанностей, приходилось выступать в роли гидов у разных знаменитостей и сдерживать напор зрителей, устремившихся, словно на модное шоу, к гробнице фараона. Каждый из них хотел увидеть все и чувствовал себя глубоко оскорбленным, если археологи встречали его не слишком приветливо и не спешили продемонстрировать обнаруженную, но еще не откопанную, самую последнюю находку. Все желали попасть вниз и осмотреть стены с именами фараонов. Всем хотелось побывать в гробнице, где в течение тысячелетий обитал некий таинственный дух.

Просьбы, мольбы, требования, протесты, вмешательство властей, нападки прессы… – что только не выпало на долю ученых. Но шум со временем стих, и осталась всемирная слава, выпавшая на долю Тутанхамона. Имя этого малоизвестного правителя оказалось связанным с тайной фараонов, с легендой о сказочных сокровищах, оказавшихся вдруг реальными, и – для многих – с мифом о возмездии, поводом к которому стала

история открытия гробницы, судьба юного царя и слава грозных магов и мудрецов Древнего Египта.

Раскопки и работы внутри гробницы были завершены к 1928 г.; без малого шесть лет ушло на то, чтобы вынести наружу и описать каждый предмет из наиболее полного и обширного на сегодняшний день комплекта погребального инвентаря. В Каирском музее была создана постоянная экспозиция. Без малого десять лет потребовалось на то, чтобы подготовить первый сводный каталог «Гробница Тутанхамона» (т. 1. Говард Картер и А.С. Мейс (1923); т. 2 и 3. Говард Картер (1927, 1933).

Безусловно, столь уникальную коллекцию нельзя было разбивать на части, и Пьер Лако, генеральный директор Службы древностей, невзирая на сильную оппозицию, разумно решил оставить ее в Египте. Со своей стороны правительство Египта полностью возместило вдове лорда Карнарвона расходы, связанные с археологическими раскопками в Долине царей.

Ни азарт поиска, ни романтическая история открытия, совершенного, когда срок действия лицензии на проведение раскопок уже почти истек, ни фантастические богатства не стерли из памяти людей связанную с этим трагедию. Через несколько месяцев после открытия гробницы юного фараона лорд Карнарвон смертельно заболел. Климат Египта только приблизил конец. В отличие от молодого лорда в книге Теофила Готье «Роман с мумией» лорд Карнарвон в час своего триумфа не мог взглянуть на мумию фараона, с именем которого навсегда окажется связано его имя. С точки зрения падкой на сенсации публики судьба отнеслась к нему несправедливо, даже дерзко. Так почему бы не выдумать невидимого мстителя, ответственного за все неудачи? И почему бы не возложить эту роль на самого фараона? С Египтом, землей таинственного сфинкса, уже были связаны многочисленные фантастические легенды, в которых фигурирует древняя магия. Как тут не вспомнить о надписях, грозящих всеми бедами «живущим, которые осмелятся нарушить покой гробниц»! Разумеется, лорд Карнарвон нарушил великий закон, который запрещает вторгаться в царство мертвых. Потревоженная тень умершего нанесла свой удар, и дерзкий нарушитель был обречен.

А вскоре Жорж Бенедит, глава Департамента египетских древностей в Лувре, умирает после посещения гробницы от сердечного приступа, вызванного удушающей жарой в Долине царей. Вслед за ним смерть настигает еще одного члена экспедиции, Артура Мейса, помощника хранителя Отдела египетских древностей музея искусств «Метрополитен» в Нью-

Йорке. Легенда о проклятии надолго овладевает умами. Тем не менее другие исследователи, причастные, так или иначе, к открытию гробницы, ничуть не пострадали. В частности, Говарда Картера возмездие, по-видимому, не настигло – он умер 2 марта 1939 г. Из тех, кто дожил до Второй мировой войны и пережил ее, можно назвать А. Лукаса, директора химической лаборатории Службы древностей правительства Египта, через руки которого прошли почти все экспонаты; Гарри Бартона, фотографа, которому мы обязаны бесчисленными и прекрасными снимками гробницы; Р. Энгельбаха, старшего инспектора древностей и впоследствии директора Каирского музея; д-ра Дерри из Каирского университета, изучавшего мумию фараона; Жана Капара, которому выпала честь продемонстрировать недавно обнаруженные сокровища бельгийской королеве Елизавете, и Густава Лефевра, члена Института Франции (в то время служившего старшим куратором в Каирском музее и подготовившего постоянную экспозицию в том виде, в каком мы видим ее сегодня), скончавшегося в 1957 г. Стоит упомянуть также бригаду, трудившуюся на раскопе, в состав которой входили А.Р. Каллендер, помощник Картера, Халл и Хаузер. Наконец, Чарльз Кунц, Пьер Лако, Бернар Бруэр и сэр Алан Гардинер – все они присутствовали при открытии гробницы или активно участвовали в последующих работах: оценивали находки или занимались расшифровкой надписей и т. п. Хотя троим последним далеко за восемьдесят, они по-прежнему активно трудятся в области египтологии.

Время от времени истории о мести Тутанхамона вытесняют с первых полос бульварных газет рассказы об очередных проделках лохнесского чудовища. Призрак давно скончавшегося фараона является к какому-нибудь чувствительному коллекционеру в ужасном обличье. Как же избавиться от проклятия фараона? Поскольку артефакт, который является причиной наваждения, некогда принадлежал фараону, то принадлежать никому другому он уже не может, и единственное правильное решение состоит в том, чтобы отдать эту вещь на хранение какому-либо музею. Сотрудники знаменитых музеев исследуют довольно много подобных поступлений: безобидных камешков с иероглифами или фрагментов деревянного саркофага – эти пережитки суеверия, неистребимые и в наш просвещенный век. Кстати, гибельные артефакты нередко оказывались банальной подделкой.

Однако если эти мистические истории, состряпанные после обнаружения сокровищ, едва ли стоит воспринимать всерьез, все же нельзя оставить без внимания два любопытных и единственных в своем роде инцидента, о которых мне поведал

сын лорда Карнарвона в Лондоне в июле 1961 г. и в своем фамильном замке Хайклере. Но прежде чем о них рассказать, надо припомнить те обстоятельства, при которых лорд Карнарвон предпринял археологические изыскания в Долине царей и поручил Говарду Картеру руководить работой.

Картер начал свою деятельность в Египте как рисовальщик и в этом качестве сопровождал Перси Ньюберри в Бени-Хасан и Эль-Бершу в 1892 г. Затем он работал с американцем Теодором Дэвисом в районе Фив и готовил рисунки для публикации, в которой сэр Гастон Масперо и П.Т. Ньюберри описывали гробницу тещи и тестя Аменхотепа III, Туи и Юйи. В 1903 г. Картер был назначен инспектором Нижнего и Среднего Египта, а в 1907 г. Масперо представил его лорду Карнарвону, который годом ранее просил разрешение на проведение раскопок в Фивах в Верхнем Египте.

Лорд Карнарвон не был египтологом; принимая решение отправиться в Египет в 1902 г., он руководствовался в первую очередь предписаниями врачей, считавших, что климат этой страны должен поправить его пошатнувшееся здоровье. До того как он попал в серьезную автомобильную катастрофу, лорд Карнарвон прослыл заядлым спортсменом и страстным путешественником; и, как человек с тонким вкусом, воплощал в себе дух подлинной аристократии. Он был исключительно богат, но не сорил деньгами. По совету лорда Кромера он решил субсидировать археологические исследования и с помощью Масперо получил разрешение от Египетской службы древностей на проведение раскопок. Лорд Карнарвон понимал, что руководить работами должен специалист – египтолог, и Картер оказался вполне подходящей кандидатурой. С 1908-го по 1912 г. они исследовали западную часть Фив на левом берегу Нила. Публикация «Пятилетние раскопки в Фивах» (Оксфорд, 1912) представляет собой отчет о первых, весьма обнадеживающих находках. Например, была обнаружена знаменитая деревянная табличка с выведенными тушью иероглифами (с тех пор известная как табличка Карнарвона), на которой описаны войны Камоса, изгнавшего из Египта захватчиков-гиксосов. (В 1954 г. в Карнаке была обнаружена стела, на которой в тридцати восьми строках излагаются дальнейшие события.)

Затем Картер решил произвести раскопки в дельте Нила и избрал для этого Саис. Однако из-за разлива Нила работы не удалось начать раньше апреля; а там пришла жара, и, кроме того, исследователей буквально атаковали полчища кобр. Возможно, именно эти священные змеи поспособствовали тому, что Карнарвон с Картером непосредственно перед Первой мировой

войной возобновили раскопки в окрестностях Фив.

Разразившаяся война сильно замедлила работу. Карнарвон не мог приехать в Египет, но Картер был призван на военную службу в самом Египте. Тем не менее в этот период была обнаружена гробница Аменофиса I, которая, к сожалению, оказалась разграбленной, и вторая гробница, предназначавшаяся для принцессы Хатшепсут до ее восшествия на престол. Все это внушало некую надежду. С 1919-го по 1921 г. Картер систематически и тщательно исследовал весь сектор Долины царей между гробницами Мереннтаха, Рамзеса III и Рамзеса VI.

Когда до окончания срока действия концессии остались недели, Картера ждало разочарование: в Англии лорд Карнарвон уже перестал верить, что им удастся обнаружить что-либо значительное. Но утром 4 ноября 1922 г., когда последний угол у основания гробницы Рамзеса VI был расчищен до горной породы и полностью удалены остатки хижин рабочих XX династии под входом в туннель, Картер увидел что-то, похожее на ступеньку, вырубленную в камне. За этой ступенькой обнаружились другие; они вели к оштукатуренной каменной стене с печатями царского некрополя. Прежде чем открыть гробницу, Картер провел все необходимые приготовления. С помощью своего преданного помощника Каллендера он очистил четыре ступеньки и достиг второй стены из каменных блоков, которая тоже была грубо замазана и запечатана царскими печатями. Преодолев шестнадцать ступеней, которые приобрели почти магическое значение, они прочитали на последнем барьере, отделявшем мертвых от живых, имя Небхепруре – Тутанхамон. 6 ноября Картер известил о случившемся лорда Карнарвона, жившего тогда в Хайклере, и тот вместе с дочерью 20 ноября вылетел в Александрию, а 23 ноября уже был в Луксоре. 25 ноября – день, когда из стены, закрывавшей вход в гробницу, был вынут первый камень, Картер вспоминал потом «как самый знаменательный и удивительный день в моей жизни, подобного которому мне уже не пережить». В небольшое отверстие первым заглянул Картер. Карнарвон долго вглядывался в полумрак, рассматривая фигуры животных, статуи и золото.

В огромном парке, окружавшем замок Карнарвонов, я прошлась по ухоженным лужайкам под кедрами и полюбовалась озером и бельведером из белого мрамора. Мне показали ферму с пастбищами, зал в неоготическом стиле, бесценную библиотеку, картины старых мастеров и коллекцию старинной мебели, в том числе письменный стол Наполеона с Эльбы и кресло императора, на подлокотниках которого остались царапины от его ногтей.

Ничто в Хайклере не напоминает о египетском приключении его прежнего хозяина; знаменитая коллекция, которую он начал собирать в 1907 г., находится ныне не в Британском музее, а в Соединенных Штатах – такова была воля леди Карнарвон. Ни одной вещи или фотографии, хоть как-то связанных с землей фараонов.

Стоя перед портретом отца, нынешний владелец Хайклера поведал мне трагический эпилог всей истории. Лорд Карнарвон провел Рождество в Англии и, вернувшись в Верхний Египет в начале 1923 г., каждый день посещал Долину царей. В марте его укусил комар и занес инфекцию. Болезнь быстро прогрессировала. Лорд Карнарвон решил вернуться в Каир, где, как надеялись его родные, он сможет получить более квалифицированную медицинскую помощь. Инфекцию удалось побороть, но в конце марта лорд Карнарвон заболел пневмонией. Его сына, лорда Порчестера, служившего в Индии, срочно вызвали в Египет. С того момента как была обнаружена гробница Тутанхамона, все, связанное с лордом Карнарвоном, вызывало у публики жгучий интерес, и весть о том, что он серьезно болен, распространилась с молниеносной быстротой. Мусульманские паломники молились за него, и молодому лорду на его пути из Индии в Египет оказывалась вся возможная помощь.

Лорд Порчестер прибыл в отель «Континенталь» за несколько часов до смерти отца, последовавшей ранним утром 5 апреля 1923 г., но тот так и не узнал родного сына. Именно тогда имели место два инцидента, о которых упоминалось выше. В отеле «Континенталь» внезапно погас свет и затем вспыхнул сам собой. На следующий день молодой лорд, прибывший с официальным визитом к фельдмаршалу лорду Олленби, узнал, что свет гас не только в отеле, но и повсюду в городе. Лорд Олленби обратился за объяснениями к английскому инженеру, в ведении которого находилось городское энергоснабжение, но не получил вразумительного ответа. Второй инцидент связан с собакой, которую лорд Порчестер оставил на попечении отца, когда отплывал в Индию. Собака сильно привязалась к новому хозяину, скучала и жалобно скулила, когда тот уезжал. В ту самую минуту, когда лорд Карнарвон скончался в Египте, собака, находящаяся в Англии, страшно завыла и умерла.

Таковы действительные обстоятельства смерти лорда Карнарвона. Согласно завещанию его похоронили в родовом имении, на вершине Сигнального Холма, где он сам когда-то проводил археологические раскопки, и от его могилы виден замок. Его судьба свершилась в тот момент, когда он решил финансировать археологические изыскания; и проживи он

несколькими годами больше или меньше, это ничего бы не изменило – ведь его напарник, разделивший с ним славу, ждал в тени забвения более трех тысяч лет. Со дня открытия царской гробницы три имени стали неотделимы одно от другого: Тутанхамон, Картер и Карнарвон.

Тутанхамон, доселе никому не известный, мгновенно превратился в мировую знаменитость, хотя его погребальные сокровища, которые, будучи собраны вместе и осмыслены, немало поведали нам об утонченной египетской культуре, а также об обрядах и практиках захоронения, ничего или почти ничего не говорят нам о его жизни и личности. Фараон, сознательно вычеркнутый из истории страны и династии, был возвращен из тьмы забвения, но образ его по-прежнему окутывала тайна. «Произнося имена умерших, ты даешь им новую жизнь, – гласят погребальные надписи. – Тем самым ты вдыхаешь жизнь в того, кто исчез». Толпы молящихся перед любой из гробниц призывали паломников совершить этот обряд. Самым суровым наказанием для преступника была смена имени, таким образом у человека отбирали его «я». Имена врагов и завоевателей никогда не произносили вслух, ибо те не обладали никакими гражданскими правами. Преступники исчезали из этого мира и из кругов вечного мира еще до своей смерти, поскольку их имена предавали забвению. Они превращались в ничто, в пустоту.

Картер и Карнарвон оказали неоценимую услугу юному фараону, которого они спасли от подобной участи, дав ему «новую жизнь», как просили жрецы некрополя.

Ранее уже говорилось о том, что, несмотря на молодость Тутанхамона и краткость его правления, после смерти имя его целенаправленно пытались стереть со страниц истории. Все посвященные ему статуи и монументы, защищенные надежными стенами гробницы, были обезображены или разбиты.

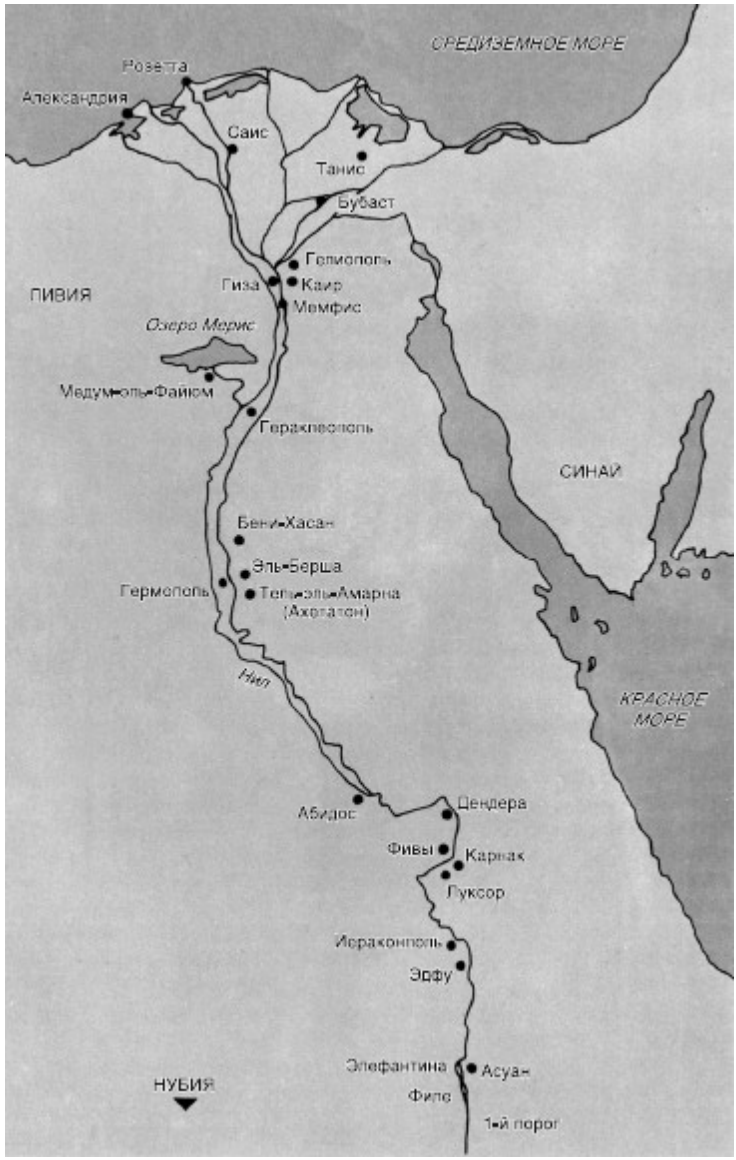
Месть, если уж говорить о мести, могла исходить не от Тутанхамона, а от Амона или, скорее, от сторонников Амона, которые пытались стереть имя Тутанхамона из истории, чтобы он мог умереть во второй раз и погибнуть навсегда. Только найдя инициатора и поняв мотивы этих деяний, можно попытаться воссоздать жизнь молодого царя.

Глава 2
МИР МЕРТВЫХ И ЖИЗНЬ ЖИВЫХ К ЗАПАДУ ОТ ФИВ

Рассказы о мумиях, царях и разбойниках

Наша следующая глава посвящена окрестностям Фив. И хотя для того, чтобы воссоздать картину юных лет Тутанхамона, нам придется отправиться вверх по Нилу в Тель-эль-Амарну, мы постоянно будем возвращаться в этот величественный город и его окрестности с их бесценными историческими памятниками. Изучая эти камни и глыбы, мы оказываемся в XIV в. до н. э., в самом сердце полнокровной и живой цивилизации.

Храм Луксора на берегах Нила ныне напоминает роскошный сад с величественными деревьями. Приближаясь к нему, невольно ощущаешь всесилие богов и жрецов Египта, немало выгадавших от расточительства фараонов. Луксор, однако, создавался в первую очередь как южная резиденция великого бога Амона, где протекала его личная и семейная жизнь и куда он направлялся во время своего одиннадцатидневного явления на великий праздник Опет. Во время этого путешествия он представал взорам верующих на роскошной церемониальной барже, отделанной золотом.



Карнак представляет собой скопление разных храмов, лабиринт святилищ и пилонов, его двери и стены покрыты изображениями царей и богов. Храмы и святилища сооружались в честь всех верховных божеств египетского царства. Главным среди них был Амон, чье имя переводится как «Сокрытый», но присутствие которого ощущается повсюду; это он дарует силу и вечную жизнь фараону. Два высоких султана на его головном уборе символизируют его небесное происхождение. Он, таким образом, выступает одновременно и в роли незримого демиурга в вышних сферах, и в роли земного бога, которому служат его

жрецы, получающие от фараона всяческую моральную и материальную поддержку, какую только может желать Амон.

Среди всевозможных изображений фиванских царей одно – украшающее седьмой пилон большого храма – выглядит весьма красноречиво: это изображение Тутмоса III, который семнадцать раз покорял Азию. Он преподносит очаровательной и миниатюрной богине, покровительнице Фив (под эгидой Амона), великое множество врагов, упавших на колени и молящих о пощаде. В другом месте на огромной панели изображена куча золота, удивительных драгоценностей и экзотических фруктов, захваченных во время победоносных походов и преподнесенных божеству данного святилища в качестве благодарственной жертвы.

Каждый египетский монумент хранит память о каком-нибудь событии или важном эпизоде. Располагая столь обширными сведениями касательно правления Тутмоса III, великого завоевателя, исследователи смогли увязать изображение на обелиске, смысл которого подтверждает надпись на постаменте, рисунок на стене фиванского храма и сделанную клинописью надпись, в которой упоминается ассирийский царь Ашшурбанипал. Надпись сообщает нам, что, когда Ашшурбанипал разграбил Фивы, он переправил в свой дворец две колонны (или обелиска), которые установил у ворот храма. Изготовленные из электрона, сплава, на 75 % состоящего из золота, на 22 % – из серебра и на 3 % – из меди, они вместе весили 2500 талантов, 166 650 фунтов, или около 600 килограммов.

Легко представить, какую безграничную власть имели жрецы Карнака над фараонами. Подтверждением тому служат слова царицы Хатшепсут, высеченные на основании ее обелиска в Карнаке:

> «…Я сидела в своем дворце и размышляла о создавшем меня [Амоне]… Мое сердце повелело мне воздвигнуть ему два обелиска из электрона… И моя душа взволновалась при мысли о том, что скажут люди, которые спустя много лет будут смотреть на этот монумент и судить о том, что я сделала…»

Однако царица обнаружила, что ей недостает драгоценного сплава. Она пишет далее:

> «Что касается двух великих обелисков, которые мое величество покрыло электроном в честь отца моего, Атона, чтобы мое имя жило вечно в этом храме многие и

многие века: они высечены из цельного камня, из твердого гранита, без трещин… Я высказала этим свое почтение Амону, как царь проявляет ее ко всем богам. Я хотела отлить их из электрона [но поскольку это оказалось невозможно] по крайней мере, я покрыла [электроном] их поверхность».

Другими словами, царице пришлось довольствоваться тем, что обелиски покрыли слоем золота только снаружи. Они до сих пор стоят в Карнаке, и в их углах можно обнаружить желобки, в которые золотых дел мастера вставляли тонкие листы электрона.

Мастер Тутмоса III украсил внутреннюю часть собственного погребального храма в Фивах целым циклом рисунков, повествующих о работах, которые проводились под его руководством в мастерских храма Амона в Карнаке. На одном видны два обелиска, и частично сохранившаяся надпись заставляет предположить, что они были изготовлены полностью из золотого сплава. То, что не смогла сделать первая великая царица мира, исполнил ее наследник, пользовавшийся услугами того же мастера. После азиатских походов Тутмос III опустошил сокровищницы завоеванных стран и смог преподнести богу и его жрецам два цельных изваяния из золотого сплава в знак благодарности Амону за помощь. По-видимому, это и есть те два обелиска, которые упоминаются в луврской надписи, каждый из них весит 1250 талантов (83 325 фунтов), и жрицы Фив отдали их Ашшурбанипалу, чтобы предотвратить дальнейшее разграбление города. Только при Тутмосе III Египет обладал таким немыслимым богатством.

Несомненно, что этот фараон всем обязан жрецам Амона. С их помощью ему удалось отстранить от власти родную тетку, царицу Хатшепсут, под опекой которой он долгое время находился. Однако в какой-то момент великий завоеватель решил освободиться от ярма ненасытных жрецов. В самом Карнаке он напомнил им, что власть их не безгранична, использовав другой символ, образ еще одного бога, самого сильного из всех богов, – Солнце. В раннединастический период в честь этого божества воздвигали техены – высокие колонны из хорошо подогнанных камней; они походили на цельный обработанный камень, вершину которого увенчивала небольшая пирамида. Техены были единственным объектом поклонения в храмах Солнца во времена V династии (около 2500 г. до н. э.). Позднее эти сооружения приобрели более изящный вид, наподобие игл, изготовленных из монолитного камня, которые попарно располагались у входа в храмы. Когда цивилизация фараонов начала клониться к упадку,

греческие торговцы, насмехаясь над странными святынями, символика которых была им непонятна, окрестили их «обелисками» – вертелами.

В конце своего правления Тутмос III решил возвести в Карнаке (в храме, посвященном восходящему солнцу, к востоку от большого храма Амона) один отдельный обелиск. Его предполагалось воздвигнуть не в честь могущественного правителя всего царства Амона, а в честь Солнца. Огромная каменная «игла» не была установлена при жизни Тутмоса, и надпись на ней говорит о том, что после его смерти она осталась лежать около карнакского священного озера. Его преемник, Аменхотеп II, воздвиг новые монументы и статуи во славу Карнака, но не использовал этот обелиск. Однако следующий фараон, Тутмос IV, завершил работу, начатую его дедом, и установил в святилище Амона, в центре двора восточного храма, отдельный обелиск, символ Ра Харахти, восходящего солнца (в настоящее время он находится в Риме).

Действия нового царя встретили отчаянное сопротивление грозного духовенства Фив. Жрецы, которые запросто могли возводить на престол и свергать фараонов, несомненно, принимали активное, хотя не непосредственное участие в братоубийственной вражде Тутмосидов. Однако им, вероятно, пришлось пойти на компромисс с учеными жрецами Гелиополя, которые поклонялись солнцу, иначе каким образом новый наследник престола стал четвертым фараоном из рода Тутмосов? По крайней мере, это вытекает из содержания надписи на монументальной стеле, возведенной у груди большого сфинкса Гизы, обнаруженной после того, как был расчищен песок, накопившийся здесь еще с римских времен. В этой надписи Тутмос IV открыто заявляет, что своим восхождением на трон обязан богу Хармахису.

Из текста на стеле явствует, что будущий фараон первоначально не должен был унаследовать престол. Но вот однажды, охотясь неподалеку от мемфисского некрополя, он заснул в полдень в тени «хранителя некрополя» и увидел во сне Хармахиса (Гора на небосклоне). Бог задыхался, заваленный песком, и сообщил ему, что тот, кто избавит его от невыносимого бремени, станет обладателем двух корон фараонов. Внезапно проснувшись, высокородный охотник погнал колесницу домой и немедленно приказал вызволить бога, заточенного в песках пустыни. Вскоре Аменхотеп умер, и, когда погребальная процессия двигалась по просторному залу среди колонн карнакского храма, статуя бога, которую несли жрецы, заставила их отклониться от избранного пути и приблизиться к молчащему

и набожному Тутмосу, стоявшему в темном углу бокового нефа. По указанию бога Тутмос стал наследником трона.

Таким образом, Амон продолжал возводить на трон царей, но Тутмос IV предпочел приписать все вмешательству Ра, богу солнца, которого он освободил от тяжелого бремени. Этот бог в моменты отдыха представал в обличье сфинкса, лежащего на линии горизонта и готового восстать, подобно фараону, когда придет время рассвета. Надписи не лгали: в начале этого века при раскопках была обнаружена стена, возведенная Тутмосом IV, чтобы защитить сфинкса от песков; на кирпичах стояло царское клеймо.

Карнак и его храмы, святилища Египта, хотя с момента их постройки минули тысячелетия, воскрешают прошлое с невероятной живостью и яркостью: глядя на них, невольно переносишься мыслью во времена Нового царства, блистательной роскоши XVIII династии и начала тех грандиозных перемен в одной из величайших в мире религий, которые положили конец безраздельному владычеству Амона. В священных местах своевольный фараон-мистик бросил вызов верховным жрецам, слепо цеплявшимся за авторитарные догмы и потерявшим всякую связь с быстро развивавшимся обществом.

Временная опала Амона привела к тому, что святилища в городе храмов – оплоте официальной теологии и культа божественной личности фараонов – постепенно пришли в запустение или были разрушены. Пожар уничтожил великолепные деревянные порталы с бронзовыми накладками и повредил каменные перемычки.

По иронии судьбы, после всех этих титанических усилий взошедший на престол царь-ребенок Тутанхамон по наущению своего хитроумного наставника вернул жизнь заброшенным храмам.

Но не в религиозных центрах Карнака и Луксора следует искать следы и отзвуки пестрой повседневной жизни того времени. Их можно обнаружить на левом берегу реки, западнее Фив, – на берегу мертвых. Там для египтолога прошлое самым причудливым образом сплетается с настоящим. На правом берегу, где древние фиванские дворцы и лачуги были разбросаны беспорядочно между громадными храмами, выросли современные дома, скрыв от нас руины богатейшей столицы Древнего мира. Правда, в последние годы Служба древностей расчистила храм в Луксоре, сняв культурный слой, скрывавший полностью террасу перед высокими трапециевидными башнями. Теперь стали видны полностью огромные статуи у стен и постамент восточного обелиска; второй такой же обелиск правительство Египта

преподнесло в дар Франции в знак заслуг Шампольона. Отныне мы можем любоваться прекраснейшим дромосом, или священным коридором, украшенным сфинксом с человеческой головой; дорога на Карнак, которой пользовались представители последней египетской династии, обрела свой первозданный вид; однако остальной город погребен под современным Луксором.

Поэтому давайте покинем стовратные Фивы, огромные каменные порталы которых все так же возносятся в небо, и пересечем реку в западном направлении. Я часто проделывала этот путь в разное время года и в разные часы, и всякий раз впечатление было новым. Фиванская гора с пирамидальной вершиной казалась нежно-розовой или небесно-голубой на рассвете, горела золотом днем и окрашивалась пурпуром в недолгих сумерках – всегда величественная и прекрасная. Тот, кто хоть какое-то время провел в этих краях, знает, какое удовольствие пересекать Нил в вечной и бессмертной фелюке с залатанным треугольным парусом и белыми подушками на сиденьях. Иногда мальчик становится у руля, и пара гребцов заводит песню под дружные взмахи грубо сработанных весел, но обычно ветер надувает умело поставленный парус – египтяне всегда были хорошими моряками. Когда в конце февраля уровень Нила падает, обнажаются песчаные отмели (знаменитые чесу), на которых местные жители сразу же начинают сажать помидоры и кабачки. Порой встречаешь лодку с крестьянами, поющими под удары даробуки, – возможно, они справляют свадьбу, или громоздкую, неказистую фелюку, битком набитую товарами, лесом, скотом и пассажирами, – паром, доставляющий на другой берег обитателей Курны, Курнет-Мюрай и Эль-Хоха – деревень на западном берегу.

Путешественника, перебравшегося через Нил и не желающего воспользоваться услугами местного такси, поджидают ослы, хотя не всякий способен по примеру местных жителей ездить на них без седла. Здесь редко встретишь придорожные рынки, предлагающие покупателю всевозможные яства, одежды и кувшины из пористой глины, в которых вода всегда остается свежей и прохладной, также едва ли вам попадется телега, укрытая пальмовыми ветками, куда набились женщины в черной парандже или щебечущие, как птицы, девушки в ярких одеяниях. Западный берег спокоен в своем величии: вы ощущаете, что находитесь среди подданных фараона и ступаете по священной земле, в которой похоронены их далекие предки. Но эта волшебная земля также таит в себе несметные сокровища. Полицейский участок расположен около причала, и тот, кто не живет на западном берегу, обязан покинуть его до захода солнца.

Оросительный канал тянется от реки через поля сахарного тростника, хлопка, пшеницы и берсема (разновидности клевера). Вся жизнь в поэтическом египетском пейзаже сосредотачивается в оазисах – в том числе и деревни, которые с равным успехом могли возникнуть тысячелетия назад или совсем недавно, с их пальмами и платанами, ослами, замусами (речными буйволами) и одногорбыми верблюдами. Прибрежные шадуфы, которые крестьяне по-прежнему используют, чтобы поливать свои поля после окончания паводка, вскоре уступают место сакехам. Терпеливые буйволы крутят эти водяные колеса, мальчик-погонщик с бичом в руке гнусавит заунывную и пронзительную песню под нескончаемый скрип колес.

Первая деревня, которая попадается вам на пути, резко контрастирует со всем окружением. Она построена недавно и пока что не заселена, красивые домики в саидском (южном) стиле, в котором улавливается сходство с нубийскими жилищами, чем-то неуловимо напоминают древние постройки. В 1948–1949 гг. Служба древностей начала строить образцовую деревню, чтобы переселить в нее жителей Курны и тем самым спасти храмы и гробницы фиванской знати от грабителей. Здесь мы вступаем в странный мир: жизнь подступает к границам некрополя и вторгается в него, ибо местные, с позволения сказать, крестьяне, не желающие терять ни клочка плодородной земли, обосновались даже в храмах и гробницах.

За зеленой долиной и развалинами заупокойного храма Аменхотепа III, от которого остались только знаменитые колоссы Мемнона – впечатляющие и наглядные свидетельства исчезнувшего мира, – начинается пустыня. Плодородные почвы внезапно уступают место безжизненным пескам и камню; здесь уже ничто не может расти. Вместо прохладного ветерка с реки, вас обдает жаром доменной печи. Это и есть настоящий левый берег, царство фиванских мертвых, где жрецы, бальзамировщики, гробовщики, могильщики и стражи, охранявшие склепы, жили своей жизнью в тени гробниц и монументов, воздвигнутых царями Нового царства: Дейр-эль-Бахри, Рамессеум, Мединет-Абу…

Все это – заупокойные храмы царей, реально похороненных в другом месте. В эпоху XVIII династии подземная часть царского погребального комплекса была отделена от храма, умерших стали хоронить за внушительной скалой Дейр-эль-Бахри, в высохшем русле правого притока Нила, получившем название Долина царей и Долина цариц. По примеру венценосных особ фиванская знать стала возводить свои вечные обители у той же скалы. В роскошных мастабах («гробницах в виде скамей») Древнего

царства, сооруженных из известняка, имелись молельни, на фризах которых были помещены цветные барельефы с изображениями бытовых сцен. Когда Фивы превратились в столицу государства и правители стали размещать свои гробницы под естественной пирамидой, возведенной самой природой на вершине фиванской горы, придворные и сановники получили высочайшее разрешение высекать гробницы в склонах. Самые красивые расположены на нижнем уровне, где камень мягче и лучше поддается обработке. Прекраснейшие резные фризы времен правления Аменхотепа III сохранились в знаменитых молельнях гробниц Хемхета, Херуфа и Рамоса. Выше по склону камень худшего качества и не всегда пригоден для резьбы. В этих случаях стены молелен гладко обтесывали и разрисовывали яркими красками, которые и сегодня не утратили своей свежести.

В этих рисунках и барельефах жизнь Фив запечатлена во всех ее проявлениях: знатные гости на царском празднестве, судьи на скамьях, царский писец, исполняющий свои обязанности. Сады, деревья и растения окружают прямоугольные пруды с рыбами; над ними порхают птицы, и у берега цветет лотос. Мы видим садовый шадуф, не изменившийся за тысячелетия, и мастеров, заканчивающих статую или изготовляющих мебель. Строители делают глиняные кирпичи и складывают стену; пастух, красивый как молодой бог, гонит свое стадо домой. Девушка замерла на мгновение, подбирая колосья; батрак просит товарища вытащить из его ноги занозу. Крестьянин спит под деревом, на котором висит его бурдюк, а брадобрей занимается своим ремеслом прямо на поле.

На красочных барельефах или плоских картинах представлены чуть ли не все ремесла; например, золотых дел мастер обрабатывает великолепный самоцвет, а литейщик плавит драгоценный металл. Знатные фиванцы собрались на пир, их ублажают хорошенькие девушки, музыканты и танцовщицы.

В каждой гробнице встречаются очередные вариации на одни и те же темы. Две из них, присутствующие с самых ранних времен, – охота и рыбная ловля. Во времена XVIII династии подобные рисунки обретают особое изящество. Владелец гробницы изображен среди зарослей папируса в рыбачьей лодке, сплетенной из ивняка и обтянутой кожей; его сопровождают жена, иногда дети. На одном рисунке он бросает бумеранги в водоплавающих птиц. На другом показано, что он багром поймал двух больших рыб. Долго считалось, что этот традиционный мотив, столь часто использующийся в оформлении молелен, иллюстрирует приятное времяпрепровождение, ожидающее ушедших в мир иной.

Мир умерших, особенно в погребальных храмах Фив, дает нам полное представление о жизни Египта в эпоху фараонов. Колодец-шахта у молельни вел под землю в погребальную камеру, которая являлась сугубо личной и куда никто не допускался после захоронения. Здесь, окруженная всем необходимым скарбом, лежала в саркофаге мумия.

Но воссоздать обстановку этой части некрополя не так уж трудно. Многое сохранилось, пусть даже в полуразрушенном виде, под песками или слоями азотного осадка, так называемого себах. И нам достаточно миновать Курну и Курнет-Мюрай и проследовать по пересохшему руслу, вади, между Долиной царей и Долиной цариц, оставив по левую руку заупокойный храм Рамзеса III, возвышающийся над романтическими руинами Джеме, древнего коптского города. По дороге в Долину цариц находится пещера, у входа в которую высечены надписи с обращениями к местной богине, «любящей молчание», богине-змее, которая правит на вершине горы. Во времена Нового царства здесь, вероятно, поклонялись двум кобрам, как и сегодня в некоторых домах Курнет-Мюрай привечают рептилий.

Тропинка приведет нас к вади Дейр-эль-Медине. Сотрудники каирского отделения Французского института археологии Востока вот уже сорок лет расчищают от себах древние остатки большого, обнесенного стеной поселения, в котором в течение нескольких поколений во времена Нового царства жили рабочие некрополя. В поселении была главная улица и площадь, где набирали воду. Стражи, стоявшие на посту у каждых ворот, охраняли поселение и, возможно, присматривали за его жителями. Неподалеку располагалась пустынная гора – прибежище волков, гиен и разбойников.

Одно за другим появляются из-под песка разрушенные жилища; на дверных косяках и основаниях колонн, поддерживавших крыши, написаны имена их владельцев. Таким образом, оказалось возможным сопоставить эти надписи со сведениями, содержащимися в найденных на месте раскопок папирусах, и именами владельцев гробниц в ближайшем некрополе. Многочисленные находки, в особенности остраконы, обнаруженные в стенах, в домах, культурном слое или тайниках колодцев северного храма, позволяют представить достаточно ясно, как протекала жизнь в деревне. (Остракон – кусок известняка или черепок, на котором писали иератическим письмом – упрощенными иероглифами; это позволяло древним египтянам экономить на дорогом папирусе.) Из записей мы узнаем, каким образом была организована работа. Бригады – сформированные сообразно тому, по правой или по левой

стороне главной улицы человек жил, – спускались по тропе к узкому входу в долину, раскинувшуюся у подножия фиванского пика. Здесь они разбивали лагерь, каждая на «своей» стороне дороги. Лагерь служил им базой в последующие десять дней, в течение которых они работали. По истечении этого срока они возвращались в свое поселение, Сет-Маат, «Место правды».

Эти рабочие, вопреки расхожему мнению, не были ни пленниками, ни рабами, и не похоже, что с ними обращались жестоко, а когда строительство заканчивалось – их предавали смерти. Напротив, тысячи остра-конов содержат забавные отговорки, к которым прибегали ленивые строители, чтобы не выходить на работу. Так, одному пришлось срочно везти заболевшего осла к ветеринару, а другой три раза хоронил одну и ту же тетушку! Третий рабочий просит о повышении, а четвертому понадобилось отлучиться, чтобы заказать новый инструмент. Сообщается также о задержках, вызванных тем, что бригада наткнулась на «камень», прожилку кварца, которая тормозила работу. В счетах одного мастера указывается количество фитилей, выданных рабочим для масляных ламп, которыми они пользовались под землей.

Благодаря этим черепкам жизнь поселения предстает перед нами во всей полноте. Домашние задания, исправленные красной тушью учителя, наброски и картинки к известным сказкам… Вот детальный рисунок царского профиля, который необходимо воспроизвести на гробнице, а здесь – сцена охоты с собаками на гиену или волк и мальчик, играющий на дудочке! Рассерженная мать жалуется соседу на непослушного сына, который, прячась за стеной, бросает камешки в школьниц. Благодаря остраконам мы точно знаем маршрут, которым следовала статуя бога, призванного выступить в качестве оракула для разрешения спора. Мы можем восстановить его путь от ворот деревни до того места, где бог назвал виновную сторону. Не упущена ни одна деталь, вплоть до скатанных кусочков папируса с разными знаками, которые использовались в качестве жребия. Официальные записи фиванского некрополя сообщают нам, какие продукты входили в ежедневный рацион местных жителей; мы узнаем также, что одно время за ними ездили к храму Мединет-Абу. В другой записи люди жалуются: «Мы ослабли от недоедания, потому что мы не получаем те продукты, которые фараон приказал выдавать нам» – и грозят забастовкой.

На некоторых черепках запечатлены судебные протоколы: например, по делу Хаи, начальника работ, который якобы оскорбительно отзывался о фараоне. Был созван суд частного некрополя, и из отчета суда видно, какими исключительными

привилегиями пользовались мастера. Хаи судил кенбет, суд равных, по четыре человека с «правой» и «левой» стороны Дейр-эль-Медине, и председательствовал на этом разбирательстве его коллега. Ответчику были предоставлены все возможности для изложения своих доводов.

Остраконы часто дополняют скудные данные, полученные, скажем, из фрагментов папируса, и тогда головоломку удается сложить. Наблюдательный египтолог, глядя на рабочего, чистящего колонну, заметит на ней имя владельца дома, Панеб. Он знает, что Панеб был мастером на работах в Сет-Маат, в самом центре которого располагался Дейр-эль-Медине, и ему на ум сразу приходит могила Панеба на западном склоне холма, у подножия которого располагалось поселение рабочих. Археологи подозревают, что Панеб несет ответственность за убийство бригадира Неферхотепа. Подтвердят ли улики, обнаруженные в его доме, это обвинение? Однажды в кладовой некоего Паваха был обнаружен кусок золоченого дерева, который неопровержимо свидетельствовал о его участии в ограблении могилы Рамзеса III, доказать которое судьи XII в. до н. э. так и не сумели. Однако Панеб оказался предусмотрительным и не оставил улик. Его современники, однако, внимательно следили за ним, и если сопоставить сведения папируса № 124 с каирским остраконом № 25 521, то невольно приходишь к выводу, что дурная репутация Панеба не была незаслуженной.

Панеб жил во времена Саптаха II, в период между царствованием Сети II и Рамзеса III, в начале правления XX династии. Он пользовался своим положением начальника работ в некрополе: он заставил мастеров строить ему дом, ничего им не платил и распоряжался государственным имуществом как своим собственным. Одному из ремесленников он приказал расписать саркофаг, а другому – оштукатурить стены его гробницы, что явно не входило в обязанности мастеров, отделывающих царские усыпальницы. Он даже заставил Небнофера, сына Куджмеса, кормить принадлежащего ему быка в течение целого месяца за государственный счет, а еще одного ремесленника, Раубена, принудил делать циновки для своего дома. Это было возмутительно, но, очевидно, Панеб не видел разницы между личными и служебными делами. Его непосредственный начальник, Неферхотеп, главный мастер, разоблачил его и подал официальную жалобу царскому писцу, однако честный человек, не имеющий высоких покровителей, должен обладать большим мужеством, чтобы открыть правду, которая не всем удобна. Вор Панеб стал, вероятно, еще и убийцей, поскольку Неферхотеп внезапно умер и Панеб вскоре занял его место. Он, видимо, не

боялся небесной кары, в отличие от некоторых набожных грешников, вроде Неферабу, рабочего из того же некрополя, который из-за своих прегрешений ослеп. Терзаясь муками совести, он публично признался, что строил козни против своего соседа, и сразу же прозрел по милости богини Мересгер, обитавшей на вершине горы.

Судя по свидетельствам папирусов, бесчестные негодяи вроде Панеба в Фивах времен XX династии не были редкостью. По всей видимости, нетронутое царское захоронение так и не будет найдено.

Надписи, сделанные на скалах царского некрополя, свидетельствуют о том, что инспекторы регулярно проверяли состояние гробниц, но не догадывались, что грабители систематически наведываются туда за золотом и драгоценными маслами. Подобный поворот событий, однако, можно было предвидеть, ибо о царских погребальных сокровищах было всем известно. Кроме того, их выставляли на всеобщее обозрение во время погребальных шествий с правого берега Нила на левый, и подобное богатство наверняка будило алчность и зависть у зевак, которым не были ведомы уважение к мертвым и страх перед высшими силами. Один случай воровства был раскрыт при Рамзесе IX, и дело это дошло до сведения высоких сановников. Определенно этот случай входил в юрисдикцию кенбета, хотя большинство обвиняемых были людьми низкого происхождения. Предположительно суд вершился в храме на правом берегу Нила, в большом зале богини Маат, покровительницы правосудия и закона. В состав суда входили царский писец, верховный жрец Амона и другие видные чиновники. В соответствии с надписями в некрополе обвиняемые были заключены в храм Мут в Фивах, где подверглись допросу «с нанесением ударов палками по их рукам и ногам». Время было суровое и жестокое, и политический кризис в стране усугубили неурожаи и голод.

Золото стало редкостью, и кое-кому было все равно, где оно лежит. Скандал приобрел грандиозный размах, когда Песиур, правитель Фив, выяснил, что идет планомерное разграбление гробниц царей и знати. Его рвение, возможно, обуславливалось желанием доказать соучастие или некомпетентность Павера, правителя западных Фив. Песиур уведомил Хембесета, царского писца, после чего началось расследование. Проводились даже следственные эксперименты, во время которых были вскрыты среди прочих могилы царственной супруги Рамзеса III, царя Сехемре-Шедтави, Себекемсафа и его жены Нубхас. Конечно, Паверу не оставалось ничего другого, как выдать преступников, хотя у них были влиятельные покровители. Однако царскому

писцу удалось воспользоваться неосторожностью Песиура, который, придя в ярость от двурушничества Павера и продажности судей, не смог сдержать праведный гнев. Его неразумные высказывания достигли ушей царского писца, который срочно замял дело, оправдав и освободив обвиняемых. Паверу «вынесли порицание», в официальные архивы был направлен весьма формальный отчет. Есть основание полагать, что кого-то из грабителей гробницы Себекемсафа все-таки казнили, но очень многим удалось избежать этой участи благодаря протекции Павера и, несомненно, самого Хембесета, который, надо думать, получил свою долю от награбленного добра.

Подобное попустительство, а точнее, пособничество могло только воодушевить грабителей, которые обратили свое внимание на великие гробницы Долины царей. Еще несколько раз их удавалось схватить за руку, и теперь судьи были более добросовестными. Например, осквернители гробницы царицы Тии, жены Сети I и матери Рамзеса II, понесли заслуженное наказание. Гробницы этих двух царей также были вскрыты, и до начала правления XXI династии некрополь западных Фив не знал покоя. К этому приложило руку даже жречество, и папирус, хранящийся в Британском музее, сообщает нам о том, что заупокойный храм Рамзеса II был разграблен его же собственными жрецами. Таковы наглядные свидетельства разрухи, в которую погрузилась страна после бесконечных набегов ливийцев.

Цари XXI династии, осознав, что они не в состоянии уберечь от осквернения гробницы своих предков, решили перенести царственные мумии в «тайники». Главный, предположительно находился к северо-западу от Дейр-эль-Медине: в подземной камере длиной в 27 футов, вырубленной в скале, помещались тридцать простых саркофагов, где покоились в том числе мумии величайших фараонов: Аменхотепа I, Тутмоса II, Тутмоса III, Рамзеса I, Сети I, Рамзеса II и Рамзеса III. Секененра, освободитель долины Нила, лежит рядом с этими владыками с лицом, пронзенным стрелой гиксосов. Этот жалкий «склеп», наскоро сооруженный последними царями Фив, их преданными писцами и смотрителями некрополя (такими, как Бутехамон), позволяет нам, совершив полный круг, вернуться к исходной точке – к современным обитателям фиванских некрополей.

Их жилища разбросаны по территории от склонов холмов до долины, где располагается вади. С раннего детства их излюбленным местом для игр служит гора, чьи недоступные уголки они знают как свои пять пальцев и где нередко

обнаруживаются тайники, откуда они черпают свои дивиденды. В 1874 г. Масперо заметил, что на рынке антиквариата появились фигурки с именами царей XXI династии, деревянная табличка с надписями тушью, приобретенная каким-то коллекционером (табличка Роджерса, в настоящее время хранится в Лувре), папирус, принадлежащий царице Неджмет, и т. д. Направленные им для расследования инспектора действовали скорее как детективы, а не как официальные лица, и сумели в конце концов собрать нужные улики. Наконец, в 1881 г. было установлено, что хищениями руководят братья Абдулрассул из Курны и Мустафа Ага Айят, луксорский уполномоченный Британии, Бельгии и России! С разрешения Дауда Паши, губернатора Кенеха, Масперо арестовал и допросил Ахмеда Абдулрассула, но ничего этим не добился. Призванные в свидетели мэр и уважаемые люди Курны показали под присягой, что Ахмед – честнейший и бескорыстнейший человек, что он никогда «не копал» и не будет копать и не мог присвоить древнюю вещь, не говоря уже о том, чтобы осквернить царскую гробницу. Какая забавная перекличка с оправдательным приговором, вынесенным три тысячи лет назад фиванским высоким судом Паверу и его рабочим, грабившим некрополь! Абдулрассула отпустили на поруки. Вскоре между братьями вспыхнула ссора, Ахмед Абдулрассул, побывав в тюрьме, понял, что больше не может рассчитывать на покровительство Аги Айята, потребовал компенсации от подельщиков, настаивая на половине доли, а не на пятой части, как было условлено в 1871 г., когда они нашли сокровища. 25 июня 1891 г. Махмед, старший из братьев, явился с повинной к Дауду Паши, и 6 июля официальные представители Службы древностей последовали за ним в последний приют величайших египетских фараонов. Их украшения давно исчезли, золотые саркофаги были украдены и переплавлены древними грабителями. Их мумии, заново перепеленутые жрецами XXI династии, лежали рядом с мумиями простых людей в деревянных саркофагах, и только на некоторых стояли имена.

Так случилось, что феллах, решивший разбогатеть, вернул Египту более тридцати его достойных предков. Их нельзя было оставлять ни на один день, в этом ненадежном убежище, поскольку жители Курны, взбудораженные слухами, бросились на поиски несметных сокровищ и едва не перебили археологов. Потребовалось сорок восемь часов непрерывной работы, чтобы на руках перенести саркофаг и то, что осталось от погребального инвентаря, к реке: тяжелые саркофаги несли шестнадцать человек, и на один переход требовалось восемь часов. Вечером 11 июля бесценная коллекция прибыла в Луксор, а через три дня, 14

июля, пароход «Меншех» с царственным грузом взял курс на Каир.

Около Карнака на корабль чуть не напали; вести о продвижении судна по Нилу передавались по таинственному беспроволочному телеграфу, и тысячи мужчин и женщин, бросив свои поля и дома, выстраивались на берегах Нила, рыдали навзрыд, оглашали воздух пронзительными криками и посыпали голову пеплом, как это делали плакальщики при фараонах. Вот так под стройный хор причитаний когда-то могущественные правители летом 1881 г. прибыли в Каир.

Когда в 1898 г. Виктор Лоре нашел гробницу Аменхотепа II в Долине царей, он также наткнулся на еще один царский тайник, в котором жрецы XXI династии спрятали тринадцать мумий, включая мумии Аменхотепа II, Сети II и Саптаха. На этот раз помощь грабителей не потребовалась: исследователь в течение долгого времени искал гробницы, которые посетил греческий географ Страбон, совершивший путешествие в Фивы.

То, что не тронули воры древности, явилось манной небесной для нынешних обитателей Курны. Когда они нашли эту золотую жилу, фиванский антикварный рынок наводнили бесценные предметы, на которых имелись красноречивые надписи. Воры использовали древние заупокойные храмы как места общего пользования, в минуту опасности, когда за кем-то из них гналась полиция, спускались в погребальные камеры и оттуда попадали в разветвленную сеть соединявшихся между собой гробниц, по которым можно было свободно передвигаться, не поднимаясь на поверхность.

В сентябре 1916 г. старый житель Курны, Махмед Хамад, внезапно разбогател и решил взять вторую жену, совсем молодую девушку. Круг его друзей расширился, и их разговоры часто крутились вокруг золотых монет. Таким образом, полиции стало известно, что Махмед нашел клад. Однажды на заре в деревню прибыла конная полиция, но бдительные жители успели разбудить Махмеда и его молодую жену. Золото нужно было как-то незаметно вынести из деревни. Красивая девушка наполнила корзину монетами, присыпала их мукой и, поставив ее на голову, спокойно спустилась по склону холма, обменявшись веселыми шутками с попавшимися ей навстречу полицейскими. Однако, когда она уже обогнула холм, последний полицейский игриво ткнул дубинкой в корзину, та упала на землю и золотые монеты покатились в разные стороны. Полицейские и местные жители принялись в суматохе драться за них; Махмеда и его дружков препроводили в Луксор, хотя за решетку угодил только он один.

Происхождение золотых монет быстро выяснилось. В июле

1916 г. жители Курны попали на «Обезьянье кладбище» в южной долине под сильный ливень. Когда дождь прошел, они увидели ручей, стекавший по склону горы, и заметили внизу расщелину. Самые сильные и ловкие обвязались веревками и, спустившись со скалы, обнаружили еще нетронутую гробницу. Ее содержимое было немедленно продано скупщикам краденого, которые постепенно избавлялись от него, переправляя ценнейший антиквариат за границу. Феллахам посчастливилось напасть на погребальные сокровища трех сирийских принцесс, жен великого Тутмоса III.

Спустя несколько лет Уинлок проводил раскопки в том районе, и у него, в числе прочих, работал Махмед Хамад. Таким образом, американский египтолог мог на месте изучить то, что осталось от сокровищ, многие из которых были приобретены музеем «Метрополитен». Находки эти были уникальны: чего стоили один только обруч для волос с головами газелей или золотой головной убор, инкрустированный голубой и красной пастой. Почему три принцессы похоронены вместе? Умерли ли они одновременно от какой-нибудь эпидемии? Или они участвовали в одном из заговоров, столь распространенных в гаремах египетских царей? Как бы там ни было, но их гробницу, очевидно, не тронули древние грабители, так как смотрители некрополя приходили и фиксировали все даты своих посещений на скале: «Год 22, первый месяц времени года Ахет, двадцатый день – приходил царский писец Бутехи». По другую сторону вади вторая наскальная надпись гласит, что «Писец Места Истины Горизонта [некрополь] также приходил в сопровождении «царского писца в доме Вечности» Тутмоса (родного отца) и Анхефамуна, своего сына». Возможно, эти люди помогали царю перезахоронить мумии фараонов в новом месте. Здесь ничто не вызвало у них подозрений, и они не стали переносить тела трех принцесс в общую усыпальницу.

Умершие цари и живые грабители неотделимы друг от друга. Порой некрополи тщательно охранялись, в других городах строители и местные жители считали почивших царей и их сокровища своим достоянием. Неоднократно делались попытки переселить феллахов из Курны, в 1763 г. была даже применена сила. Ничто не помогало. Ученая комиссия Бонапарта была встречена градом камней.

В такой обстановке жили и работали египтологи, разбившие лагерь на западном берегу Фив. Говард Картер, несомненно, выслушал множество рассказов о разбойниках и полицейских расследованиях, когда приступил к поискам в Долине царей.

Глава 3
ГРОБНИЦА

Прелюдия к открытию

Зимой 1906 г. Теодор Дэвис, проводивший раскопки в Долине царей, обнаружил в тайнике неподалеку от места будущего раскопа Картера кувшин, покрытый голубой краской, на котором стояло имя Тутанхамона. На следующий год он проник в подземную камеру, уходившую более чем на семь футов в глубину; она располагалась в Долине царей к северу от гробницы Хоремхеба. После разливов Нила в ней остался толстый слой засохшей грязи, и землекопы не без труда извлекли из нее разбитый деревянный ларец с несколькими листами тисненого золота, на которых, среди прочего, можно было различить силуэты Тутанхамона, его жены Анхесенамон и «Божественного отца», Эйэ. Через несколько дней к этим находкам добавились несколько образцов глиняной посуды из шахтного колодца, расположенного в 100 ярдах к югу от гробницы; среди них оказался изящный сосуд для вина с длинным горлышком, теперь экспонирующийся в музее «Метрополитен». На пробках некоторых сосудов стояла печать некрополя (Анубис, собака, стерегущая девятерых пленников) и имя Тутанхамона, «возлюбленного» разных богов, включая Птаха и Хнума. Одна из бутылей была обернута куском ткани, датируемой шестым годом правления Тутанхамона. Мешочки, содержимое которых превратилось в прах, были обнаружены в куче тряпок, которые, по-видимому, использовались при бальзамирования мумии. Особую ценность представляли три полукруглых носовых платка или головные повязки и пятьдесят повязок для мумифицирования: они не были вырезаны из целого куска материи, а ткались каждая отдельно, о чем свидетельствовали их кромки.

Дэвис и его коллеги тогда решили, что это все, что осталось от могилы Тутанхамона, которая, вероятно, была разграблена, как многие другие гробницы, например гробница Хоремхеба, которую Дэвис обнаружил в следующем, 1908 г. Вскоре он прекратил поиски, проводившиеся с 1903-го по 1909 г. За это время Дэвис откопал семь гробниц с надписями и девять неопознанных гробниц в Долине царей. Предисловие книги, в которой он описывает свои последние изыскания, заканчивается следующей фразой: «Я боюсь, что находки в Долине царей на том исчерпаны».

Масперо придерживался иного мнения; он считал, что гробница Тутанхамона первоначально находилась в западной части Долины царей, неподалеку от сиринга Аменхотепа III. Царь

Хоремхеб разорил ее, когда ополчился на почивших предков, а то, что осталось, подобрали и спрятали верующие; на один из таких тайников и наткнулся американский археолог. В самом деле, предметы, обнаруженные Дэвисом, похоже, использовались во время похорон Тутанхамона и заупокойного обеда в самой гробнице или возле нее. Вероятно, в тайнике были спрятаны артефакты, связанные с погребальным обрядом и пиром. Дэвис обнаружил также три больших ожерелья, в которых цветки василька и голубого лотоса, сплетавшиеся с листьями оливы, перемежались голубыми бусинками. Эти ожерелья, судя по всему, надевали гости во время траурной трапезы.

Исследования Теодора Дэвиса подтвердили, что в этой части Долины царей располагаются тайники или могилы, датируемые концом XVIII династии и принадлежащие фараонам, принимавшим участие в религиозной революции в Тель-эль-Амарне. В 1907 г. он обнаружил фрагменты балдахина с именем царицы Тии, матери Аменхотепа IV и жены Аменхотепа III, а также канопы, саркофаг (как он полагал) с мумией царя-еретика Аменхотепа IV – Эхнатона; судя по всему, это была не гробница, а еще один тайник (гробница № 55).

Все эти данные навели Картера на мысль вести поиски на участке между гробницами Рамзеса IX и Рамзеса VI. Утром 4 ноября 1922 г. на раскопе царило необычное оживление. Картер, прибывший на место, застыл в напряженном ожидании, понимая, что поиски наконец достигли цели. Рабочие расчистили ступеньку, выбитую в скале под гробницей Рамзеса VI. За ней последовали еще пятнадцать ступеней, составлявшие лестницу шириной 5 футов 3 дюйма и длиной 13 футов 2 дюйма, которая вела к прямоугольному проему длиной 3,5 фута и шириной 5 футов, полностью замурованному камнями и заштукатуренному. На внешней стороне этой «двери» имелись знаки. В верхней части стены помещались символы царского некрополя: Анубис в образе шакала над согбенными фигурами людей со связанными за спиной руками – девятью плененными врагами Египта. В нижней части стены располагались знаки, содержащие царское имя Тутанхамона: Небхепруре. Очевидно, что гробница подверглась разорению, на стене виднелись следы двух заштукатуренных проходов.

К 25 ноября дверь была полностью разобрана; и за шестнадцатой ступенью открылся проход длиной 25 футов, вырубленный в скале и заваленный мусором. Обломки черного камня подтверждали, что в гробницу кто-то проникал. Коридор вел ко второй двери – входу в первую камеру гробницы – того же типа, что и первая; она также была вскрыта, потом заделана и

снова запечатана.

Когда 29 ноября была разобрана вторая дверь, глазам археологов предстало скопление самых удивительных артефактов. В камере было все перевернуто вверх дном. Поразительно, что в ней оказались предметы как повседневного, так и культового назначения: ящики с погребальной пищей, букеты цветов, золотой трон, инкрустированный цветной эмалью, огромные ложа в виде фантастических животных, наполовину разобранные колесницы, покрытые золотом, безрукая мумия юноши в царском головном уборе и алебастровые вазы необычайной формы.

Первая камера, или южная комната

Эта первая комната, назовем ее «передней», имела в длину 26 футов и в ширину 12 футов. С побеленными стенами, похожая на склад, она напоминала тот тайник, в котором Теодор Дэвис обнаружил балдахин с именем царицы Тии и саркофаг в форме мумии, предназначавшийся, как он считал, для Аменхотепа IV. Само помещение было ориентировано по оси север – юг перпендикулярно идущему на восток коридору.

На страницах этой книги не представляется возможным подробно описать все, что было обнаружено в гробнице. Несколько авторов уже сделали это, в частности сам Картер, который опубликовал три тома (плод его десятилетней работы), посвященные сокровищам молодого царя. К тому же о каждом из найденных предметов можно написать отдельное исследование. Вместе с тем хотелось бы дать читателю определенное представление о той обстановке, в которой люди XX века впервые получили возможность осмотреть царский погребальный ансамбль почти в том виде, в каком он существовал в мрачные времена конца XVIII династии, то есть в XIV столетии до н. э. Мы еще вернемся к наиболее ценным и важным артефактам, когда будем говорить о жизни царя и, в частности, о церемониях, связанных с его смертью.

На полу «передней» валялся мусор, осколки, глиняные черепки и обломки плетеных корзин. Воры, которые, очевидно, дважды пробирались в гробницу, все в ней перевернули, открыли сундуки и перелили благовонные масла из сосудов; на каменном полу было найдено несколько обернутых в тонкую материю пробок из необожженной глины. Вместе с тем все вещи, как ни странно, вроде бы остались на местах. В рабочем дневнике Картера указано, что в первой комнате содержалось 170 различных предметов – среди них сундуки и ящики, в которых могли лежать и другие вещи. Это не была просто куча разрозненных предметов, а обнаруженные среди мусора в коридоре тессоны – черепки сосудов с именами Аменхотепа III, Сменхкара, Тутанхамона, Аменхотепа IV и даже Тутмоса III – навели ученых на мысль, что когда-то здесь помещался клад.

На большей части предметов первой камеры стояло имя Тутанхамона, и многие из них, судя по всему, были переставлены грабителями. Сейчас, к сожалению, уже невозможно определить, где стояла изначально алебастровая чаша в форме лотоса. По всей видимости, она должна была располагаться у порога и служить приветственным знаком для входящих, так как на ее

ободе, после официальных титулов Тутанхамона, значилось следующее пожелание:

> Да будет жить Ка!
> Да проживешь ты миллион лет,
> о ты, который любит Фивы и сидит,
> обратись ликом к восточному ветру,
> чьи глаза созерцают блаженство!

Нам также не дано узнать, как помещалась при захоронении скульптура – изображение головы молодого царя, поднимающейся из оштукатуренного и покрашенного деревянного цветка лотоса. У западной стены первой камеры были свалены ящики и мебель: скамеечки, стул с изображением вечной души на украшенной лепкой спинке и великолепный трон из ослепительно сверкающего золота, серебра и стеклянной пасты, украшенный поэтическими сценами из жизни Тутанхамона и его жены. Сундуки с одеждой и драгоценностями остались почти нетронутыми. Возле противоположной стены валялись четыре разобранные колесницы, флейты, трости, оружие и обветшалые корзины вперемежку с керамикой и алебастровыми вазами.

Почти все сундуки – большие и маленькие – были прямоугольной формы; некоторые – с плоскими крышками, другие – с выпуклыми. Среди них попадались тростниковые, но подавляющая часть была сделана из дерева. Порой использовались пластины из раскрашенной слоновой кости. Иногда содержимое сундуков перечислялось в списках, нанесенных черной тушью; например, на одном ящике было указано, что в нем находится семнадцать предметов из голубого лазурита. Там действительно лежало шестнадцать голубых ваз для возлияний, семнадцатая – вынутая грабителями – обнаружилась в другом помещении гробницы.

Перед большой статуей из черного дерева находился замечательный раскрашенный сундук из дерева, на панелях которого были представлены мастерски исполненные сцены битвы и охоты, предвосхищавшие те барельефы, которые появятся на стенах храмов при XIX и XX династиях. Иератическая надпись гласила: «Сандалии Его Величества. Жизнь, Здоровье, Сила!» Внутри действительно лежало несколько пар обуви фараона. На другом сундуке было написано, что он содержит «золотые кольца погребальной церемонии Царя»; на третьем перечислялись наряды «гардероба Его Величества в детском возрасте». Однако многие вещи были украдены или переложены. Например, в великолепном раскрашенном коробе со сценами охоты и

сражений помимо сандалий нашлись подголовник из золоченого дерева, царские одежды и одеяние из ткани, украшенной золотыми блестками, вероятно имитирующей звериную окраску, так как деревянная голова, прикрепленная к ней, походила на голову гепарда.

Алебастр, эбеновое дерево, золото, лазурит, бирюза и слоновая кость служили основным материалом для изготовления большинства перечисленных погребальных предметов. В помещении были обнаружены также мухобойки, отделанные перьями страуса, дорожные сундуки из тростника, драгоценности (в основном разбросанные по полу, хотя некоторые остались на своих местах), вазы из известкового шпата, держатели для факелов из дерева или бронзы в форме «знака жизни».

Скипетры, посохи, даже трубы – ничто не было упущено, включая четыре образца знаменитой единицы измерения, кубит (1 фут 7,5 дюйма). Помимо трона и стульев, имелись сиденья с изображениями врагов Египта и ножками, вырезанными в форме голов диких уток. В других ящиках были найдены скатанное белье и ларцы, в которых кольца и драгоценные украшения лежали вместе с предметами туалета царя, например перчатками для верховой езды, чтобы удобнее было держать поводья.

В одном длинном ящике хранились бронзовая труба с изображениями Птаха, Амона и Харахти, трех великих богов Египта и покровителей трех родов войск; посохи и хлыст, принадлежащий царю, который, как утверждает надпись, «появлялся на своем коне подобно сияющему Ра». Рядом лежали жезлы, рукояти которых представляли собой фигуру негра или азиата или того и другого. Совершенно несопоставимые предметы были свалены в кучи; так, изящная шкатулка из слоновой кости, в которой находилось ситечко из арагонита для вина, валялась вместе с пекторалем фараона, где он был изображен с черным лицом, как у Осириса во время его перерождения. Среди прочего нашлись позолоченные систры из дерева; в сундуке с выпуклой крышкой хранились ткани, платки, деревянные подголовники и царское одеяние. И конечно, там были великолепные деревянные ушабти, или царские погребальные статуэтки, а также муляж, о котором упоминалось в начале этой главы.

Рядом с четырьмя разобранными колесницами были обнаружены остатки балдахина. Его основание составлял горизонтальный помост с колоннами, над которыми когда-то висело легкое покрывало. Наконец, возле входа в боковую пристройку располагался небольшой наос, или реликварий, из позолоченного дерева высотой 1 фут $9^{3}/_{4}$ дюйма. Судя по распахнутым дверцам, он был разграблен. Что же пропало? По

крайней мере, статуя из чистого золота, от которой остался постамент из эбенового дерева и опора (высотой $4^3/_8$ дюйма и шириной $2^1/_8$ дюйма), где значится имя Тутанхамона. Неглубокие барельефы на панелях и дверях изображали царя и его молодую жену Анхесенамон. Размеры наоса (ширина $10^1/_4$ дюйма и глубина $8^5/_8$ дюйма) таковы, что в нем легко могли помещаться две золотые статуи из чистого золота, которые впоследствии были украдены. Он стоял на деревянных полозьях, покрытых серебряной фольгой.

Третья, замурованная дверь с многочисленными знаками некрополя и царским картушем занимала почти всю северную стену первой камеры. Две статуи царя из полированного черного дерева с булавами, скипетрами, драгоценностями, набедренными повязками и позолоченными сандалиями стояли по обеим ее сторонам. У них были также связки оливковых ветвей; одна связка упала, но вторая по-прежнему стояла у стены. Эти статуи высотой 5 футов 6 дюймов и 5 футов 7 дюймов, вероятно в рост самого фараона, практически одинаковы и отличаются только деталями головных уборов и набедренных повязок. Они названы «царственными Ка Харахти, Осириса-Тутанхамона».

Когда Картер с Карнарвоном заглянули в отверстие, ведущее в «переднюю», им в глаза бросились большие погребальные ложа в форме зверей, в особенности среднее. На нем громоздились сундуки и сиденья, а под ним были сложены сорок восемь белых продолговатых коробов с жертвенными животными. Рядом, справа, они увидели две большие черные статуи, указывавшие путь в остальные помещения гробницы. Но тогда археологи дальше не пошли. В следующие два года, разместив фотоаппаратуру в тайнике царицы Тии, а лабораторию – в гробнице Сети II, они описывали и вывозили сокровища из «передней». Чтобы не повредить бесценные находки при транспортировке, Картер и Карнарвон тщательно осматривали каждый предмет на месте, затем покрывали парафином и укрепляли на специальном постаменте. Далее, в импровизированной лаборатории, эти артефакты реставрировали, чтобы их можно было спокойно перевозить дальше.

Погребальная камера, или западная комната

17 февраля 1923 г. археологи, наконец, разобрали стену (или дверь) между «передней» и погребальной камерой, которую охраняли две большие статуи. Следы заштукатуренных отверстий показывают, что и здесь воры успели побывать, однако огромный саркофаг из позолоченного дерева размерами 10 футов 10 дюймов × 16 футов 5 дюймов × 9 футов, обнаруженный археологами, по-видимому, остался нетронутым. Он занимал практически все пространство погребальной камеры (13 футов 2 дюйма × 21 фут). Просторная комната была ориентирована по оси восток – запад, и ее пол располагался ниже уровня «передней». В действительности в ней находился не один золотой саркофаг, а четыре, помещавшиеся один в другом. Первый был изготовлен из позолоченного дерева, инкрустированного голубой эмалью. Его двери не были запечатаны глиняной печатью, и это доказывает, что его вскрывали после захоронения.

Росписи на четырех оштукатуренных стенах камеры отображают ритуальное «возрождение» фараона его преемником, после чего он уже в окружении инфернальных божеств входит в свою гробницу в виде мумии.

Между золотым саркофагом и стенами камеры едва можно протиснуться, так как их разделяет пространство в 2 фута 5,5 дюйма. В этих узких проходах также были найдены другие артефакты. Ожерелья, обнаруженные у двери в первую камеру, могли обронить воры. Но в юго-западном и северо-западном углах помещения – в конце небольшой западной стены – располагались две эмблемы Анубиса. Выполненные в форме шкур животных, обвивая жезл, воткнутый в «ступку», они определенно имели ритуальное назначение. Помимо определенных погребальных предметов, таких как два спаренных ящика, один в форме наоса, другой в виде пилона, покрытые черным лаком и содержащие погребальный инвентарь, на полу северного коридора лежало одиннадцать весел, букет из ветвей священного дерева и кувшины для вина. Перед приоткрытой дверью усыпальницы, обращенной на восток, находились также корзины и статуя священного гуся Амона, покрытая черным лаком и завернутая в холст; серебряная труба с ликами богов Ра, Атона и Птаха, а также два светильника из молочно-белого алебастра с затейливым цветочным узором. На внутренней стороне одного из них был рисунок, который становился виден, когда в светильнике загорался огонь.

Распахнув двери первой усыпальницы, можно было увидеть вторую усыпальницу за желтым покрывалом с крошечными маргаритками из золоченой бронзы, которое поддерживала деревянная рама. Двери с эбеновыми защелками не открывались с момента захоронения, и тесемки, связывающие их бронзовые кольца, остались нетронутыми и были скреплены глиняными печатями. Вместо джет (символов Осириса) и узлов Исиды, которые присутствовали на первой усыпальнице, эта была украшена резным рельефом с изображениями божеств и духов в окружении иероглифических текстов. Возле первой усыпальницы располагался великолепный жезл, украшенный цветами лотоса, инкрустированными золотом, серебром и эмалью; такие же жезлы были обнаружены перед второй усыпальницей. Два самых красивых выполнены из серебра и из золота; они изображали царя в очень молодом возрасте.

Среди оружия и тростника перед закрытыми дверями второй усыпальницы были найдены два алебастровых сосуда удивительной формы: на одном, ближайшем к усыпальнице, была изображена традиционная сцена, «Союз Двух царств». Два стоящих духа, взывающие к богу Нила с гирляндами на головах, обвивали вазу символами Севера и Юга – папирусом и лилией, – соединяя таким образом две области царского владения. Их также символизировали две змеи, с красной короной – Север, с белой – Юг. На краю вазы были начерчены имена Тутанхамона и его жены Анхесенамон. Поблизости, на земле, стоял еще один сосуд для притираний, своеобразный горшок со сценами охоты. Головы африканцев и азиатов служили «ножками», а на крышке мирно лежащий гепард наморщил свой лоб и высунул красный язык. Рядом был обнаружен ларец, выполненный в форме двух царских картушей, из золота, инкрустированного разноцветной эмалью.

Внутри второй усыпальницы находилась третья, печати которой тоже остались нетронутыми. Вокруг также лежало оружие, луки со стрелами и опахало из перьев страуса, украшенное с обеих сторон сценами охоты на страуса и последующего триумфального возвращения с добычей.

Далее следовала четвертая, и последняя, усыпальница из золоченого дерева. По форме она отличалась от двух предшествующих; ее карниз и крышка составляли одно целое. В ней находился великолепный саркофаг из красного песчаника, на котором были написаны имена и титулы царя; по углам располагались изображения богинь, распростерших свои руки-крылья и как бы оберегающих от разных напастей. Крышка, расколотая на две части, была сделана из гранита, выкрашенного в тон песчаника.

Четыре золоченые усыпальницы, тканая занавесь с золочеными маргаритками и саркофаг все же не могли служить надежным убежищем для мумии египетского царя. Исследователей еще ждали новые, более удивительные находки: в большом саркофаге лежали три меньших с псевдомумиями, один внутри другого. Первая, завернутая в ткань, принадлежала богу мертвых, Осирису. В его руках, сложенных на груди, были символы царской власти, инкрустированные голубой и красной эмалью. Крышка саркофага была изготовлена из позолоченного дерева; лицо и руки бога покрывало тонкое листовое золото более темного цвета. На крышке были серебряные ручки. Археологи отметили несколько удивительных фактов: так, двери одной из усыпальниц были навешены неправильно, а саркофаг и крышка сделаны из различных материалов. Также стало ясно: для того чтобы правильно установить крышку, ножки первого саркофага с псевдомумией, завернутой в покрывала, пришлось подпиливать. Псевдомумия обильно умащивалась притираниями.

В первом, деревянном саркофаге находился второй, настолько точно подогнанный, что между ними нельзя было просунуть даже мизинец. Он тоже был из золоченого дерева, но, в отличие от первого, с инкрустацией разноцветной эмалью. Скромный венок из цветов лежал на первом саркофаге – псевдомумии; на втором помещалось большое ожерелье из оливковых и ивовых листьев, а также цветов голубого лотоса.

Открытие первого саркофага 10 октября 1925 г. стало очень волнующим событием для археологов и их гостей. Третий саркофаг – в форме мумии, обернутый красными льняными пеленами, оставался таким, каким его оставил жрец – взгляд царя был устремлен в кромешную тьму. Ожерелье из цветов на папирусной подложке по-прежнему закрывало грудь. На саркофаге из чистого золота были выгравированы сплетенные крылья богинь Исиды и Нефтиды, а также исполненные золотой перегородчатой эмалью и гравировкой руки царя, держащие великих богинь Верхнего и Нижнего Египта, Нехбет, коршуна, и Уаджет, змею. Этот золотой саркофаг сочетал в себе декоративные элементы двух других саркофагов: руки-крылья Исиды и Нефтиды первого и распростертые крылья Нехбет и Уаджет второго. Последний саркофаг с телом почившего царя был вскрыт утром 28 октября 1925 г. В нем лежала изумительная посмертная маска из золота, самый поразительный портрет фараона, которая была надета на мумию, почти сожженную чрезмерным количеством мазей.

Свыше ста сорока трех золотых украшений было распределено по сто одной точке перепеленутого тела.

Ложе в виде припавшего к земле льва, изготовленное из позолоченного дерева, выдерживало вес трех саркофагов, в том числе одного из чистого золота, в котором находилась усыпанная драгоценностями мумия. (Общий вес саркофага составлял 3030 унций; только толщина слоя чистого золота составляла от $^1/_{10}$ до $^1/_8$ дюйма, что в весовом отношении равнялось $2448^1/_8$ фунта.)

Следуя тем же путем, которым прошли исследователи, нельзя отделаться от ощущения, что начиная с обнаружения первой усыпальницы и кончая тем моментом, когда, удаляя один слой бинтов за другим, они добрались до обнаженной мумии, им сопутствовала удача. Мумия, находившаяся в очень плохом состоянии, была обработана (это самое подходящее слово в данном случае) д-ром Дерри, и после восстановления ее рост составил 5 футов 5,5 дюйма. По расчетом д-ра Дерри, рост царя составлял 5 футов 6 дюймов в момент его смерти.

После того как из погребальной камеры были вынесены все вещи, включая усыпальницы и деревянные саркофаги, и остался только один саркофаг из песчаника, нужно было убедиться, что традиционные обереги действительно спрятаны в стенах гробницы. Одним из них оказался джед (южная ниша, обращена на восток); вторым – Анубис, шакал (западная ниша, направлена на север); третьим – дух с головой человека (северная ниша, обращена на запад) и четвертая статуэтка представляла собой бога Осириса (восточная ниша, ориентирована на юг).

Во всей гробнице только в этом помещении имелись росписи, и после того как она опустела, стало возможным рассмотреть рисунки на ее стенах. На трех стенах на довольно темном, коричневато-желтом фоне под широкой полосой, обозначавшей небо Египта, были представлены высокие человеческие фигуры в ярких одеждах (желтого, красного, белого и черного цвета). Четвертая стена, обращенная на запад, была разделена на четыре горизонтальные полосы: на нижних трех помещались духи подземного царства, через которое должен был пройти царь. Над ними была изображена погребальная процессия и салазки, на которых покоилась мумия. Везли их знатные сановники и два царских писца.

На северной стене был представлен преемник усопшего царя, Эйэ, завершающий погребальный обряд, после которого почивший царь сможет вступить в царство вечности. Сопровождаемый своим Ка, или двойником, он соединится с богом Осирисом, став с ним одним целым.

В южной стене погребальной камеры оставался проем, выходивший в «переднюю», заделанный кирпичной кладкой и оштукатуренный. На ней помещались изображения богов, среди

которых присутствовала богиня запада и Анубис, а Тутанхамон располагался между ними. Эта стена оказалась частично разобранной, и изображение богини Исиды не сохранилось.

«Сокровищница», или северная комната

Низкая дверь в северо-восточном углу погребальной камеры вела в небольшую комнату длиной 13 футов 2 дюйма и шириной приблизительно 11 футов 2 дюйма, и этот проход, по всей видимости, не перекрывали. Разумеется, грабители проникли в нее, изъяв часть драгоценного содержимого ларцов и сундуков. Ее стены и потолок были голые. Картер назвал это помещение «сокровищницей», так как в нем оказались наиболее ценные артефакты, использовавшиеся в погребальных обрядах. Другие исследователи полагают, что ее следовало бы назвать «канопной нишей», поскольку там был найден внушительных размеров саркофаг в форме священного павильона. В нем в канопах хранились внутренние органы царя.

Только кирпич с магической надписью и тростниковый факел, прикрепленный к нему, охраняли вход. С порога можно было заметить большой сундук из позолоченного дерева, на котором возлежала великолепная, окрашенная черной краской статуя шакала-Анубиса, покрытая тканью с бахромой, из которой торчала только узкая морда с глазами, инкрустированными золотом; ее уши по кромке были отделаны тем же драгоценным металлом. Ткань датировалась седьмым годом правления Эхнатона. Между передними лапами статуи лежала миниатюрная палетка из слоновой кости, принадлежавшая одной из дочерей Аменхотепа IV Меритатон, невестке Тутанхамона. Внутри сундука оставались нагрудное украшение, скарабеи, амулеты и статуэтки. За ним находилась великолепно выполненная голова коровы из золоченого дерева с медными рогами в виде лиры. Это животное с шеей, обернутой льняным полотном, было символом богини Хатхор, известной как «Око Ра».

Несомненно, наиболее важным предметом в комнате была изумительная деревянная рака, целиком покрытая тонким листовым золотом, которая покоилась на салазках у западной стены сокровищницы. Четыре угловые стойки поддерживали карниз с узором из змей, над которыми возвышался солнечный диск, образовывали своего рода балдахин над центральным реликварием, на фризе которого также были изображены змеи. Все предметы были покрыты иероглифическими текстами и религиозными символами. Снаружи этой усыпальницы привычно располагались четыре богини-хранительницы: Исида, Нефтида, Нейт и Серкет, при этом их головы были повернуты в сторону, чтобы подчеркнуть трогательно озабоченное выражение лиц; их крылатые руки распростерлись над реликварием, как бы оберегая

его.

В этой позолоченной усыпальнице находился алебастровый саркофаг, поставленный на полозья; те же богини располагались по его четырем углам в аналогичных позах. Он был покрыт тканью, и на его крышке остались веревки с печатями. Внутри можно было разглядеть крышки, закрывавшие выдолбленные в алебастре углубления, они представляли собой голову Тутанхамона со священным коршуном и коброй на лбу. Когда эти пробки были вынуты, в каждом из отделений оказался миниатюрный сосуд из перегородчатой эмали, содержащий мумифицированные внутренности царя. Затычка канопы посвящалась мужскому божеству, а выпуклая часть – женскому; подобное сочетание неизменно встречается с тех пор, как подобные священные сосуды для хранения внутренних органов человека начали использоваться. Картер, однако, отметил, что ритуальное расположение богинь по частям света точно не соблюдалось. Большая усыпальница, достигающая в высоту почти 6 футов, располагалась у западной стены сокровищницы.

Вдоль южной стены стояли небольшие ларцы, изготовленные из черного дерева в форме наоса. Все они были закрыты и опечатаны, за исключением одного; в его приоткрытую дверцу была видна замечательная статуэтка царя, стоящего на крадущемся гепарде, из позолоченного дерева. Она, подобно другим статуэткам, обнаруженным в запечатанных ящиках, была обернута льняным полотном. В других ларцах находились статуэтки царя или богов; изготовленные из дерева, они были покрыты золотом или зачернены смолой. Было обнаружено семь статуэток царя и двадцать – богов и духов с глазами, инкрустированными алебастром, обсидианом, бронзой и даже эмалью. Большая их часть была завернута в ткань, как и мумия, а шеи украшали гирлянды из листьев, включая листья оливкового дерева.

На этих высоких сундуках располагалась целая флотилия, развернутая в сторону запада: от парусников для охоты на гиппопотамов до погребальных барж, которые перевозили умерших в мир иной с благословения бога солнца. Все эти лодки были снабжены рулями и кабинами в виде молельни или павильона. В северо-восточном углу камеры стояли еще две лодки, и последняя, значительно более крупная и искусно исполненная по сравнению с остальными, была снабжена центральной кабиной и высокой мачтой, с которой свешивались две реи. Кабинки поменьше на носу и корме дополняли конструкцию лодки. Возможно, это была модель баржи, на которой Тутанхамон плавал по Нилу.

В юго-западном углу комнаты, под несколькими черными коробами, находился длинный узкий ящик, в котором помещалась рама, повторяющая силуэт псевдомумии бога Осириса. Она была заполнена нильским илом с зерном. Зерна проросли в темноте гробницы. Эта фигура в человеческий рост была, по аналогии с мумией, завернута в материю. В другом деревянном сундуке находилась ручная мельница для перемалывания зерен, и рядом с ней на оштукатуренной деревянной коробке лежали два сита для пива.

Напротив темных сундуков с черными и золотыми статуэтками царя и духов, у северной стены комнаты, слева от Анубиса, стояло шесть ларцов различной формы. Они располагались в один ряд, но царивший в них беспорядок свидетельствовал о том, что здесь похозяйничали грабители; бечевок с печатями некрополя на крышках не осталось. Ближайший к входу имел выпуклую крышку и был прекрасно инкрустирован слоновой костью и эбеновым деревом.

Среди предметов, находившихся в этом сундуке и не тронутых грабителями, оказалось роскошное нагрудное украшение, в центре которого была изображена лодка со скарабеем, толкающим солнечный диск. Широкая золотая лента, на которой оно висело, была украшена аналогичными изображениями, но в этом случае лодку заменяла корзина. Сочетание символов, скарабей – корзина – солнце, напоминало о «первом имени» фараона: Небхепруре. Все эти предметы были изготовлены из золота, полудрагоценных камней или инкрустированного дерева.

Второй ящик из красноватого дерева с тремя горизонтальными полосами из голубых иероглифов на панелях был выполнен в форме царского картуша – овала, в который вписывались имена царей. На покрытой золотом крышке, отделанной по бордюру эбеновым деревом, инкрустированные слоновой костью и эбеновым деревом иероглифы составляли имя фараона Тутанхамона, данное ему при рождении, под которым он был известен до коронации. На всех прочих артефактах значилось имя, полученное им при восшествии на престол, Небхепруре.

Содержимое этого сундука, находившееся в большом беспорядке, составляли исключительно драгоценности. Во-первых, там лежал ларец с несколькими парами сережек, в основном красновато-золотистого цвета. Почти все драгоценности украшал жук-скарабей, основной элемент коронационного имени царя. Материалом служило главным образом золото, лазурит (для отделки скарабеев), эмаль и аметист, а также бирюза, сердолик и красная яшма. Браслеты представляли собой золотой

обруч с расширением для медальонов, куда помещался скарабей, или ленту из цветных бус и амулетов, скреплявшуюся с помощью большой орнаментальной пряжки. Далее следует упомянуть об оправе зеркала в форме анка, или знака жизни, покрытой золотом и по краям отделанной серебром; само зеркало, вероятно, тоже было из серебра, но его, вероятно, украли. Также были обнаружены подвески, в том числе очень красивое нагрудное украшение, изображавшее изящную ладью, несущую восходящее солнце. Помимо перечисленных предметов, были найдены две пары скипетров, представлявших собой символы Осириса – посох и цеп; на паре меньшего размера стояло имя Тутанхатон, на большей – Тутанхамон. В нем также находилась своеобразная накидка, состоящая из семи рядов трубчатых бус, перемежавшихся рядами золотых бус. По краям четыре «знака жизни» свешивались с картуша, в котором было вписано имя царя.

Следующий ларец со сводчатой крышкой, выкрашенный белой краской, который воры почти опустошили, оставив только пару кожаных сандалий и несколько ножных браслетов из полудрагоценных камней. Судя по содержимому аналогичных ящиков, в нем, должно быть, лежали одежды, и, вполне возможно, они были переложены в другие ящики.

Четвертый ящик, на четырех невысоких ножках, имел квадратную форму, был сделан из кедра и слоновой кости, инкрустированной черным пигментом, и покрыт серебром и золотом. Резные фризы с изображением магических знаков божественной жизни (иероглифы анк и уаз) выделялись на темном фоне. В шестнадцати отделениях, по всей видимости, хранились золотые и серебряные флаконы для благовоний и косметики, но в них лежали другие предметы: например, коробочка для зеркала из чистого золота, на которой был изображен сидящий на корточках дух вечности. Золотое зеркало, которое лежало, как можно предположить, в этой коробочке, пропало, как пропал его серебряный аналог из другого сундука. Зато сохранился миниатюрный плоский ящичек из тростника с изображением царя в окружении богов. Он содержал полный набор писца, а именно: маленькую неглубокую чашку из слоновой кости, палетку из слоновой кости с именем Тутанхамона, два куска туши (красной и черной), каламус, или тростниковое перо, и вторую палетку, покрытую тонким золотом. Рядом лежали пенал в форме маленькой пальмы для тростниковых перьев и гладилка из слоновой кости для папируса; на его ручке был изображен контур ионической колонны.

На пятом сундуке – белом, как третий, и со сводчатой

крышкой – стояла надпись черной тушью: «Процессия погребальной камеры». Раскрыв его, вы словно попали в глубь тысячелетий. Здесь лежал веер из тридцати страусиных белых и коричневых перьев, соединенных полукругом из слоновой кости. Казалось, что еще секунда, и они заколышутся. Изогнутая ручка из слоновой кости с изображением стеблей папируса дополняла фиолетовый стеклянный шарик на золотом основании. Кроме того, в ящике сохранились три плода священного дерева.

Четыре отделения шестого ящика – последнего в этом ряду – были совершенно пусты, а на крышке имелась та же иератическая надпись тушью: «Процессия погребальной камеры». Воры сняли крышку и положили ее на стоявший рядом сундук в форме картуша. После тщательного осмотра сундуков и их содержимого Картер с помощниками пришли к выводу, что было украдено около 60 % драгоценностей и украшений. Судя по тому, что осталось, похоронная процессия должна была просто поражать воображение.

Вся мебель была свалена у северной стены комнаты, и ладья, о которой упоминалось выше, громоздилась сверху. В северо-западном углу стоял короб, предназначенный для хранения царского лука. Он был украшен инкрустацией с золотыми элементами, изображающими царя в виде сфинкса; в центре была представлена сцена охоты в пустыне, а по краям красовались головы гепардов. На коробе осталось медное кольцо, с помощью которого он крепился к колеснице монарха. У той же стены лежали, в разобранном виде, две легкие охотничьи колесницы. Среди артефактов, обнаруженных Картером, оказался один очень интересный для историков, хотя это был всего лишь кнут с загадочной надписью: «Сын царя, начальник войска, Зутмос». Что это за принц?

Оставалось очистить последний угол комнаты, северо-восточный; в нем до половины стены возвышалась груда ящиков и сундуков, в том числе десять деревянных коробов, выкрашенных в черный цвет. Во всех них хранились погребальные статуэтки, ушабти, вероятно изображавшие слуг, которым придется исполнять волю царя в потустороннем мире. Эти слуги, однако, имели замечательное сходство со своим повелителем: несмотря на то что они не были одинаковыми и их головные уборы различались, ушабти объединяло одно – поза саркофага – псевдомумии, взгляд которой устремлен в вечность, а руки держат атрибуты божественной власти Осириса.

Эти статуэтки были изготовлены из самых разных материалов: одни представляли собой шедевры, поразительно похожие на царя при жизни; другие являлись грубыми фигурками

из покрытой лаком глины. Всего исследователи насчитали сто тринадцать ушабти с погребальными надписями. Были также представлены инструменты, имевшие личное клеймо, в количестве тысячи восьмисот шестидесяти шести штук. Некоторые из них были изготовлены из железа, использовавшегося очень редко; среди сокровищ гробницы только миниатюрный подголовник, око Уаджет и кинжал (все эти предметы были найдены на мумии) были сделаны из этого материала. Шесть наиболее красивых статуэток были преподнесены двумя высокими сановниками; пять из них – главнокомандующим, Нахтмином, а шестая – управляющим казной, Майем.

Май также преподнес еще один, довольно странный дар: внутри миниатюрного деревянного саркофага лежала псевдомумия царя на ложе с головой льва и короткими ножками, там же помещались две птицы – одна, с человеческой головой, около сердца царя, и другая, соколом, с правой стороны. Надпись, тянущаяся по всей длине ложа, означала, что статуя была изготовлена слугой его величества, управляющим работ в «чертоте вечности», писцом, управляющим казной, Майем.

Только в одной комнате были найдены вещи, имеющие отношение к придворным царя. Вскоре обнаружилась еще одна находка, имевшая самое неожиданное отношение к его семье: на коробах лежал маленький деревянный саркофаг, обвязанный холщовой бечевкой и скрепленный печатью некрополя. В длину он достигал 2 футов 6 дюймов и походил на черные ящики, в которых хранился погребальный инвентарь; этот ящик имел дарственную надпись, а внутри его лежал позолоченный саркофаг меньших размеров с изображением и именем царя Тутанхамона. Тут же была обнаружена статуэтка Аменхотепа III из чистого золота с прикрепленной к ней цепочкой. Она была завернута в пелены для бальзамирования и затем помещена в ногах третьего саркофага, гораздо меньшего, изготовленного из простого дерева. И внутри этого гроба находился еще один, крошечный саркофаг в форме человеческого тела длиной около 5 дюймов. Он был обильно пропитан мазями, и в надписях на нем перечислялись титулы царицы Тии; внутри, тщательно завернутый в холст, лежал локон ее рыжеватых волос.

Еще более удивительный сюрприз ожидал исследователей в следующем черном ящике в груде предметов, валявшихся к северо-востоку от этой стены, рядом с большим сводчатым сундуком. В нем находились два гроба, помещенные рядом, голова к ногам. В надписях, приведенных снаружи, упоминалось только одно имя – Осирис. В каждом из гробов находился еще

один, золотой гроб, и в каждом лежала мумия зародыша, которая была сохранена как взрослый человек. Их размеры несколько различались, и проведенный научный анализ показал, что один зародыш прожил, вероятно, шесть, а другой – семь месяцев. На меньшем была погребальная маска, слишком для него большая; на втором – она вообще отсутствовала. Вначале искатели предположили, что это были родившиеся мертвыми дети Тутанхамона и его жены Анхесенамон. Но верным ли было их предположение? В любом случае обнаружение крошечных тел на время затмило великолепие и богатства гробничного инвентаря, поскольку те ничего не говорили о жизни самого царя. Позволит ли обнаружение тел мертвого плода расширить нашу скудную информацию о самих правителях, или мы просто станем больше знать о погребальных обрядах? Реконструкция всех обстоятельств, возможно, даст нам ответ.

Теперь мы должны вернуться, через погребальную камеру, в первую камеру. После того как эта комната была расчищена и все предметы, сваленные у погребальных лож, удалены, археологи заметили дверь в юго-западном углу; когда-то она была взломана, и теперь отверстие зияло прямо под большим ложем в форме богини-гиппопотама Терис. Дверь вела в камеру длиной 13 футов 2 дюйма и шириной 9 футов 10 дюймов. Эта комната получила название «боковой камеры», и, по словам Картера, оно точно соответствует своему назначению.

Если три другие комнаты были более или менее приведены в порядок инспекторами некрополя после того, как там побывали незваные гости, то в погребальной камере царил самый настоящий беспорядок. Все предметы были разбросаны или свалены в кучи грабителями могил, и инспекторы оставили ее в таком состоянии, даже не удосужившись снова заделать проем кирпичом. На первый взгляд казалось, что предметы в боковой камере, находились ли они исходно в таком положении, или их впоследствии переворошили грабители, валяются без какого бы то ни было плана или системы. Исследователи заключили, что эти предметы, предназначавшиеся либо для погребальной камеры, либо для сокровищницы, безо всякой системы добавлялись к тому, что первоначально содержалось в боковой камере. Из-за неоднородного характера ее содержимого из четырех комнат в гробнице именно эта камера оказалась наиболее трудной для анализа.

Вместе с тем в верхней части заблокированной двери сохранились едва различимые следы печатей, они-то и послужили ключом к разгадке. Эти практически нечитаемые тексты были расшифрованы на месте профессором Брестедом и д-ром (в

настоящее время сэром) Аланом Гардинером, хотя двум выдающимся филологам понадобилось целых семь дней для того, чтобы их разобрать. Надписи совершенно отличались от тех, которые приведены на остальных дверях, и их можно разбить на четыре типа. Первая гласила: «Царь Верхнего и Нижнего Египта, Небхепруре, провел свою жизнь воздвигая статуи богов, чтобы те ежедневно воздавали ему благовония, возлияния и приношения». Вторая означала: «Небхепруре, который создал образы Осириса и возвел его дом таким, какой он был вначале». Третий тип читался следующим образом: «Небхепруре-Анубис, торжествующий над девятью луками». И смысл последнего, четвертого типа был таков: «Их бог Анубис, торжествующий над четырьмя пленниками».

Хрупкое равновесие высоко сложенных предметов в этой боковой камере, которое, казалось, может рухнуть при малейшем дуновении ветерка, поставило перед археологами трудную задачу: зафиксировать качающиеся груды таким образом, чтобы каждую вещь можно было брать отдельно. Все артефакты были свалены беспорядочно, и многие оказались разбитыми; сундуки распахнуты и перевернуты, а ящики опустошены; на одном сводчатом сундуке видны отпечатки ног, оставленные, вероятно, ворами. Были даже заметны грязные отпечатки пальцев на отдельных сосудах, лишившихся драгоценных масел.

Спустя пять лет после того, как археологи впервые вошли в гробницу, в последний день ноября 1927 г., все было готово к тому, чтобы приступить к работе в боковой камере.

После исследования конгломерата, на первый взгляд из разрозненных объектов, Картер пришел к убеждению, что единого метода атрибуции содержимого данной комнаты не существует, и заключил, что они распадаются на две четкие категории: к первой относятся предметы, обнаруженные в боковой камере, но их место в других камерах, а ко второй – изделия, число которых оказалось гораздо меньше изначально предназначавшегося для данной комнаты. Подобное толкование, пожалуй, слишком строгое и не вполне соответствует фактам, которые обнаруживаются, если попытаться реконструировать похороны.

Итак, поверх беспорядочной кучи вещей лежала кровать с деревянной рамой, короткими ножками в виде кошачьих лап и матрасом, набитым сплетенной соломой. Таких кроватей было четыре, каждая из них имела упор, но не в изголовье, а в ногах. Две были изготовлены из эбенового дерева, из которых одна, покрытая массивным золотом, имела очень красивую лепнину; другая, позолоченная, служила как бы дополнением первой, но не столь красивым; обе кровати были декорированы

геральдическими растениями и сценой из «Союза Двух царств». Третья кровать оказалась раздвижной и лежала у южной стены камеры.

В юго-восточном углу, величественный и смотревшийся странно в этом нагромождении предметов, возвышался эбеновый трон с инкрустацией из слоновой кости. Его сиденье было вогнутым и покоилось на скрещенных ножках в виде утиных голов; спинка, приделанная к нему, имела стилизованный геометрический узор и божественные символы, а также иероглифические надписи с именами Атона и Амона. Инкрустация по дереву на сиденье невольно ассоциировалась с пятнами на шкуре леопарда. Отдельные части трона были покрыты золотом, другие – стекловидной пастой и драгоценными камнями. Неподалеку валялся табурет, изготовленный из тех же материалов, декорированный сценами традиционных врагов Египта, сокрушаемых под пятой фараона. Рядом с ним соломенный стул, который исследователи назвали «садовым», был прислонен к еще одному стулу, окрашенному белой краской; промежуток между ножками последнего был украшен двумя геральдическими растениями Египта. Данный мотив повторяется на табурете, на котором представлены декоративные растения, выполненные из золота. Однако наиболее оригинальным из всех оказался деревянный табурет на трех ножках, выкрашенный белой краской, с ножками в виде собак и опять же покрытый узором из геральдических растений. Его полукруглое сиденье целиком украшала резьба с противостоящими львами, лапы которых были связаны; на сиденье также лежала круглая, расшитая бисером подушка.

В боковой камере также стояли два шкафа из темно-красного кедра и эбенового дерева, украшенные драгоценными камнями. Каждый из них опирался на четыре высокие ножки, и они очень походили на стиль бабье (туалетных столиков для бритья), распространившийся в Европе в XIX веке. По углам одного из них шли полосы из инкрустированных надписей, а в основании обоих имелся фриз из амулетов; на первом – столбы Осириса и узлы Исиды, на втором – знаки жизни, анк, чередующиеся со скипетрами уаз (божественная сила). На первом из шкафов, который Картер обнаружил в сломанном виде, иератическая надпись гласила, что он предназначался для хранения наиболее роскошных одежд царя. Фактически там лежали четыре подголовника, два были сделаны из дерева и украшены религиозными сюжетами. Образуя основание одной из опор, богиня неба поддерживала полукруглую подставку для затылка. На втором подголовнике, выполненном в форме раскладного

табурета со скрещенными ножками, которые оканчивались утиными головами, по бокам были вырезаны головы богини Бес. Ножки последних двух подголовников, отличающиеся строгим исполнением, опоясывали золотые кольца; у одного стекловидная паста имела матово-голубой цвет, у другого – темно-синий.

В прямоугольном деревянном ящике находилась оригинальная подставка для царских головных уборов в виде гриба, от которых осталось несколько кусочков материи, прекрасного золота, лазурита, сердолика и полевого шпата. Этот древний предшественник наших шляпных коробок оказался втиснутым между сосудами для вина, валявшимися в северном конце комнаты.

Затем настал черед трех эбеновых ящиков с иератическими надписями, свидетельствовавшими о том, что это «гардероб для одежды его величества, когда он был молодым (анпу)». В одном из них также должен был храниться ладан, смолы, порошок сурьмы и три золотых кузнечика. Все это пропало. Кроме того, было обнаружено еще семь, почти пустых, ящиков; один из них привлек особое внимание, поскольку представляет собой первый известный в истории набор игр с отделениями, ящичками и остроумным устройством, которое закрывалось автоматически. Набор содержал комплект миниатюрных фигур из слоновой кости для игры в сенет, несколько пращей (рогаток?) и оригинальное «огниво» для получения огня путем трения лука о размеченные круглые лунки на пластине из твердой древесины. В нем также лежали перчатки лучника для предохранения левого запястья, несколько разных браслетов, на одном (из слоновой кости) были изображены преследуемые животные, включая лошадь, загнанную собакой, и целый ряд браслетов из фарфора с именами предшественников-соправителей: Аменхотепа IV – Эхнатона и Сменхкара.

Наверху кучи предметов у западной стены лежал грубо изготовленный и разбитый ящик с небольшими отделениями из терракоты, покрытыми бледно-голубой лазурью (в первой камере в аналогичном ящике находилась столовая посуда из темного лазурита). Рядом с дверью, среди корзин, был обнаружен еще один ящик, в котором находились тканые перчатки и две литургические мантии прямоугольной формы, наподобие далматика. Эти одежды были вышиты шерстью и тканым узором по бокам и кайме со сценами охоты на диких животных. Тканый ворот имел цветочный и геометрический узор и имена Атона и Амона. Можно предположить, что существовала связь между этим, явно литургическим одеянием и, в равной мере, литургическим троном, стоявшим в той же комнате. К

упомянутой группе предметов необходимо добавить церемониальный скипетр из золоченого дерева (известный как Хе-реп или Аба), на одной стороне которого изображены освящаемые жертвенные животные, а на другой была указана вертикальная надпись, из которой следовало, что лик царя, сына Амона, сиял «как Атон во время своего появления». Среди множества ящиков был обнаружен один большой сундук в форме лука, содержащий, соответственно, луки, стрелы (в комнате было найдено двести семьдесят восемь стрел шестнадцати разновидностей) и бумеранги различных типов. В число оружейных предметов боковой камеры также вошли длинные палки, изогнутые мечи (или харпи) и восемь щитов, при этом только четыре из них могли использоваться. Вотивные щиты имели искусные украшения по золоченому дереву с изображением царя в виде сфинкса, топчущего врагов или покоряющего льва. Амулеты, разбросанные по полу вместе с моделями инструментов и ушабти, вероятно, ранее находились в сокровищнице; несомненно, что отдельные модели лодок также предназначались для этой комнаты. В направлении северо-запада, среди разного мусора, лежала прекрасная серебряная ваза, стилизованная под гранат.

Нельзя также не сказать несколько слов о многочисленных жезлах и посохах всевозможных типов. Одни были отделаны золотом или серебром, другие – инкрустированы по дереву, третьи – искусно вырезаны из ценных пород деревьев и отполированы. Все они были снабжены исключительно оригинальными ручками и металлическими наконечниками; был представлен каждый тип, включая рогатины для ловли пресмыкающихся. Веера и цепы без страусиных перьев представляли собой жалкие остатки того, что использовалось в процессиях, окружавших царя; несомненно, они составляли часть всего церемониального ансамбля. На одном из предметов были выгравированы имена Эхнатона и бога Атона.

Несколько комплектов игры, состоящей из тридцати квадратов, под названием сенет, были обнаружены вместе с фигурами, игральными костями и палочками-костями. Доски для игр были трех различных типов, и при их изготовлении использовались эбеновые деревья, слоновая кость и золото. Там также находилась пара сандалий, декорированных настоящей инкрустацией, кожаный корсет и пара кастаньет из слоновой кости, надеваемых на руки, на которых стояло имя царицы Тии. К этому разношерстному ассортименту также следовало бы добавить переносной балдахин, остатки которого были обнаружены в первой камере.

В указанном перечне необычных предметов мы в первую очередь должны выделить своего рода piece montee, или то, что первооткрыватели назвали гордостью коллекции. Вырезанный из очень хорошего алебастра и украшенный цветной мастикой и золотой фольгой, он состоял из прямоугольной чаши с богатым цветочным узором и включал имена Тутанхамона и его жены Анхесенамон. В центре чаши, вероятно служившей подставкой для цветов, на небольшом постаменте покоилась лодка, по краям которой возвышались головы козерогов. Под центральным балдахином, поддерживаемым четырьмя цветочными колоннами, находился объект, аналогичный саркофагу, – емкость без крышки, украшенная растительными мотивами. На носу ладьи восхитительная и обнаженная молодая девушка прижимала к груди цветок лотоса, а на корме женщина-карлик держала длинный шест.

В комнате еще оставался очень побитый сундук, стоявший в северо-западном углу; его великолепная крышка из декоративной слоновой кости, окаймленная фризом из алебастра и стекловидной пасты, была обнаружена в другом углу камеры. Центральным украшением, тонким и поэтичным, хотя несколько перегруженным, служит молодая пара, Тутанхамон и Анхесенамон, стоящая под цветочным покровом в саду грез. Царица, глядящая на царя, похожего на ребенка, протягивает ему две связки из папируса и лотоса. Надписи подтверждают подлинность изображенных фигур. На боковых панелях представлены сцены, исполненные в одном и том же стиле, и они относятся к охоте, рыбной ловле и бегущим животным. В определенном смысле эта находка со сценами из семейной жизни как бы служила неотъемлемой частью огромного сундука, обнаруженного около высоких черных статуй первой камеры, на поверхности которого нашли отражение ратные и охотничьи подвиги победоносного царя.

Теперь нам следует вкратце остановиться на том, что Картер считал предметами, первоначально предназначавшимися для боковой камеры, – фактически все, что содержало втирания, а также жидкие и твердые запасы провианта. В комнате по-прежнему находились тридцать четыре вазы и алебастровые сосуды. Они были пусты, но ранее содержали масла и втирания, очевидно чрезвычайно ценившиеся; крышки и пробки на них отсутствовали. Отдельные алебастровые сосуды прежде использовались другими владельцами, чьи имена были стерты. На других стояли имена предшественников Тутанхамона, включая даже Тутмоса III. Древние разбитые вазы были отремонтированы. На двух с картушами Аменхотепа III были

выбиты иероглифы, обозначающие имя Амона. Одна из ваз с резным украшением имела вид ситулы (или чаши для возлияний с ручкой). Другие, с очень длинными горлышками, украшали кольца из цветов, инкрустированных цветной пастой. Наиболее замечательная была изготовлена в форме грозного льва, и его голова, украшенная высоким цветочным убором, образовывала горлышко сосуда. Одна из передних лап льва была поднята, а вторая покоилась на иероглифе, магическом знаке защиты. На стоящем на подставке сосуде из алебастра с инкрустацией из слоновой кости и цветного пигмента были приведены имена Тутанхамона и его жены. Еще одна «бутылка» была представлена в виде небольшого козерога, который лежит и блеет или, по крайней мере, высунул свой язык. Одна крышка, отделенная от своего сосуда, состояла из плоского алебастрового диска, к которому была прикреплена чаша, образующая гнездо для четырех яиц и крошечного, с открытым клювом, оперившегося птенца; он расправил свои крылья.

Кроме того, здесь были найдены сто шестнадцать корзин, в которых главным образом лежали сушеные фрукты и зерно, в том числе мандрагора, виноград, дум-орехи, семена дыни и т. д. Корзины имели самую разнообразную форму; такими и сегодня пользуются в Египте. В одной, похожей на бутылку, хранился сушеный изюм. Следы того, что осталось в первой камере, указывают на то, что когда-то запасы продуктов были гораздо богаче.

Наконец, исследователи обнаружили три дюжины сосудов для вина, больших амфор, имеющих первостепенное историческое значение благодаря иератическим надписям на своих расширенных частях. В основном они были изготовлены из глины в классическом египетском дизайне с широкой средней частью, двумя небольшими ручками и узким основанием. Пробки из необожженной глины, оставшиеся в целости и сохранности, сообщили еще более важную информацию в отношении истории амарнского периода. Например, по ним удалось установить, что последним годом правления Тутанхамона оказался девятый. Большинство вин поступило с виноградников «западной реки», то есть из района дельты. Самые последние сосуды для возлияний поступили из-за границы, и хотя вино в них могло быть египетским (глиняные печати имеют такую же маркировку, что и египетские сосуды), их яйцевидная конфигурация с узким горлышком и одной ручкой, несомненно, указывает на сирийское происхождение. Колпачки, закрывающие отверстия в массивных пробках, служили «предохранительными клапанами» для выпуска газов, образующихся при брожении.

Первый урок гробницы

В широком смысле им оказалось сказочное богатство, как по своей подлинной ценности, так и по огромному количеству предметов и их художественному значению. Множество предметов было изготовлено из драгоценных материалов, и золото, не поддающееся порче, покрывало весь ассортимент изделий, столь необходимых для обеспечения вечной жизни умершим. Мебель и драгоценности, одежда и вазы, бытовые изделия и изображения духов (иногда и имена ранних правителей) – все они являлись молчаливыми свидетелями своего периода времени. Но ни одна из надписей не проливала свет на историю умершего царя, хотя религиозные тексты по краям погребальных балдахинов были расшифрованы и даже на статуэтках были прочитаны типичные молитвы и имена некоторых слуг. Картер повсюду искал папирусы; однажды он наткнулся на скромный ящик (под № 43) в первой камере и решил, что это наиболее ценная находка во всей гробнице. В ящике лежал свернутый материал, но только он оказался тканью. Исследователю пришлось признать, что гробница не так уж легко раскроет ему секреты царя.

Тем не менее «воскрешение» Тутанхамона, подготовленное погребальными церемониями, возвещали предметы, помещенные в его гробницу. Их присутствие всего лишь говорило, в общих терминах, о безличном и чисто теоретическом существовании царя. Однако, помимо этого, они имели другое значение и, видимо, составляли единое целое с аксессуарами мистических обрядов. Все, что касалось личности царя, было устранено, и не имело смысла предполагать, что гробница с ее содержимым добавят новые штрихи к нашему знанию истории. Но по крайней мере, мы впервые столкнулись с почти целым погребальным ансамблем, который, несмотря на то что в нем побывали воры и царило запустение, помог нам уяснить, каким образом жрецы использовали обнаруженные предметы, совершая свои погребальные обряды. Оставалось только установить, почему они делали это.

Попавшие в гробницу были поражены удивительным контрастом между изобилием великолепных предметов и ужасным беспорядком, царившим в помещении. Положение, в котором были найдены сокровища, заставляет предположить, что гробница в спешном порядке использовалась как склад. Колесницы были разобраны, чтобы их можно было протащить сквозь двери и узкий коридор. Усыпальницы из позолоченного

дерева, расположенные одна внутри другой, были повторно собраны безотносительно ориентации их панелей. Для того чтобы закрыть каменный саркофаг, потребовалось спилить ноги первого, и самого крупного, деревянного гроба с мумиеобразным саркофагом, и образовавшаяся при этом стружка осталась на полу. Доминирующим эффектом явилась небрежность, даже пренебрежение.

Вместе с тем в непосредственной близости находилось много прекрасных и роскошных гробниц! Не было никакой необходимости даже входить в самую знаменитую из всех царских погребальных камер долины, чтобы обнаружить замечательные «вечные жилища», поскольку гробницы придворных Нового царства на дальней стороне скалы до сих пор поражают своим первозданным великолепием. Если сановники являлись владельцами таких поражающих воображение погребальных молелен, что же тогда говорить о сыновьях богов, царях! Действительно, самых эфемерных из фараонов, начиная с Рамзеса I, хоронили в богато убранных гробницах. Чего не скажешь о Тутанхамоне: всего лишь одно тесное помещение было наспех украшено погребальными атрибутами.

Между тем тщательный осмотр гробницы не выявил ничего, что в принципе не увязывалось бы с традициями царских погребений до религиозной революции в Тель-эль-Амарне, во время которой родился царь. В течение всего еретического периода исключалось отклонение движения луча солнца от своей прямой траектории, и, следовательно, коридоры и камеры гробницы Эхнатона в Тель-эль-Амарне располагались вдоль одной оси. Раньше, как это хорошо видно из ориентации галерейных гробниц Тутмоса III и Тутмоса IV, путь к погребальной камере лежал под прямыми углами. Установленный обычай был соблюден и в отношении гробницы Тутанхамона, хотя в гораздо меньшем масштабе.

Из этого, следовательно, вытекает, что, хотя спешка могла и не являться определяющим фактором в похоронах, обряды, однако, проводились корректным образом и гробница отвечала существовавшим религиозным требованиям. Остается только предположить, что она, как таковая, первоначально не предназначалась для самого правителя. По крайней мере, она была подготовлена для него без какого-либо нарушения фундаментальных законов царских архитектурных погребений.

Только дополнительные косвенные свидетельства жизни и смерти царя помогли бы разобраться в этих очевидных противоречиях. Гробница задала загадку, но не дала ответа на нее.

Глава 4
КОЛЫБЕЛЬ ТУТАНХАМОНА

Знаменитый фараон-еретик Аменхотеп IV – Эхнатон – одна из самых интересных фигур во всей истории Египта. С именем этого царя, которого часто называли мистиком, связаны религиозные реформы, обратившиеся в настоящую ересь. По его мнению, пришло время восстать против всесильного бога Фив, Амона Сокровенного, культ которого отвечал больше интересам жречества, чем способствовал развитию религиозной мысли «самого набожного из всех народов». Что касается народа, то Амон видел всех, не будучи зримым ни для кого, но его изображения в камне представляли божественного фараона, рядом с которым сидела богиня Мут и стоял их сын Хонсу.

Необходимо было найти компромисс между отдаленным «Неведомым» и позолоченным идолом: нечто возвышенное, но одновременно простое, приемлемое для всех. Солнечный Диск, Атон – зримая ипостась скрытого божества, являющегося каждый день в образе солнца под именем Ра, ночным олицетворением которого был Осирис, – служил символом высшей силы, от которой зависела вселенная и жизнь в целом.

Вдохновителями этой еретической реформы, несомненно, были приближенные молодого принца. Высшие сановники, писцы и ученые, находившиеся при дворе Аменхотепа III и царицы Тии и желавшие возврата к чистой теологии, внушили молодому человеку утонченные идеи мудрецов Гермополя.

В то время царская семья проживала в Малькате, на левом берегу Нила, к юго-западу от Фив, в огромном дворце со множеством роскошных апартаментов, стены которых украшали искусно выписанные фризы с изображениями цветов и животных. Там, по-видимому, Аменхотеп IV провел первые годы своего царствования.

С первых официальных указов молодого фараона начинается череда странных и фантастических событий, об истинном содержании которых, равно как и о взаимоотношениях между царем и мощной оппозицией, мы ничего не знаем наверняка.

Существует, например, несколько противоречивых и горячо отстаиваемых гипотез по поводу восшествия Аменхотепа IV на престол. Сменил ли он отца после его смерти, или они прежде были соправителями? Если последнее предположение справедливо, то, по мнению некоторых исследователей, период совместного правления составил всего несколько лет, тогда как

другие ученые полагают: он был более продолжительным. В последнее время возобладало мнение, что совместное правление вообще не имело места.

Точно так же нам почти ничего не известно о прекрасной царице Нефертити, красивое лицо которой всем хорошо знакомо по многострадальному бюсту. В частности, мы ничего не знаем о ее происхождении, и любая попытка восстановить ее биографию так и останется предположением.

С другой стороны, имена дочерей царской четы регулярно появляются на монументах, воздвигнутых в честь фараона и его жены. Но что можно сказать о принцах, если таковые существовали? Со времен Аменхотепа III только принцессы, по обычаю, занимали видное положение; о принце, которому предстояло стать Аменхотепом IV в XVII династии, мы практически не находим упоминаний. Были ли в царской семье другие сыновья?

Кем был «Божественный отец», Эйэ, муж няньки Нефертити? Состояли ли эти лица в родстве с царской династией?

К какому народу принадлежали родители царицы Тии, матери Аменхотепа IV? Кем на самом деле являлись Сменхкар и Тутанхамон? Что означает имя Тутанхамон и какое место он занимал, будучи, как сказано в записях, «принцем востока» – титул, который современные ученые до конца не понимают?

Еще слишком рано делать окончательные выводы относительно этого короткого, но важного отрезка истории. Мы, однако, попытаемся выбрать из имеющихся в настоящее время гипотез те, которые кажутся наиболее правомерными.

Только таким образом можно воссоздать, хотя бы в общих чертах, историю юного Тутанхатона (так его нарекли при рождении), хотя эта наша версия ни в коем случае не будет окончательной, поскольку земля Египта пока не открыла нам истину, которую она хранит.

Даже со всеми этими оговорками необходимо сделать выбор: первой проблемой, которую мы должны решить, остается проблема хронологии. Более пятнадцати авторов, которые исследовали данный период, называют разные даты правления Тутанхамона (имя, данное при рождении, было изменено после возвращения в Фивы), хотя все соглашаются с тем, что оно длилось девять лет. Одни считают, что он царствовал с 1369-го по 1360 г. до н. э.; другие полагают, что с 1357-го по 1350-й или даже по 1349 г. Третья школа египтологов придерживается мнения (на наш взгляд, наиболее верного), что Тутанхамон взошел на престол в 1352 г. или 1351 г. и умер около 1344 г. или 1343 г. Его сменил «Божественный отец», Эйэ, правивший

приблизительно четыре года, после чего трон захватил военачальник Хоремхеб.

Это, однако, только гипотеза, поскольку мы не располагаем ни одним документом, указывающим место рождения Тутанхамона или место, где он рос и воспитывался.

Камнем преткновения оказывается вопрос о совместном правлении. Хотя неясно, действительно ли правили вместе Аменхотеп III и Аменхотеп IV, это не было само по себе исключительным явлением. Исключителен только сам период. Египетская история содержит ряд примеров того, как царь избирал сына или кого-нибудь из ближайших родственников в соправители; подобные случаи имели место в XVIII династии, как, например, в случае Аменхотепа IV и Сменхкара. Известно также, что Сети I и Рамзес II правили вместе в начале XIX династии.

Тогда почему в истории Амарны мы сталкиваемся с такими трудностями? Мы не можем установить с какой-либо степенью достоверности, что имело место разделение царской власти, так как до сих пор не было обнаружено ни одного текста, где определенный год правления Аменхотепа III соотносился бы с неким годом правления его преемника, Аменхотепа IV (впоследствии ставшего Эхнатоном): тогда можно было бы говорить о том, что последний взошел на трон при жизни отца.

Определить конец правления Аменхотепа IV – Эхнатона все же легче. Из дат на сосудах с вином в еретическом городе Тель-эль-Амарне следует, что семнадцатый год правления Аменхотепа IV – Эхнатона (вероятно, год его смерти) соответствует первому году правления Тутанхамона, который, очевидно, умер в возрасте восемнадцати лет, и что последний год его правления, также приводимый на сосудах для возлияния, обнаруженных в его гробнице, был годом девятым. Тутанхамон, следовательно, должен был родиться в восьмой год соправления Эхнатона.

Если Аменхотеп III и Аменхотеп IV – Эхнатон все-таки правили вместе в течение какого-то времени, можно предположить, что Эхнатон взошел на престол между двадцать седьмым и тридцатым годами правления Аменхотепа III.

Исходя из той же гипотезы, Меритатон и Мекетатон, две первые дочери Аменхотепа IV, должны были появиться на свет до истечения четвертого года его правления. Это приходится на период между тридцать первым и тридцать третьим годами правления Аменхотепа III. В Амарне (Ахетатоне), столице, где на пятом году своего правления обосновался Аменхотеп IV – Эхнатон, стояла пограничная стела, воздвигнутая в шестой год его правления, с дополнительной надписью, появившейся на следующий год, в которой повторялись обеты посвящения города

и был добавлен портрет его третьей дочери, Анхесенпаатон. На шестой год правления амарнский царь изменил свое имя с Аменхотепа на Эхнатон.

Принцесса Бакетатон, последняя дочь Аменхотепа III, родилась, вероятно, в Малькате на тридцать третий год его правления. На восьмой год правления Эхнатона в Тель-эль-Амарне (Ахетатоне) родилась четвертая амарнская принцесса: Нефернеферуатон Ташери. Вероятно, в тот же год или в конце предыдущего, в тридцать шестой год правления старого царя, в Малькате родился Тутанхатон. В девятый год правления Эхнатона, или незадолго до этого, у амарнской четы родилась пятая дочь – Нефернеферуре. Ее имя не включало звукосочетание «атон», которое присутствует в именах ее старших четырех сестер и именах ближайших родственников, Бакетатон и Тутанхатон. На девятый год правления отмечался третий юбилей «Всемогущего Шара, властвующего на горизонте над Ахетатоном». Это важная веха в истории ереси, которая указывает на то, что имена и эпитеты божества изменились. Подобные юбилеи должны были совпадать с юбилеями старого царя, которые регулярно отмечались с тридцатого года его правления (второй пришелся на тридцать четвертый год правления и третий – на тридцать седьмой).

В конце девятого года правления Эхнатона у супругов из Амарны родилась шестая дочь. Она получила имя Сетепенре, и ее изображение вместе с изображениями пяти сестер появилось в росписи царского дворца (фрагменты которой хранятся в Оксфорде) до того, как имена Шара обрели устойчивую форму.

На двенадцатый год правления состоялась впечатляющая церемония, которую египтологи интерпретируют по-разному. Какая бы теория ни оказалась верной, для того чтобы установить приемлемую хронологию, присутствие шестой амарнской принцессы, сопровождающей царскую чету к балдахину, имеет первостепенное значение.

В столице старого фараона мы достигли тридцать девятого года его правления, то есть последней даты упоминания в документах имени Аменхотепа III в малькатском дворце. Но он не мог умереть в тот год, так как в гробнице его внучки (принцессы Мекетатон, в Тель-эль-Амарне) на разбитых фрагментах большого каменного саркофага видны имена соправителей, Аменхотепа III и Эхнатона, приведенные в двойных картушах. Если свидетельство толкуется правильно, принцесса все еще была жива во время празднеств на двенадцатом году правления, которые пришлись на второй месяц второго сезона. Вероятно, она скончалась в конце указанного года, но тогда смерть ее деда,

Аменхотепа III, следует отодвинуть на несколько месяцев, по-видимому, между тридцать девятым и сороковым годами его правления в Малькате.

Пятнадцатый год правления Эхнатона может соответствовать первому году второго совместного правления, когда он решил разделить трон с молодым Сменхкаром. На шестнадцатый год правления Эхнатон женится на своей родной дочери, Анхесенпаатон, которой исполнилось одиннадцать или двенадцать лет. В конце семнадцатого года правления царь-еретик и Сменхкар умирают почти одновременно, и в тот же год юный Тутанхатон восходит «на престол предков».

Если, однако, принять аргументы тех немногих египтологов, которые не воспринимают идею совместного правления Аменхотепа III и Аменхотепа IV, все события амарнской истории и первые четыре года правления Аменхотепа IV в Малькате следует сместить по времени вперед. Для начала его коронация должна была иметь место после смерти Аменхотепа III – между тридцать девятым и сороковым годами его правления. В таком случае молодому Тутанхатону, которому в сороковой и сорок первый год правления было не больше пяти или шести лет, исполнилось бы двадцать два года, когда, семнадцать лет спустя, он унаследовал от Эхнатона трон. Поскольку Тутанхамон правил по крайней мере девять лет, к моменту смерти ему перевалило бы за тридцать, хотя химический анализ его тела, проведенный экспертами, показал, что, когда он скончался, ему было не больше девятнадцати или двадцати лет.

Гипотеза совместного правления находит гораздо больше подтверждений, чем альтернативный вариант наследования. Вместе с тем проблемы остаются. На одну из них недавно указал сэр Алан Гардинер. Она касается письма из знаменитой переписки, хранившейся в архивах Тель-эль-Амарны, еретической столицы. Переписка велась на табличках из обожженной глины с помощью аккадианской клинописи, дипломатического языка всего Ближнего Востока того времени. Это письмо (№ 27, издания Кнудсона) митаннийский царь Тушратта направил египетскому царю Нафуриа. В этом исключительно интересном послании упоминается принцесса Тадухипа, дочь царя Тушратты, которую он отправил в гарем Аменхотепа III и затем, после его смерти, в гарем его сына, Неферхепруре – Аменхотепа IV; по крайней мере, мы так считаем сегодня, допуская, что имя Нафуриа является действительно аккадианским вариантом Неферхепруре (имя, полученное при коронации Аменхотепом IV). До сих пор считалось, что иератическая надпись, сделанная на боковой стороне таблички, при регистрации в архивах фараонов в

Малькате указывает в качестве даты двенадцатый год правления. Однако первая цифра в дате была восстановлена, поскольку текст таблички в этом месте испорчен, и не должна приниматься во внимание, если относительно нее существует хоть какое-то сомнение. Письмо, следовательно, могло попасть к Аменхотепу IV в столице его отца во второй год правления, вскоре после погребения последнего, на которое, по-видимому, имеется ссылка в письме. В настоящее время невозможно установить (не прибегая к дальнейшему исследованию самой таблички, хранящейся в Берлине), какая дата является правильной – второй или двенадцатый год. На какое-то время эту проблему следует оставить, хотя, судя по недавно сделанной фотографии, старая теория все-таки представляется верной.

В связи с этим возникает другое предположение: несмотря на недавно проведенное видными филологами сравнительное исследование аккадианских и египетских языков, можем ли мы быть абсолютно уверены в том, что Напхурия (или Набхурия) и Нибфурия (или Бифурия) представляют собой аккадианские варианты Неферхепруре (коронационное имя Аменхотепа IV), а не Небхепруре (коронационное имя Тутанхатона)? Не произошла ли здесь путаница, не могло ли указанное письмо, если оно действительно было получено на второй год правления, адресоваться новому правителю, Ту-танхатону, которого чужеземные цари, систематически игнорируя царя-еретика, признали как единственного наследника Аменхотепа III? (Хоремхеб, захватив трон, занял точно такую же позицию в отношении всех амарн-ских правителей.) Эта гипотеза, однако, основана на весьма сомнительных догадках.

От беглого ознакомления с неясной амарнской хронологией давайте теперь обратимся к тому немногому, что нам известно о жизни царя-ребенка, и попытаемся воссоздать обстановку, окружавшую его в младенческие годы. Для этих целей гипотеза совместного правления представляется более приемлемой.

Главных персонажей и события поздней XVIII династии очень трудно связать воедино. Наши сведения об их личной жизни исключительно скудны; даже генеалогия царских семей неясна, а письменные источники сообщают столь мало об их намерениях, характерах и взаимоотношениях, что эти люди кажутся нам почти марионетками.

В этом темном отрезке истории бросается в глаза переоценка теологических догм, последствия которой сказались на всей политической ситуации и привели к волнениям и мятежам. Не было пощады даже гробницам в некрополях: умершие лишились памяти потомков, когда их имена стерли с надгробий.

Таким образом, сейчас невозможно точно идентифицировать мумию в так называемой гробнице царицы Тии, которая могла бы помочь разгадать загадку семейного древа Тутанхамона и его предшественников: Аменхотепа IV – Эхнатона и Сменхкара. После обнаружения мумии было высказано предположение, что она принадлежит Эхнатону, но в настоящее время стало ясно, что по крайней мере гроб первоначально предназначался для женщины. Позднее исследователи пришли к выводу, что эта мумия Сменхкара; специалистов, которые сравнивали ее с мумией Тутанхамона, поразило сходство черепов, и они безо всяких колебаний заявили, что это черепа двух братьев почти одного возраста. Сменхкар должен был умереть лет в двадцать пять или в двадцать шесть.

Последние попытки идентификации этой мумии, на урее которой начертано имя Атон, возвращают нас к первому варианту. Если его принять, то смерть царя-еретика следует отнести примерно к двадцать шестому году. Но уже на первом году своего правления (в качестве соправителя или единоличного монарха, если отвергнуть идею совместного правления) Аменхотеп IV взялся за осуществление своей религиозной реформы. Если Аменхотепу IV было десять лет, когда он приказал возвести храм в честь Солнечного Шара, Атона, символизировавший сущность нового догмата, он был или абсолютным гением, или великим мистиком, или ребенком, которого венценосный родитель намеренно вывел на авансцену, желая, чтобы наследник пожал плоды начатого им смелого эксперимента.

В любом случае теперь известно, что Аменхотеп III поклонялся солнечным богам, в частности это выражалось в почитании Шара (ока солнца), который и сегодня ошибочно называют Диском. Такая позиция царя была естественной реакцией на мракобесие жрецов Амона, а также логическим продолжением нерешительного протеста его предшественников; так, в частности, на скарабее Тутмоса IV было восстановлено прежнее имя Атона. Два архитектора Аменхотепа III, Сути и Хор, высекли поэму из камня, луксорский дворец, который стал ослепительной прелюдией к знаменитому «Гимну солнцу» Эхнатона. Вскоре явилось и второе свидетельство позиции царя: в Нубии (Каве) он основал дворец, получивший название «Драгоценного Атона». Кроме того, «Сверкающим Атоном» стала именоваться его баржа.

К одиннадцатому году своего правления Аменхотеп III покинул город, где последователи и жрецы Амона имели слишком большое влияние. Приблизительно на восьмидесяти

акрах на левом берегу реки (к югу от громадного заупокойного храма, охраняемого колоссами Мемнона) возникла новая резиденция. Эта местность, согласно некоторым авторам, и была знаменитой Джарухой («Поиском вечера» или «Вкусом вечера»). Там располагались три имения: на севере дворец старшей дочери Аменхотепа III, Ситамун, на которой он женился и сделал ее царицей. В центре располагалась резиденция, где Аменхотеп IV жил в первые четыре года своего совместного с отцом правления. Здесь же имелись многочисленные дома и постройки, предназначавшиеся для не столь важных членов семьи; три просторные виллы, стоявшие поодаль, вероятно, занимали царский писарь Расес, царский казначей и старший управляющий, знаменитая гробница которого приводит в восхищение посетителей фиванского некрополя. Тут находилось также поселение рабочих и дома младших чиновников, построенные, по обыкновению, из необожженного кирпича, изнутри покрытые штукатуркой и украшенные фресками. Собственная громадная резиденция Аменхотепа III помещалась к югу от этого комплекса, рядом с меньшим дворцом, который, по всей видимости, предназначался для «Великой Царской Супруги», царицы Тии. Дворец царя назывался «Дом Небмаэтре (коронационное имя царя) – это великолепие Атона», и это же название получил дворец Аменхотепа III в Тель-эль-Амарне. На тринадцатый год своего правления, когда отмечался первый юбилей, он переименовал свой дворец в «Дом торжества», и так же стал называться храм Атона в Тель-эль-Амарне. Сегодня этот комплекс известен как Мальката, что по-арабски означает «место, в котором собраны вещи», – аллюзия на останки времен фараонов, которые были найдены там задолго до того, как начались официальные раскопки.

Великолепные сады украшали новую столицу, от которой вел к Нилу канал, разветвлявшийся в форме буквы «Т» при приближении к чудо-городу. В течение долгого времени считалось, что Т-образная часть канала – это все то, что осталось от знаменитого озера Тии, «Великой Царской Супруги», которой царь постоянно выказывал любовь и уважение. Знаменитый текст, сохранившийся на нескольких скарабеях, повествует о строительстве огромного бассейна или пруда 3700 локтей в длину и 700 локтей в ширину (148 акров), который был сооружен для царя за пятнадцать дней в то время, когда река заливала берега «между первым и шестнадцатым днями третьего месяца разлива». В день Праздника открытия прудов, то есть на шестнадцатый день третьего месяца разлива Нила, было закончено строительство высоких плотин, сдерживающих воду, и

царь торжественно проплыл по ирригационным бассейнам на своей великолепной золотой барже «Сверкающий Атон», проходя через проемы, специально оставленные для этой цели в разделяющих дамбах. Когда вода отступала из громадного искусственного озера, крестьяне принимались возделывать плодородную почву. На одиннадцатый год правления, через год после прибытия митаннийской принцессы в гарем фараона, «Великая Царская Супруга», Тии, получила новое доказательство любви мужа: громадное поместье Джаруха, которое должно было принести ей дополнительный доход и за которым надзирали ее личные чиновники. Место было выбрано удачно: не к западу от Фив, как считалось до сих пор, а вблизи Ахмима, в районе Паноплита. Именно оттуда, возможно, происходит ее семья.

Тии не была принцессой крови: ее отец, Юйи, и ее мать, Туи, высокие служители Амона, также занимали административные должности в провинции, вероятно, на своей родине. Юйи также был «Пророком Мина» и «ответственным за быков Мина» в Ахмиме. Туи была начальницей гарема Мина. Ее родители возвысились, попав в придворную элиту фараона, при этом Юйи имел титул «Божественного отца», который некоторые исследователи переводят как «Тесть Фараона». Он также был «Начальником Царских Колесниц», пользовался многими другими привилегиями и исполнял различные обязанности в отношении царя и фиванского Амона. В Фивах Туи занимала видное место, являясь начальницей гарема Амона.

Царица Тии, дочь этих двух провинциальных вельмож нубианского происхождения, что определенно следует из анализа их мумий, обнаруженных в Долине царей, стала первой дамой царства, так как Аменхотеп III сделал ее царицей, нарушив таким образом традицию, согласно которой царь женился на дочери фараона и делал ее великой царской супругой и матерью царского наследника. Аменхотеп III оповестил всех своих подданных и тех, кто проживал за пределами его государства, о своем решении взять в жены женщину незнатного происхождения. В день свадьбы, в первый год своего правления, он выпустил набор памятных скарабеев, где было указано ее имя и скромная родословная, с тем чтобы этот факт стал известен повсюду, от Нахарина, на севере, до Кароя, в самом сердце Судана, вблизи Напата. Это означало, что дети, родившиеся от подобного брака, уже не могли считаться бастардами, что было прямым вызовом жрецам Амона. Они больше не могли утверждать в стенах своих храмов, что их бог подменил монарха в день его свадьбы и оплодотворил, бесспорно, царскую дочь, которая сама вела свой род от бога. Именно поэтому Амон изображен в сцене «Теогамии»

на стенах заупокойного храма Дейр-эль-Бахри: царица Хатшепсут, дочь Яхмоса (дочь фараона), была воистину рождена от главного из богов. В Луксоре сам Аменхотеп III запечатлел обстоятельства своего божественного зачатия, изобразив свою мать, царицу Мутемвейю (которая, как предполагается, не могла быть чужестранкой), в исступленном любовном диалоге с изображением Амона.

Женитьба царя на девушке незнатного происхождения была прямым вызовом фиванскому жречеству. Можно допустить, что в первые годы своего правления царь придерживался политики компромиссов, появляясь (несмотря на женитьбу) с матерью-царицей, принцессой крови, на официальных церемониях. Но вскоре уже Тии, только одна Тии, занимала почетное место на пирах, устраиваемых в каждом из городов, куда прибывал Аменхотеп III. Единственное исключение было сделано для старшей дочери царской четы, Ситамун, на которой фараон женился, как бы отдавая более чем достаточную дань ее божественному происхождению. Тем не менее это не мешало молодой женщине почитать и уважать своих преданных родителей, царскую чету. По-видимому, двор пытался изменить саму суть царской генеалогии и подчеркнуть значение происхождения по материнской линии: дочери возвышались над сыновьями и изображались наравне с царями на цоколях монументальных статуй в огромных храмах или на стенах гробниц высокородных сановников царства. Принцы никогда не изображались; вместе с тем они, несомненно, существовали, поскольку нам известно, что будущий Аменхотеп IV не мог не присутствовать при дворе в Малькате.

Когда царь планировал сооружение своей гробницы, он включил в план постройки две дополнительные камеры, которые должны были располагаться в глубине; одна предназначалась для Тии и другая – для Ситамун, старшей дочери. Аменхотеп IV – Эхнатон последовал его примеру, когда при сооружении нового города официально объявил, что будет похоронен в нем вместе с женой Нефертити и старшей дочерью, Меритатон.

Мемориалы Ситамун были обнаружены в гробнице ее бабушки и дедушки, Туи и Юйи, где она изображена на спинках кресел. Обращенная лицом к царице Тии, Ситамун оказывает ей знаки внимания или величественно сидит, принимая золотое ожерелье. На ее высоком головном уборе – корона из лотосов, которую носили только царские фаворитки и принцессы, вышедшие замуж за своих отцов. Ее имя вписано в картуш: тюбик с краской для век (в настоящее время находящийся в музее «Метрополитен») со спаренными картушами Аменхотепа III и

Ситамун служит дополнительным и исчерпывающим доказательством их брака. Наконец, и это самое важное, в царской столице, на левом берегу реки, располагались дворцы разных принцесс, и до сих пор не установлено, кому они принадлежали, но для нас наибольший интерес представляет дворец Ситамун.

Управляющим ее имениями царь назначил, возможно, самого влиятельного тогда человека в стране: Аменхотепа, сына Хапу. Его положение в дворцовой иерархии было настолько высоким, что, когда он умирал, фараон милостиво разрешил ему воздвигнуть усыпальницу неподалеку от царских заупокойных храмов – жест исключительный и почетный для человека незнатного происхождения, который не имел на то права. Аменхотеп родился в Атрибисе в дельте Нила, вероятно, во времена правления Тутмоса III, и благодаря своей мудрости и проницательности, если верить источникам, прожил ровно сто десять лет. После смерти его едва ли не обожествили, и память о нем пережила века.

Свою карьеру он начал при Аменхотепе III писцом, вскоре ему поручили руководить церемониями многочисленных празднеств и набирать войско; после чего он получил долгожданную должность главного распорядителя работ. Именно он руководил работами в карьерах в Гебель-эль-Ахмаре, где добывался высококачественный песчаник, «чудо-камень», огромные блоки которого везли из дельты реки в окрестности Фив. Этот плотный красный песчаник находился под покровительством бога Атона и стал излюбленным материалом владык Египта, поклонявшихся солнцу. Неудивительно, что позднее мы обнаруживаем в Тель-эль-Амарне, городе Шара, остатки обелиска, воздвигнутого не из гранита, а из песчаника. Творения Аменхотепа можно видеть по всему Египту, от Атрибиса до далекой Нубии, включая Карнак, и статуи его самого стояли в храме Амона.

Аменхотеп III назначил его главным церемониймейстером на празднике Амона, к большому неудовольствию старшего жреца, которого отнюдь не радовало подобное соперничество. Аменхотеп, сын Хапу, стал также наследным принцем, получив имя Хюи, и воздвигнул самому себе в храме Амона замечательные статуи. У основания одного из колоссов, стоящих перед десятым пилоном в Карнаке, на двух статуях, изображающих Аменхотепа как писца, выбиты надписи, наглядно доказывающие, до чего мог дойти царский двор в своем стремлении противостоять власти и амбициям жрецов Амона.

Первая надпись гласит:

> «Вы, люди юга и севера, чьи глаза могут видеть солнце, вы, кто пришел в Фивы, дабы воздать молитвы богам, все вы придите ко мне! Я передаю все, что вы говорите Амону Карнака, в тот момент, когда вы произносите слова пожеланий и льете воду [возлияние]. Ибо я вестник, избранный царем, чтобы выслушивать ваши молитвы и передавать [богам] дела Двух царств».

Во второй надписи приводятся слова Аменхотепа:

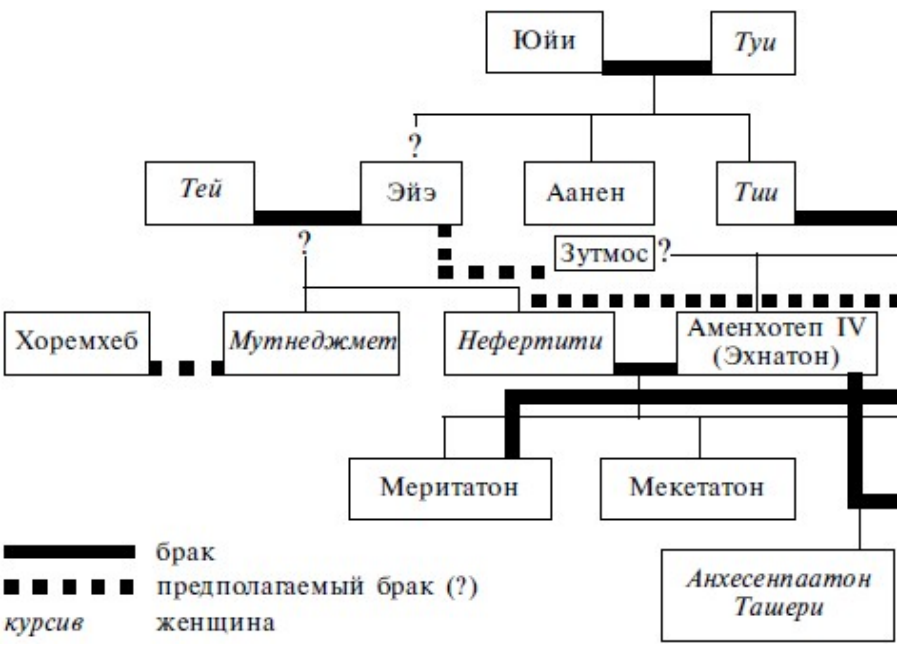
> «Вы, люди Карнака, те, кто хочет видеть Амона, придите ко мне, ведь я вестник бога сего. Небмаэтре [Аменхотеп III] назвал меня, чтобы я мог передавать [богам] слова Двух царств, когда вы произносите свои пожелания и если вы взываете к имени моему всякий день, как к одному из прославляемых».

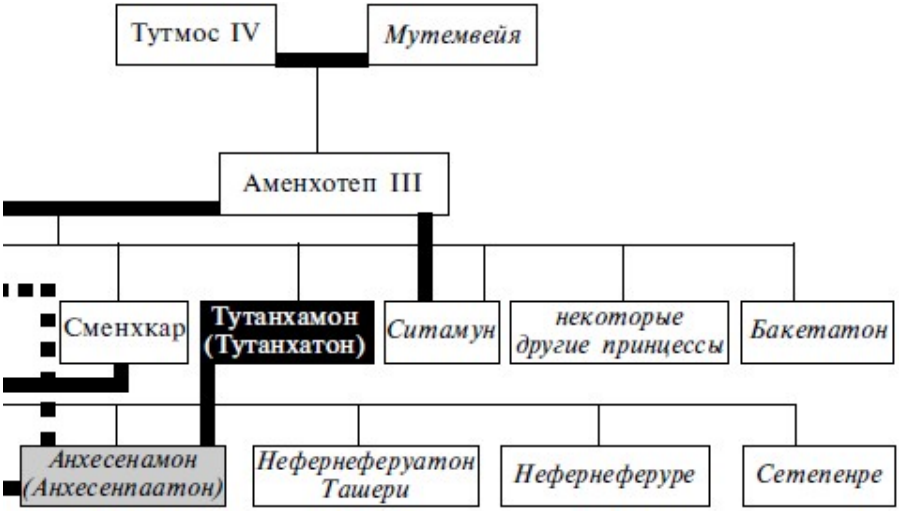
Титул «Вестника бога» Аменхотеп III жаловал и другим военным деятелям, но ни один из них, однако, не поднялся до высот, достигнутых Аменхотепом, сыном Хапу. Он конечно же принадлежал к касте воинов, и в то время, когда царство переживало упадок из-за полного равнодушия фиванского двора к государственным делам, роль воинов возросла, как никогда. Один из них, молодой «писец царских рекрутов», возможно, служил тогда в Сирии и Палестине, и мы еще с ним встретимся. Предпочтя Мемфис Фивам, он становится военачальником Хоремхебом и захватывает трон Египта. В начале амарнской ереси ему, по всей видимости, было лет двадцать.

Аменхотеп пользовался полной свободой и знал все «секреты Капа». Что и кто скрывается за словом «Кап»? О нем нам известно очень мало, но, по крайней мере, мы знаем, что это была военная организация, вероятно существовавшая при дворе во времена Нового царства, в которой воспитывались сыновья нубийских правителей, привезенных в столицу после карательных экспедиций фараона в землях Вават и, возможно, Куш, занимающих примерно территорию современного Египта и Судана. Несмотря на строгую дисциплину, к этим «сыновьям смутьянов» относились с почтением, они получали образование вместе с сыновьями фараонов, и позднее, впитав гармоничную культуру Древнего мира, эти люди использовали полученный опыт на родине. Обычно они становились помощниками у наместника царя Нубии, хотя некоторые делали карьеру в армиях фараона или, подружившись с молодыми принцами, оставались с ними при дворе. Многие из оставшихся проводили всю жизнь в стенах дворца, обучая детей царя. В течение всей жизни они,

однако, сохраняли титул «дитя Капа». Эти отборные военные были незаменимы для правителей XVIII династии, хотя они никогда не порывали ни с родиной, ни друг с другом.

В великих религиозных реформах нубийцы играли определенную роль, о которой до сих пор говорилось слишком мало. Они пользовались исключительными привилегиями при дворе Малькаты, где правила царица, которая почти наверняка была их соплеменницей, на что указывают изображения Тии, например миниатюрная голова из эбенового дерева, хранящаяся сейчас в Берлинском музее. Южный тип ее лица еще более очевиден на кулоне, найденном во время раскопок в ее дворце в Малькате, и на другом, обнаруженном в ходе раскопок в Тель-эль-Амарне. Сомнения окончательно рассеиваются, если присмотреться к агатовой пластине, в настоящее время хранящейся в музее «Метрополитен», на которой царица изображена в образе женщины-сфинкса. По лицу легко определить ее происхождение; недавно было проведено сравнение с еще одним ее изображением, в Седеинга, на севере Судана, среди развалин храма, посвященного Тии.





Генеалогическое древо амарнской царской семьи

Нубийское влияние при дворе уравновешивалось браками царя с несколькими восточными царицами, свиты которых сопровождали их в Египет; например, на десятый год своего правления Аменхотеп III выпустил исторического скарабея, объявляя о прибытии Гилухипы, дочери Шуттарны, царя Нахарина, вместе с его гаремом, состоящим из трехсот семнадцати женщин. Однако она была второй женой, как и все иностранные принцессы, которых направляли во дворец в качестве осязаемого доказательства союзнической верности их отцов (в этой связи уместно вспомнить о трех сирийских принцессах, бывших вторыми женами Тутмоса III). В тени грозной Тии их жизнь протекала очень скучно. Они мало кого интересовали, и чужеземным правителям, которые направляли своих посланников в Египет, чтобы узнать, как поживают их дочери или сестры, приходилось долго ждать известий, поскольку жены-чужеземки жили в полной изоляции. Кадашману Энлилу, брату вавилонской принцессы, жившей при дворе Аменхотепа III, пришлось отправить нескольких посланцев, прежде чем ему удалось что-то узнать о судьбе родной сестры.

Короче говоря, при дворе фараона были принцы с горячей нубийской кровью, но также принцы и принцессы из дворцовых гаремов, которые обликом походили на светлокожих представителей северных рас.

На тридцатый год правления Аменхотеп III собрался торжественно отметить свой первый юбилей с любимой Тии и

другими своими женами и царевнами. Уверенный в силе своих войск, он постепенно потерял интерес к чужеземным владениям. Самый изнеженный из царей, не отказывавший себе ни в каких удовольствиях, жил в роскоши, неслыханной даже для Египта, и его визири и советники старательно этому потакали. К моменту празднования юбилея у него, вероятно, уже развились первые признаки апатии, охватившей его через несколько лет.

Несмотря на придворный обычай изображать только принцесс, имеются в достаточном количестве свидетельства присутствия при дворе наследного принца (будущего Аменхотепа IV) и нескольких его братьев. Среди них мог быть старший сын царя, который умер преждевременно и имя которого упоминается на монументе, обнаруженном вблизи мемфисского Серапеума, – Зутмос. Кнут с его именем был найден среди погребальных сокровищ Тутанхамона.

Хотя надписи практически ничего не говорят нам по этому поводу, на тридцатый год правления своего отца наследный принц, который вскоре разделит с ним трон, уже был женат на молодой женщине редкой красоты, которую звали Нефертити. По сей день никто не может точно сказать, кем же она была в действительности. В течение долгого времени ее отождествляли с Тадухипой, дочерью царя Тушратты из Митанни, писавшей ему письма из Тель-эль-Амарны. Однако известно, что Тадухипа прибыла в Малькату на тридцать шестой год правления Аменхотепа III, а Нефертити к тому времени уже родила мужу Аменхотепу IV – Эхнатону первую из четырех или пяти своих дочерей. Некоторые исследователи полагают, что она могла быть дочерью Тии и Аменхотепа III или Аменхотепа III и какой-то из его вторых жен, но доказательств этого нет. Как обычно, при изучении периода ереси мы попадаем в безвыходную ситуацию. Единственной родственницей Нефертити, о которой мы хоть что-то знаем, остается ее сестра, Мутнеджмет, чей портрет представлен в гробницах пяти придворных Эхнатона в Тель-эль-Амарне. Поскольку Мутнеджмет не носила титула принцессы, Нефертити нельзя причислить к царской семье. Была ли она египтянкой? Доказательств, указывающих на обратное, нет, а ее красивое лицо можно отнести к фиванскому типу; однако, судя по раскрашенному бюсту, хранящемуся в Берлине, ее кожа имела розоватый оттенок, а это заставляет предположить, что она или старательно пряталась от солнца, или имела северные корни.

Другим очевидным связующим звеном между Нефертити и Египтом может служить ее «кормилица», Тей, жена «Божественного отца», Эйэ. Но кто такие Тей и Эйэ? Они появились в Тель-эль-Амарне и изображены в их совместной

гробнице как яростные сторонники амарнской реформы, близкие к царю-еретику. Откуда они родом? Здесь следовало бы обратить внимание на любопытную деталь: при сравнении имен и титулов Эйэ (или Эйе) с именами и титулами Юйи, отца царицы Тии, между ними обнаруживается почти полное совпадение. Высказывалось даже предположение, что это был один и тот же человек. Но если одна из его дочерей смогла выйти замуж за Аменхотепа III, а он при этом пережил правления Аменхотепа III, Аменхотепа IV – Эхнатона (включая период совместного правления со Сменхкаром) и Тутанхамона, а потом на короткое время сам получил власть, Эйэ должен был дожить до глубокой старости. Нельзя также не отметить поразительное сходство между мумией Юйи, найденной в Долине царей, и замечательным портретом, изображающим царя Эйэ в образе бога Нила на основании статуи, стоящей сейчас в Бостонском музее. Не так давно была выдвинута гипотеза, что Юйи и Эйэ могли быть отцом и сыном: это объясняет сходство имен, титулов, внешности и фамильных связей с городом Ахмимом, где у Эйэ была молельня, вырубленная из камня, во имя бога Мина; позднее Тутанхамон, его протеже, и он сам после своей коронации молились этому богу и завели обычай включать его вокабулу в композицию имен.

Эйэ определенно был человеком Эхнатона, его наиболее верным сторонником в городе Шара, старшим конюхом царского коня, начальником колесниц, личным писцом царя (знаменитый «Гимн Атону» был высечен на его гробнице), царским опахальщиком и, помимо всего прочего, итнетером, «Божественным отцом» или «Отцом бога». Уж не был ли он тестем фараона?

В последние годы возникло предположение, что он был отцом Нефертити и, овдовев, женился на Тей, которая могла быть кормилицей (няней) или, по крайней мере, приходиться мачехой будущей царице. Но Эйэ нигде не упоминается как «отец» царицы; это предположение выглядит заманчиво, но доказать его невозможно.

Непосредственно перед юбилеем (или праздником седа) Аменхотепа III придворные принца организовали празднества, на которых Аменхотепа IV должны были провозгласить соправителем. В то время принц решил построить новый храм, посвященный Восходящему солнцу (Ра Харахти), – к востоку от святилища в Карнаке, намереваясь стать его верховным жрецом. Он определил новую божественную ипостась, какой он ее себе представлял, и хотел бы видеть в Карнаке: «Ра-Харахти-который-торжествует-на-горизонте-во-имя-солнечного-света (Шу), который-является-в-Солнечном-Шаре (Атон)».

Таким образом, юбилей Аменхотепа III соотносился с юбилеем бога, который, подобно фараону, после долгого периода жизни должен был возродиться на горизонте по завершении мистерий седа. Во время церемоний Аменхотеп III должен был пройти через некое подобие смерти; этот обычай имитировал варварское ритуальное убийство постаревших вождей в доисторическом Египте. Он облачался в одеяние Осириса, бога, за убийством которого последовало рождение его сына Гора, чья жизнь – залог вечного существования всего сущего. Затем он вновь являлся, подобно Гору, восходящему солнцу, чтобы начать новый цикл. Находящийся рядом сын, Аменхотеп IV, ставший соправителем, символизировал его возрожденные силы и позднее официально провел теологическую реформу в попытке заново определить истинную природу бога.

Столь важный этап божественной жизни фараона был отмечен определенными изменениями в святилище и возведением новых монументов. Аменхотеп III решает воздвигнуть (или расширить) храм Амона в Солебе, в Суданской Нубии. По изысканности он стал соперником луксорскому храму. Планированием и проведением работ занимался Аменхотеп, который возвел в святилище прекрасные цветочные колонны, назначил храмовых жрецов и провел торжественные церемонии седа. На празднования в Нубию прибыли многие высокие официальные лица, включая Расеса, царского писца юга. В честь юбилея Аменхотеп доставил в Фивы две монолитные статуи высотой в 40 локтей, высеченные в каменоломнях Красной горы в Гебель-эль-Ахмаре в северном Египте. Это знаменитые колоссы Мемнона, которые до сих пор стоят у пилонов заупокойного храма Аменхотепа III перед входом в фиванский некрополь. Создателем их, вероятно, был главный скульптор царя, Мен, работавший в Гебель-эль-Ахмаре, чей безукоризненный вкус и мастерство не вызывают сомнений. Его сын, Бак, тоже скульптор, стал одним из придворных соправителя, распоряжениям которого он неукоснительно следовал. Классический стиль, в котором телам и лицам членов царской семьи придавалась соразмерность и гармоничность, уступает место полному и беспощадному реализму; всю правду надлежало сохранить в камне, чтобы средствами искусства выразить новую идею божественного воплощения. Баку, вероятно, было поручено вырезать впечатляющие статуи-колонны Аменхотепа IV для того самого храма к востоку от Карнака, который принц построил и посвятил солнцу в начале своего правления. Такая реформа могла увенчаться успехом только при условии, что ее поддержит большинство населения и элита сочтет ее необходимой.

Инновации Эхнатона, которого называют «величайшим мистиком древности», привели к глубоким переменам в жизни египетского общества на всех уровнях. Упрощение теологии, чтобы она стала понятной всем; воссоединение людей с богом, представленным как сияющий диск, изливающий свой свет на всех; утверждение, что жрецам известно «со времен богов»: люди рождаются равными и только «греховность различает их»; объединение человечества путем сближения его с иными формами жизни и напоминания ему о тесной связи между камнями, растениями, животными и людьми, а также запрещение магии, которая препятствует моральному совершенствованию, – таковы главные составляющие великого плана Аменхотепа IV.

Кроме того, он собирался освободить жителей городов от удушающей власти традиции, открыть перед ними новые горизонты и заставить их выйти за рамки жестких догматов веры, которые много столетий довлели над их мыслями. В первые три года совместного правления принц и его сторонники предприняли решительную атаку на утвердившиеся обычаи. Самым быстрым и осязаемым результатом, помимо новых форм в искусстве, явилось использование разговорного языка в официальных документах, что ранее было запрещено. Подобные радикальные перемены, разумеется, встретили большое сопротивление. На самом деле подобный эксперимент мог быть предпринят только во время совместного правления, притом что старый царь оставался в своей фиванской столице и продолжал управлять государством через своих старших чиновников. Это позволило молодому царю, при поддержке семьи и преданных друзей, возвести новый город и засеять целинную землю семенами неслыханной реформы. В Фивах новые веяния распространялись медленнее, хотя Расес, визирь юга, украсил свою гробницу как в классическом, так и в современном стиле. Изящные, стилизованные барельефы и росписи соседствовали на стенах его заупокойной молельни с вызывающе реалистическим портретом молодой царской четы, сидящей у окна в своем дворце.

Для своих опытов Аменхотеп IV выбрал местность вблизи Гермополя, города Тота, бога мудрости, в XV номе Верхнего Египта. Этот участок на восточном берегу Нила протяженностью около шести с половиной миль ограничен со всех сторон Арабской грядой, образующей здесь практически полукруг. За несколько лет Аменхотеп IV возвел на голой земле город-мечту с дворцами и небольшими домами в окружении великолепных садов и назвал его Ахетатон (горизонт шара). Нынешнее его название – Тель-эль-Амарна – составлено из двух названий:

современной деревни на севере – эль Тилл – и племени Бени Амран, которое когда-то обитало в этом районе. Четырнадцать величественных стел, высеченных из камня, отмечали границы новой столицы.

Три первые пограничные стелы (одна из которых располагалась в северной оконечности города, а две другие – на юге) датируются четвертым годом совместного правления. На них стоят слова клятвы Аменхотепа IV, который официально заявил, что он клянется никогда не покидать пределы «этого чистого города» ради севера или юга. Он поклялся, что никто, даже царица, не заставит его искать более подходящее место для поклонения Атону. Он собирался воздвигнуть пять святилищ и два главных дворца, один для фараона и другой для царицы, а также изъявил желание построить на восточной горе гробницы для себя, для Нефертити и для царевны Меритатон, добавив при этом, что если кто-либо из них умрет в другом египетском городе, то его тело должно быть перевезено для захоронения в Ахетатоне. Он также приказал возвести гробницы для священного быка, Мневиса, для верховного жреца и других жрецов Атона, для знатных сановников и других подданных.

Все сооружения располагались в восточной части города. Это было сделано умышленно, поскольку согласно многовековой практике некрополи возводились на западном берегу Нила, там, где солнце уходило вместе с умершим, который после ритуала Осириса возрождался вновь, пройдя множество таинственных превращений. Еретически настроенный царь яростно противостоял обычаям, которые воспринимал как магические; по его представлениям, после захода солнца ничто не жило, и все погружалось в некий космический сон, ибо «дыхание жизни» едва достигало ноздрей спящих.

Эта догма была связана с новыми представлениями о богине Маат, дочери Ра. Она воплощала самую суть египетского пантеона, как хранительница престола и представительница закона и порядка. Любая попытка лишить ее власти могла подорвать основы государства. Некоторые историки рассматривают радикальное изменение представлений об этой богине как одну из величайших опасностей, когда-либо угрожавших Египту и царству. Однако Аменхотеп IV решился на подобные меры, поскольку для него они прежде всего означали приведение устаревших концепций в соответствие с духом времени.

Маат олицетворяла не только закон и порядок; являясь дочерью Ра, она, как эманация солнца, также символизировала дыхание жизни и, возможно, собственно свет. Аменхотеп III в

своем коронационном имени и в названиях нескольких храмов уже пытался подчеркнуть значение этой ипостаси богини, использовав формулу Хаамаат, которая означает «появляющаяся (или восходящая) с Маат». Другими словами, царь и эта небесная сила, поручителем и воплощением которой он являлся, представляли собой единое целое.

Чтобы убедиться в том, что первоначально Аменхотеп IV следовал по пути, проложенному его отцом, надо вернуться в заупокойную молельню фиванского писца Расеса, где настенные росписи выражают одну и ту же идею в двух стилях. Во-первых, Аменхотепа IV можно видеть с традиционными регалиями сидящим на помосте рядом с богиней Маат, ее головной убор из страусиных перьев соответствует иероглифу ее имени; кроме того, незначительный наклон перьев означает дуновение жизни. Перед царем – два символа, которые всегда изображались в руках богов в эпоху фараонов: жизнь (анк) и божественная власть (урей). Надпись представляет фараона как «того, кто живет по Маат». По контрасту на другом изображении, расположенном немного далее, соправитель показан у окна своего дворца в обществе Нефертити; оно исполнено в новой манере, суть которой, по-видимому, заключалась в абсолютно точном воспроизведении фигур и черт лица. Амарнский шар сияет над венценосной четой, и его лучи с крошечными руками на концах простираются к царственным образам с символами жизни и божественной власти. Свет, дарующий жизнь, таким образом, передается им от шара.

На четвертый год своего правления Аменхотеп IV выделил основные принципы разработанной им ереси. В гораздо большей степени речь шла о выражении в современных представлениях идей, которые давно закостенели в архаических формах, чем о радикальном изменении самих догм. Аменхотеп IV не только придал разговорному языку статус официального, но также ввел смелую, натуралистическую и легко понятную символику для выражения религиозных концепций.

Зимой шестого года правления Аменхотеп IV берет себе имя Эхнатон, «служитель Атона», и объезжает на своей колеснице, покрытой электроном, одиннадцать новых стел, стоящих на западных и восточных утесах, которые обозначали границы его большой столицы. Здесь он делает соответствующие подношения и публично повторяет клятву никогда не покидать границы этого города. Отныне Эхнатон постоянно проживает в возведенном им городе Шара, и его клятва, которую он произнес в третий раз на восьмой год правления у четырнадцати пограничных стел, заставляет предположить, что, пока старый царь и его сановники

по-прежнему управляли страной, он как соправитель не мог распоряжаться по своему усмотрению повсюду в Египте.

Главные здания в городе предназначались для религиозных целей; второй юбилей во славу Атона был отпразднован вскоре после второго юбилея Аменхотепа III в Малькате; в те времена семейные события еще больше сплотили соправителей. В городе Шара царственная чета отметила рождение третьей дочери, Анхесенпаатон, и тогда же в Малькате царица Тии на тридцать третий год правления родила последнюю свою дочь, Бакетатон. Это имя, по-видимому, было выбрано как подтверждение того, что новая религиозная практика пользуется симпатией и поддержкой у старших представителей династии. Маленькая принцесса родилась через два года после кончины дедушки и бабушки по материнской линии, Юйи и Туи, которые вскоре были перезахоронены в скромной гробнице в Долине царей. На их похоронах присутствовали Аанен, второй пророк Амона, высший жрец Ра в Гелиополе, и брат Тии. Погребальный инвентарь, помимо сундуков с драгоценностями, посланных Аменхотепом III и его женой, включал кресла, которые были поднесены их старшей дочерью, Ситамун. Ее отец женился на ней за несколько лет до этого, и кресла были украшены сценами, повествующими о его благоволении к ней. Однако, если допустить, что почившая чета являлась родителями «Божественного отца», Эйэ, удивительно, что от амарнского двора никаких даров не поступило.

На тридцать четвертый год правления умирает второй пророк Амона, Аанен, и его место занимает Симут; храмы Амона в Карнаке, следовательно, по-прежнему процветают, и никаким гонениям династический бог не подвергается. Брат матери-царицы был главным жрецом Амона. В то же время строительство храмов, начатое во владениях Атона в Карнаке еще до четвертого года совместного правления Аменхотепа IV, продолжается на шестом году правления амарнского царя. Четыре из них воздвигли из известняка, и в одном был сооружен один-единственный обелиск из того же материала. Пятый, из другого камня, был заложен в обширных владениях «Атона гелиополиса» на юге (то есть в Карнаке в период ереси). Возможно, также был построен небольшой павильон поблизости от священного озера во время третьего двойного юбилея двух царей и Шара на четвертый год правления Эхнатона, то есть в тридцать шестой – тридцать седьмой годы правления Аменхотепа III.

Мы можем предполагать, что Тутанхамон родился в тридцать четвертом или тридцать пятом году правления Аменхотепа III, однако самое тщательное исследование его погребальных

сокровищ и развалин монументов, воздвигнутых в короткий период его правления, не дает ответа на вопрос, кто были его родители. Генеалогические записи, похоже, умышленно игнорировались во время атонистической ереси, как в Малькате, так и в Тель-эль-Амарне, где ничего, кроме Шара, творца всего живого, не имело никакого значения. Только в одной надписи, на льве, стоявшем в храме Солеба и позднее перенесенном дальше на юг в Гебель-Баркал, в Судане, Тутанхамон все же называет Аменхотепа III своим отцом. Многие исследователи не склонны понимать это утверждение буквально и рассматривают его как простое упоминание о царственном предке. По одной из гипотез Тутанхамон был сыном Аменхотепа III и принцессы Ситамун, то есть сыном своей сводной сестры и тети, а по другой версии его родителями могли быть Сменхкар и Нефертити. Третьи соглашаются с отцовством Аменхотепа III, но заявляют, что матерью Тутанхамона была неизвестная вторая жена царя. Не так давно выдвинуто предположение, что отцом Тутанхамона был гипотетический сын Эйэ и Тей («кормилицы» Нефертити), который приходился молочным братом царицы и позднее женился на дочери Аменхотепа III и Тии. Его матерью могла быть Меритре.

Ряд египтологов указывают на поразительное сходство между чертами лица Тутанхамона и лицом Аменхотепа IV, известным по многочисленным портретам. С другой стороны, подобие в строении черепа и тела Тутанхамона и мумии, обнаруженной в псевдогробнице царицы Тии в Фивах, считавшейся поначалу мумией Аменхотепа IV, а потом – Сменхкара, убеждает ученых в том, что Тутанхамон был братом одного из этих двух царей. Предположение выглядит более чем убедительным; почти наверняка Аменхотеп IV и Сменхкар были братьями, по крайней мере сводными. Последний, должно быть, родился в Малькате сразу же после празднования первого юбилея Аменхотепа III.

Но давайте обратимся к некоторым достоверным фактам. Некоторые исследователи утверждают, что царица Тии была бесплодна во время рождения Тутанхамона, но с учетом пылкости египетских и нубийских женщин и принимая во внимание тот факт, что двумя годами ранее она родила принцессу Бакетатон, вовсе не исключено, что она родила принца, когда ей исполнилось сорок восемь лет (Аменхотепу III в то время было пятьдесят два).

В гробнице Тутанхамона следует искать и другие указания. Юный фараон очень походил не только на Аменхотепа IV – Эхнатона или Сменхкара, но также на царицу Тии, что исключительно важно. Помимо этого, как бы подтверждая

надпись на льве, обнаруженном в Солебе, в могиле царя-ребенка была найдена золотая статуэтка, изображающая Аменхотепа III, сидящего в позе солнечного мальчика: знак его тождественности с сыном, в плоть которого он переродится. Эта статуэтка, обернутая в ткань, и лежала вместе с локоном волос царицы Тии в отдельном крохотном саркофаге. Вывод напрашивается сам собой. Другие предметы, находившиеся в гробнице, также указывают на родителей царя, как, например, алебастровый кувшин с царственными именами малькатской четы.

В гробнице также были обнаружены различные предметы, принадлежавшие членам царской семьи: палетка из слоновой кости с именем Меритатон (невестка царя и жена Сменхкара); ящичек с крышкой, на которой изображена сидящей на корточках вторая невестка, Нефернеферуре, из погребальных сокровищ Сменхкара; ящик с картушами Эхнатона и его соправителя, Сменхкара, а также хлыст принца Зутмоса (старшего брата царя?). Кроме того, в гробнице были найдены подношения нескольких близких родственников, преданных слуг и друзей, вроде Нахтмина и Майя, которые преподнесли статуэтки царю. Но только статуэтка Аменхотепа III и локон царицы Тии, по всей видимости, указывают на происхождение Тутанхамона.

Мы, следовательно, не будем слишком смелы, если предположим, что в конце тридцать пятого года правления Аменхотепа III «Великая Царская Супруга», Тии, родила последнего ребенка, Тутанхатона, в гареме Малькаты. По египетскому обычаю, мать давала новорожденному имя, выбирая его из тех слов, которые она произносила во время родов; принц, которому надлежало стать царем, носил это имя до коронации. Позднее к его титулу добавлялось второе имя. Едва издав первый крик, с которым «дыхание жизни» вошло в него, Тутанхатон уже был отмечен знаком атонистической ереси; его старшая сестра, родившаяся за год или два до его появления на свет, также была посвящена Шару, владыке Ахетатона, столицы, где им вскоре предстояло зажить вместе со своими юными племянницами.

Поскольку, когда речь идет об этом историческом периоде, мы ничего не можем сказать наверняка, неудивительно, что ученые расходятся во мнении относительно значения имени молодого фараона. Все египетские имена состояли из коротких предложений, призванных обеспечить новорожденному защиту у одного из богов. Только семь богинь Хатхор, приветствовавшие появление младенца на этом свете, могли бы нам поведать, что Тии имела в виду, произнося эти слова более чем три тысячи лет назад, когда они были всем понятны. Одни утверждают, что они переводятся как «могущественна жизнь Атона» или

«всемилостива жизнь Атона», но другие полагают, что их следует истолковать как «живое изображение Атона», и, наконец, согласно выдвинутой недавно гипотезе, «все живое находится в руках Атона». Так или иначе, филологи не пришли к единому мнению в отношении имени, которое египтяне перестали использовать с того дня, когда юный царь был коронован как Небхепруре.

Глава 5
ТУТАНХАТОН И ДВЕ СТОЛИЦЫ

1361–1359 гг. до н. э.

Ко времени рождения Тутанхатона город фараонов, Фивы, достигнув своего расцвета, превратился в богатую и свободную столицу, открытую для влияния с Востока и поддерживающую отношения со всеми странами Древнего мира. Ахетатон, еретический город, представлял собой квинтэссенцию, если так можно выразиться, утонченной фиванской цивилизации. Мир и процветание, последовавшие за победоносными войнами, способствовали беспрецедентному расцвету искусств: знать и средние классы купались в невиданной прежде роскоши и даже люди низкого происхождения благоденствовали. Старомодные привычки самоограничения и простоты канули в вечность: по праздничным дням мужчины надевали великолепные, изящные парики, а женщины вплетали в волосы длинные искусственные косы, ниспадавшие на плечи (мода более распространенная, чем короткий и круглый нубийский парик, которому отдавали предпочтение дамы еретического города из-за его экзотичности). Мужчины и женщины теперь носили льняные одежды свободного покроя в складку с широкими рукавами, часто отделанные бахромой и элегантными бантами. Сандалии еще не превратились в туфли с длинными, острыми, загнутыми кверху носами, характерные для XIX династии, но украшались вставками из кожи. Обувь царей отделывалась золотом или имела оригинальную форму с открытым мыском и закрытым задником. Стремление к роскоши нашло отражение в сооружении аристократических особняков: на окраине города появились большие сады, так как пространство в центре было ограничено и занято одно-, двух– и трехэтажными домами. Однако в Ахетатоне, который царская чета из Малькаты часто посещала, было достаточно места, чтобы воздвигать огромные, роскошные здания, вызывавшие зависть и восхищение у всех египтян.

Дворцы и лачуги сооружались из необожженного кирпича; известняк использовался только для порогов, оснований колонн, а также дверных и оконных рам. Двери и колонны делались из дерева. Вокруг каждого имения возводилась высокая стена с караульней около ворот, от которых под прямым углом шла тропинка к главному зданию. Оно всегда имело прямоугольную

форму и делилось на три основные части. За просторной приемной располагалась общая зала, занимавшая большую часть дома. Ее потолок, располагавшийся выше, чем в смежных комнатах, поддерживали колонны, число которых в богатых домах достигало четырех, и в центре часто располагался очаг. Большой плоский камень с небольшим углублением, лежавший у одной из стен, служил для омовения рук и ног членам семьи и их гостям. У противоположной стены находился помост для сидений. Узкие окна располагались очень высоко. Это делалось для того, чтобы яркий дневной свет не слепил глаза. Иногда колонны, а во дворцах и потолки украшались изображениями растений и животных. По сторонам центральной залы располагались кабинет главы дома и его канцелярия; лестница вела на галерею, расположенную над приемной. Остальная часть здания была отведена под личные комнаты, и ее главная комната квадратной формы обычно принадлежала хозяйке дома. По обеим ее сторонам располагались спальни, как правило, очень скромные, каждая из которых имела альков. Туалеты отличались редкостной изысканностью и обычно даже имели стульчак. До греко-римских времен египтяне не были знакомы с ванной, но, вероятно, пользовались душевыми комнатами. Подобно жителям большинства жарких стран они тщательно следили за своей кожей после принятия ванны, и во всех частных домах имелись комнаты для втирания мазей и массажа. Дренажные и водопроводные трубы были керамическими. Резиденции правителей Амарны и Малькаты отличались еще большей роскошью.

В задней части дома располагались комнаты для слуг, кухни и пекарни, домашняя пивоварня и погреба с кувшинами для вина, на которых было указано место его изготовления и сорт; вина из «Владений Атона» поступали главным образом из дельты Нила, из окрестностей современной Александрии. Позади дома также располагались конюшни, сараи для скота, собачьи конуры, столярные и прядильные мастерские. Воду брали из колодца, а в многочисленных силосных ямах хранилось зерно. Разумеется, богатые египтяне не могли обойтись без садов. В садах росли платаны, пальмы, ивы, иногда акации и гранаты, а также папирус, мак, василек и мандрагора. В прямоугольных прудах цвели лилии и лотос. У входа в сад стояла небольшая открытая молельня с алтарем в виде плоской каменной плиты с изображением солярного шара, простирающего свои лучи-руки к амарнской царской семье. С двух сторон от этой плиты помещались портреты главы и хозяйки дома. Возможно, здесь надо искать истоки христианских триптихов с изображениями покровителей

церкви.

В центре еретического города помещались дворцы, главные храмы и государственные учреждения. Официальная резиденция царя состояла из огромных зданий с внутренними дворами, украшенными статуями и колоннадами; через центральную улицу города была перекинута большая арка, первый в Египте мост, соединяющий две части владений фараона.

Приватная резиденция стояла на холме, ее окружал сад, располагавшийся на трех террасах. Под склоном холма протекала река, и в небольшой бухте причаливали царские баржи, доставлявшие на 220 миль вниз по Нилу правителей Малькаты, пожелавших приобщиться на несколько дней к блистательной жизни Шара. Сюда не проникали суета и тревоги повседневной жизни, и все помыслы города были обращены к религиозной реформе.

Когда Тутанхатону было года три, между тридцать седьмым и тридцать восьмым годами правления Аменхотепа III и в конце девятого или в начале десятого года правления Эхнатона, он в сопровождении своих родителей и старшей сестры, Бекетатон, отправился в Ахетатон. На это время пришелся третий юбилей фиванского царя, который также отмечался в городе Шара одновременно с празднованием двойного юбилея Атона и его служителя, Эхнатона. Прежде чем пришвартоваться, баржа проплывала мимо торгового района, где амбары с зерном возвышались над ослепительно белыми парапетами доков.

Затем маленького принца усадили в колесницу одной из амарнских принцесс, и он проследовал по городу в веренице конных царских экипажей в восторге от этого парада и во все глаза глядя на тяжело дышавших придворных, которые все шли пешком, включая царского писца, и старались не отставать, когда процессия проходила мимо огромных храмов. Шествие остановилось за городом – перед двумя большими пилонами, похожими на те, что были воздвигнуты в храмах Луксора и Карнака. Впереди возвышались мачты, на которых развивались длинные ленты, символизирующие дыхание жизни; но эти мачты разделены на две группы по пять штук в каждой, священное число Хмуну (Гермополя) и Ахетатена, а не на группы из двух или четырех мачт, как это было в Карнаке или Мемфисе. Две царские четы миновали просторные открытые галереи с кирпичными постаментами (по одной для каждого дня в году) для ежедневных жертвоприношений во время празднеств в честь юбилея Атона. Возложив специально отобранные растения на алтари солнца, к которым ведет несколько ступенек, торжественная процессия покидает первое здание, Перхай (Дом праздника), и вступает в

следующее, стоящее поодаль и носящее имя Гем-Атон.

Далее они посещают почти достроенный храм под названием Шуэт-Ра («Опахало Ра»), воздвигнутый в честь царицы Тии. Это святилище имеет форму громадной беседки, сквозь стены которого освежающий ветерок проникает в тенистую центральную часть. Как и все святилища, находившиеся под покровительством женщин из царской семьи, он весь был проникнут божественным дыханием жизни, которое они передавали верховному правителю, воодушевляя его, подобно тому как крылья Исиды вдохнули жизнь в безжизненного Осириса. Пока старшие оценивали, насколько успешно продвигается строительство, мальчик и маленькие принцессы с изумлением разглядывали воздвигнутые из песчаника расписные статуи Аменхотепа III и Тии, Эхнатона и Нефертити, слушая объяснения Мутнеджмет, сестры Нефертити, которая их сопровождала.

Однако официальные визиты пришлось сократить до минимума из-за недомогания малькатского царя. Действительно, когда на тридцать шестой год правления Аменхотепа III царь Тушратта из Нахарина уступил его настойчивым требованиям и направил ему одну из своих дочерей, принцессу Тадухипу, в жены, она обнаружила, что фараон слаб и совершенно беспомощен. Тушратта, по совету своих послов или по просьбе самого фараона, согласился одолжить египетскому правителю замечательную статую Великой Иштар, богини любви и войны. Богиня, вероятно, полностью оправдала свое доброе имя; фараон хранил статую в своем дворце и никак не хотел расставаться с таким чудесным лекарством. Тем не менее Тушратта, союзник Аменхотепа III против хиттов и его друг, который осыпал фараона знаками внимания в виде золота и лазурита, оружия, драгоценных камней, колесниц и упряжи (последний дар составили тридцать женщин), не собирался навсегда расставаться со своим сокровищем. Аменхотеп III благоразумно оставил статую в Фивах, опасаясь за ее сохранность в городе Шара, где царил культ Атона. В Малькате отношение к прежнему культу было намного терпимее, Аменхотеп III и на тридцать шестом году своего правления спокойно приносил жертвы в честь Амона и богини Хатхор на Синае.

Но давайте вновь присоединимся к процессии, проходящей мимо министерства иностранных дел (канцелярии «переписки фараона»), у ворот которого, низко склонившись, стоит министр Туту, отвечающий за все письма, адресованные царю его союзниками. Во время периода совместного правления, как можно предположить, копии писем также поступали к Эхнатону,

жившему в своем городе. В развалинах архива было найдено более 360 табличек с клинописью.

Стража, стоящая на специальных тумбах, под создающими тень навесами, сдерживает толпу, жаждущую увидеть, как проедут в покрытых электроном колесницах ее правители, живые воплощения солнца на земле. По такому случаю ученикам дома жизни – университета – разрешили покинуть лаборатории и скриптории и некоторых из них даже допустили во внутренний двор дворца, где придворные и знатные сановники собрались, чтобы встретить царей, когда они появятся в «Большом церемониальном окне».

Спустя несколько лет принцесса Анхесенпаатон, которая всегда жила при еретическом дворе, напомнила Тутанхамону, в какой исступленный восторг пришла толпа, когда Эхнатон с Нефертити из того самого окна преподносили «золотую награду» «Божественному отцу», Эйэ. В подобных случаях церемония «явления» происходила на огромном дворцовом балконе, – очевидно, еретическая новация. Золотые ожерелья надевались на шеи фаворитов; драгоценные кубки, посеребренные или позолоченные блюда, а также драгоценности раздавались избранным. Однако Эйэ, как царский конюх, наверное, больше всего ценил подаренные ему перчатки из красно-коричневой кожи, которые он гордо демонстрировал всем, пока не вернулся с триумфом домой. Эти торжества были даже более пышными, чем чествование Пернефера, главного распорядителя царского двора.

Процессия минует резиденцию Панехеси, верховного жреца, и канцелярию общественных работ. Из казарм выходят отряды интернациональной «миротворческой» армии фараона со знаменосцами во главе: впереди шествуют отряды египетской пехоты, затем войска бедуинов и шарданов, за ними – нубийские лучники.

Всякий раз, посещая Ахетатон, Аменхотеп III останавливался в своем дворце «Великолепие Атона». Тот визит родителей Эхнатона и Тутанхамона навел Хюи, дворецкого царицы, на мысль украсить собственную заупокойную молельню двумя параллельными сценами, изображающими царственную чету. На одной стороне Эхнатон и Нефертити, нежно сидящие рядом, принимают знаки внимания от своих четырех старших детей. На другой стороне – Тии в сопровождении младшей дочери, Бекетатон, смотрит на своего мужа. Некоторые египтологи полагают, что поза ребенка символизирует ее благоговение перед скончавшимся отцом, но ничто не подтверждает эту точку зрения. В любом случае здесь нет изображения Тутанхатона, который не присутствует на портретах царской семьи (равно как и другие

принцы крови), поскольку в соответствии с правилом Атона (вероятно, по ритуальным причинам) только царственные особы женского пола могли изображаться рядом с царями. Даже придворные следовали этому закону, украшая свои гробницы; например, один высокий чиновник изображен за трапезой с женой и тремя дочерьми.

Безусловно, в пределах четырнадцати пограничных стел города Атон должен был даровать свое благословение царским дочерям, подчеркивая таким образом значение происхождения по материнской линии. Кроме того, царицам и принцессам посвящались особые храмы – «Опахала солнца Ра» (Шуэт-Ра). Символами царственных женщин были страусиные перья опахала, которые использовались в иероглифическом письме для их обозначения; эта символика выражала «дыхание жизни», которое они пробуждают через посредство солярного шара. Вблизи больших официальных храмов Тель-эль-Амарны при раскопках был найден ряд «Опахал солнца Ра» Тии, Нефертити и Меритатон. Судя по развалинам последнего, он был ориентирован вдоль оси север – юг: самое выгодное положение в этих краях, чтобы ловить свежий ветер. Второй Шуэт-Ра был сооружен на левом берегу Нила, вблизи Гермополиса, Аменхотеп IV посвятил его маленькой принцессе Анхесенпаатон Ташери.

На другом изображении, относящемся к тому же царскому визиту, Эхнатон выказывает почтение своему отцу, сам наполняя бокал фиванского царя. Нет необходимости обращаться к дипломатической переписке того времени в поисках указаний на заболевание, от которого могла бы помочь излечиться богиня Иштар: физическая немощь Аменхотепа III слишком очевидна на изображениях амарнской стелы: на фоне увитой виноградом решетки за столом сидят два малькатских правителя (стела в настоящее время хранится в Британском музее). Дряхлый царь запечатлен, видимо, незадолго до своей кончины, – тучный, с расплывшимся лицом и скорбным взглядом, он являет собой разительный контраст полной жизни и энергии Тии, профиль которой все же можно различить, хотя камень поврежден.

Вскоре после своего первого визита в столицу старшего брата маленький Тутанхатон начал посещать школу при дворце, где он старался превзойти в учении сыновей знати и принцев из Капа. В Египте того времени, на наш современный взгляд, детей очень рано отдавали в учение: в четыре года они уже умели читать. Сначала их учили распознавать и произносить несколько сот иероглифов, отображающих все аспекты бытия и реальности. Эти знаки были разделены на отдельные категории: таким способом дети приобщались к идее иерархии. Овладев этими навыками,

они учились правильно спрягать глаголы и склонять местоимения; после освоения грамматического согласования по числам и родам, а также арифметических действий в уме, отпрыски знатных семей переходили к изучению иератического письма на папирусе и остраконах. Далее они постигали литературный язык, его особую лексику и систему, используемые для передачи иностранных, главным образом азиатских слов. Юному принцу разрешили писать на папирусе, производимом в Египте со времен I династии из волокон болотного тростника, чего не могли себе позволить обычные школьники, поскольку этот материал стоил исключительно дорого и обычно использовался только для учебников. Школьники писали на известковых или глиняных черепках, которые мы называем остраконами. Учитель относился к будущему правителю Египта весьма строго, никак не выделяя его среди учеников, и, когда тот делал ошибки, переписывая фразы из сборников сказок или кодекса поведения, отмечал их красной тушью. Камнем преткновения всегда было соединение слов – тяжелая задача для любого ребенка, привыкшего к разговорному языку, от которого внезапно потребовали, чтобы тот перешел на незнакомый, архаичный язык.

Школьные принадлежности Тутанхатона включали обычный набор ученика писца: палетку прямоугольной формы (самые простые из них изготавливались из дерева, а самые изящные – из слоновой кости, а иногда покрывались позолотой) с двумя углублениями в верхней части, куда помещались краски: черная и красная (сажа и охра, смешанная со смолой). Паз в центре палетки предназначался для стеблей морского тростника, использовавшихся как перья, – калами, концы которых, в отличие от гусиных, не затачивались, а разжевывались, так что получалась кисточка. Небольшая полая трубка, украшенная сверху головкой в виде цветка, служила «пеналом» для этих хрупких письменных принадлежностей. У маленького ученика было также особое приспособление для разглаживания поверхности папируса после стирания написанного. «Ластик» представлял собой кусок песчаника, который хранился в кожаном мешочке с завязками. Для исправления ошибок на остраконе применялась губка, висевшая на шнурке. На внешней стороне чаш для смачивания кисточек часто делались надписи, которые напоминали писцу, что перед тем, как приступить к работе, ему следует совершить возлияние несколькими каплями воды в честь Имхотепа, обожествленного мудреца, который построил ступенчатую пирамиду в Саккаре во время правления III династии. Однако большая часть палеток писцов находилась под покровительством Тота, бога письменности, счета и мудрости. После уроков

Тутанхатон с друзьями занимались физическими упражнениями: плаванием или борьбой. Он также обучался стрельбе из лука и, возможно, верховой езде на чистокровных лошадях, которых дарили его отцу правители Востока. Египтяне не слишком любили ездить верхом, и эти уроки скорее были исключением из общего правила. Обычно фараон изображался на колеснице, запряженной скакунами.

Приобретя основы знаний, маленький принц начинал осваивать такой предмет, как словосложение; самые мудрые и образованные ученые указывали ему, насколько важно уметь правильно излагать свои мысли:

Что ты получишь за один день в школе, останется навечно… работа, проделанная там, незыблема, как горы. Ты не принес палетку? Она отличает тебя от того, кто гребет веслом.

Погружайся в книгу, как погружаешься в воду. Бедность ожидает того, кто не хочет учиться.

Несмотря на хрупкое здоровье юного принца, личный «егерь» научил его охотиться в пустыне на зайцев, газелей, козерогов, антилоп и даже страусов, как это изображено на браслете из слоновой кости, украшенном сценами охоты на страуса, который был обнаружен в гробнице египетского правителя. Однако будущий царь предпочитал бегать вместе со своими собаками или сидеть во дворце, играя в сенет или в «змейку» со своими сверстниками, а порой устраивая фейерверки с помощью источника огня, который он даже взял с собой в могилу.

Тутанхатон еще не успел пройти первый цикл обучения, когда в столице Шара состоялась грандиозная церемония. Правители Ахетатона вместе с шестью дочерьми приняли всех иностранных послов в здании, специально выстроенном для этого случая. При дворе Малькаты уже долго ходили мрачные слухи, и придворные умоляли царицу Тии вмешаться и поддержать шатающийся трон. Аменхотеп III умирал (мумия царя свидетельствует о плохом состоянии его зубов, что вылилось в различные осложнения) и потерял интерес ко всему окружающему. Верховные жрецы Карнака снова подняли голову. Ситуация в Азии тоже оставалась напряженной. Послания, которые союзники направляли Аменхотепу III и его соправителю, оставались без ответа. Двор оставался безразличным к вторжению хапиру, подстрекаемых Лабайя, принцем караванов, в Палестину и к регулярным набегам на Сирию хеттского царя, Суппилулиумы. На севере Сирии ряд провинций уже обрели автономию благодаря предательству царя Амора по имени Азиру, который приходился сыном Абдиаширте. Дань, выплачивавшаяся провинциями, присоединенными к Египту в результате

завоеваний Тутмоса III, теперь поступала крайне нерегулярно. Тии с беспокойством следила за тем, как ее муж увядает, и отчетливо понимала, что ее сын-еретик обязан что-то предпринять, дабы положить конец разговорам и покончить с опасной ситуацией, угрожавшей всему царству. Теперь очень мало азиатских послов прибывало с богатыми подарками, и эти подношения царский казначей приобщил к дани, которая только что поступила от царя Митанни. Нубийцы оставались преданными союзниками, тем лишний раз доказав (если нужно было это доказывать) преданность южных народов потомкам Юйи и Туи.

Эту церемонию, которую иногда называют парадом, или сценой принятия даров, двенадцатого года, состоявшуюся, если надписи прочитаны правильно, на восьмой день второго месяца зимы, многие ученые рассматривают как момент фактического вступления Эхнатона на трон сразу же после смерти отца. Письмо (№ 27, издание Кнудсона) от митаннийского царя Тушратты Эхнатону (Напхурия), в котором он одновременно говорит о погребении Аменхотепа III и восшествии на престол Эхнатона, датировано в архивах днем его поступления в Фивы. Этот документ, как мы уже упоминали, большинство исследователей датируют двенадцатым годом правления, хотя другие, и в их числе сэр Алан Гардинер, читают в дате только одну цифру 2. В таком случае похороны Аменхотепа III должны были предшествовать «параду чужеземных подношений», который мог быть просто частью коронационной церемонии. Но тогда трудно объяснить, почему принцесса Мекетатон стоит рядом с пятью сестрами на параде и каким образом после ее смерти, наступившей, по-видимому, в конце означенного года, на ее саркофаге оказались печати ее деда и ее отца.

Это самый туманный период в жизни Тутанхамона. Две главные загадки, над которыми ломают голову исследователи: имело ли место совместное правление Аменхотепа III и Аменхотепа IV? И следует ли Напхурия рассматривать как коронационное имя Аменхотепа IV на аккадском языке или как редко встречающееся написание имени Небхепруре, коронационного имени Тутанхамона? Опять же возникает вопрос: не могли ли после смерти Аменхотепа III фиванцы, враждебно относившиеся к ереси Эхнатона, намеренно отдать предпочтение молодому Тутанхамону как наследнику отца и игнорировать еретического хозяина Ахетатона?

Эта теория могла бы объяснить, почему Эхнатон в свою очередь прибегнул к совместному правлению (вместе со Сменхкаром), подчеркнув тем самым свое превосходство как

старшего царя. Не учитывая все эти возможности и не подчеркивая всякий раз сложности, возникающие при сопоставлении разных документов, порой противоречащих друг другу, нельзя судить о проблемах, связанных с историей Тутанхамона, объективно.

Не делая никаких выводов, давайте, по крайней мере, отметим, что среди всех амарнских находок обнаружено только одно указание на дворец Сменкхара, а о дворце Тутанхамона упоминаний вовсе нет. В целом имена Тутанхамона и Анхесенпаатон чаще упоминаются в материалах из северной части города, из владений Нефертити.

С большой долей условности можно предположить, что во время проведения знаменитого амарнского парада царь, сменивший Аменхотепа III, вероятно, был Эхнатон, который, невзирая на свою клятву никогда не покидать еретическую столицу, посетил южный город Малькату и жил там в своем дворце, который назывался, как это следует из письма под № 27 Тель-эль-Амарны, «замком (Пабекен) возрадующегося на горизонте (Хайем-ахет)». Возможно, Эхнатон приехал на похороны отца. Если он и столкнулся с враждебностью малькатского двора, то определенно не встретил противника в лице родной матери Тии, которая всегда, вероятно, выступала в роли посредника между двумя дворами и дипломатично старалась поддерживать у Тушратты из Митанни дружеское расположение к своему старшему сыну. Несомненно, именно Тии Тушратта присылал подарки и именно к ней он обратился, узнав о смерти Аменхотепа III, с пожеланием крепить связи между их двумя странами. В результате принцесса Тадухипа была направлена в гарем нового царя (Напхурия – Эхнатон).

К девятому году правления у Эхнатона уже была вторая жена по имени Киа, но между ним и Нефертити по-прежнему царило полное взаимопонимание, когда они после парада чужеземных подношений, в конце двенадцатого года правления, плакали вместе над безжизненным телом маленькой Мекетатон. Барельефы в царском некрополе Ахетатона, на которых дважды изображена эта трогательная сцена, уникальны для Египта. Изображение погребальной камеры говорит нам больше: в то время как царственные родители и придворные оплакивают умершую принцессу, некая женщина покидает комнату, прижимая к груди новорожденного. Можно предположить, что Мекетатон погибла при родах, выйдя замуж за родного отца, и ее примеру через несколько лет последует его третья дочь.

Если у Аменхотепа III был собственный дворец в городе Шара, то и Тии имела свой, упоминания о котором часто

встречаются на находках Тель-эль-Амарны.

Следовательно, напрашивается вывод, что после смерти мужа Тии часто жила там подолгу, хотя основной ее резиденцией оставалась Мальката. У Тии были также многочисленные поместья, разбросанные по всему Египту, и она могла забрать Тутанхамона после смерти его отца не только в Тель-эль-Амарну. Однако существование в Ахетатоне дворца, отведенного маленькой Бакетатон, заставляет предположить, что матери-королеве приглянулся город Шара. Именно в этом дворце она заказала скульптору Юти портрет младшей дочери, Бакетатон. Амарнская царственная чета оказывала влиятельной Тии всевозможные знаки внимания, и пиры, устраиваемые в честь вдовствующей царицы, были достойны того, чтобы запечатлеть их на стенах гробницы Хюи, ее управляющего в Тель-эль-Амарне. На одной из росписей царица Тии со своей дочкой Бакетатон сидят, повернувшись лицом к наследникам правителя. Можно предположить, что среди них присутствовал и Тутанхатон, но в соответствии со строгими правилами на рисунке он не изображен. Рядом с Нефертити за роскошной трапезой сидит близкая родственница Тутанхатона и будущая его жена Анхесенпаатон. Тии подносит к своим губам кубок, но что касается еды, то здесь скульптора остановил фиванский этикет и он не осмелился представить столь высокую особу за таким занятием. Зато он изобразил, как Эхнатон, Нефертити и их маленькие дочери впиваются зубами в сочные куски жареной утки. Хотя на присутствие молодого принца указывает множество надписей, обнаруженных в развалинах города, фактически он не присутствует ни в одной из сцен амарнской жизни, представленных на барельефах гробниц или на стелах еретической семьи в Ахетатоне, ни даже рядом с Тии и Бакетатон, когда старший сын вводит царицу-мать в храм, сооруженный для нее – «Опахало Ра», – который она видела еще недостроенным во время своего последнего визита вместе с Аменхотепом III.

В Фивах юный принц снова стал ходить в школу. Если некоторые из нубийских вельмож носили в ушах золотые кольца, то их дети предпочитали длинные серьги с кисточками, и Тутанхатон, подражая младшим двоюродным братьям и сестрам, надевал их в детстве и отрочестве; подобные серьги были обнаружены в его гробнице, и вставленные в них фигурки показывают, что он продолжал носить их, став фараоном. Но и будучи фараоном, он оставался ребенком, и ему, вероятно, приходилось учиться. У него были хорошие старшие друзья, в том числе двое «детей Капа», которые присутствуют на изображениях данного периода: Хаи представлен на стенах храма Кавы в Судане

и Хикнефер, знакомый нам по рисункам на стенах гробницы Хюи, наместника Нубии, и по изображениям на стенах собственной гробницы в Тошка.

Тутанхатон теперь пишет свои упражнения красной тушью, и, поскольку ему суждено править страной, как принцу крови, учителя занимаются с ним особенно старательно и относятся к нему строго. Вскоре ему придется решать задачи, которые поставят в тупик самонадеянного ученого, писца Хори. Он уже может легко определить, сколько людей потребуется для доставки обелиска длиной в 60 ярдов, и вычислить пропорции пандуса, необходимого для его подъема. Пройдет совсем немного времени, и ему придется планировать военную экспедицию и отвечать на вопросы относительно географии Сирии. Он умеет складывать и вычитать целые числа и дроби, а при умножении использует систему, которой в Европе пользовались вплоть до конца Средневековья. Конечно, он знал, как вычислить площадь любого треугольника, хотя от него еще не требовали определять объем усеченной пирамиды. Он был способным учеником и в конце второго цикла обучения мог стать «писцом, которому вручили письменный прибор», то есть, говоря современным языком, закончил школу с золотой медалью.

Тии, царицу-мать, все больше беспокоили напряженная ситуация и угроза переворота в Тель-эль-Амарне и в Фивах. После смерти Аменхотепа III и второй дочери Эхнатона в городе Шара возникли серьезные проблемы. Во-первых, по всей стране оспаривалось право Эхнатона на трон. У Тутанхатона были свои сторонники в Фивах, где, под крылом царицы Тии, его по-прежнему считали законным преемником Аменхотепа III. Жрецы Амона объединялись вокруг него, и даже существуют предположения, что они пытались добиться расположения прекрасной Нефертити. Но Эхнатон, едва завершилось строительство павильона во славу Атона вблизи священного озера Карнака, повел яростное наступление на большинство египетских богов, в особенности на Амона и близких ему божеств, жрецы которых представляли угрозу для его власти и идеалов, им исповедуемых.

Повсюду от дельты Нила до Судана отряды рабочих низвергали и калечили статуи божеств и стирали их имена, а главное – изничтожали всякое упоминание о «богах» во множественном числе. В священных карту-шах с именами родного отца Эхнатон оставил только его коронационное имя Небмаэтре, которое не содержало вокабулу ненавистного бога; его гнев, однако, не коснулся богини Маат, дочери Ра. К ней он всегда относился с уважением и делал упор на новое толкование

этого божества как «дыхания божественной жизни», двойника бога Шу, который оживлял все существа. Он даже приказал удалить из гробниц фиванской знати изображение священного гуся Амона. В Иераконполе он разрушил статую богини-коршуна Нехбет, а в Нубии – плоскую статую бога Мина. Таким образом была объявлена открытая война, и хотя Эхнатон мог поздравить себя с тем, что у него есть Маху, начальник стражи, который защищает город от воров-бедуинов и политических противников, его повсюду подстерегала измена; и армия если не выступала против него, то и не была так преданна, как ему хотелось бы. Министр иностранных дел в Ахетатоне, Туту, по-прежнему оставлял без ответа письма азиатских союзников, которые просили помощи и позднее погибли, так ее и не получив. Самая печальная и трагическая из этих историй связана с именем преданного принца Риб-Адди, царя Библа, который заплатил жизнью за свою исключительную преданность фараону, тогда как Азиру можно заподозрить в двурушничестве: он боялся, что хеттский царь вторгнется в Тунип (Алеппо). Но в глубине души надеялся на это. Вторжение стало началом большой сирийской войны, развязанной принцем хати (хеттов).

На пятнадцатый год своего правления Эхнатон перестал появляться с Нефертити на улицах Ахетатона и больше не воздвигал в домашних молельнях для своих любимых слуг стелы, служившие гарантами вечной жизни. В течение более чем одиннадцати лет царская чета олицетворяла собой реформу, за принятие которой боролся Эхнатон. Когда горожане, придворные и крестьяне видели проезжающих мимо царя с царицей, взявшихся за руки, они начинали верить, что, покуда здравствует возлюбленная Атоном пара, с ними ничего не случится. И если на стене каждой погребальной молельни солнце светило не только над царем и царицей, а также над дворцом и храмом, это был не просто образ, но наглядное подтверждение того, что создатель обитает в доме самого благородного из своих творений. На дворцовых стелах эта тема была выражена еще более ясно: по аналогии с храмовым пилоном, над которым вставало солнце, с левой стороны располагался царь, мужской элемент, соответствующий южной башне, а с правой – женский, подобно северной башне.

Над ними только для них одних шар рассеивал свои лучи, которые оканчивались крохотными ладонями, держащими символ жизни. Вокруг них – принцессы, плод союза, освященного божественным дыханием. Два начала – мужское и женское – были связаны неразрывно, и каждое из них само по себе не могло обеспечить вечный цикл в жизни Египта.

Затем, внезапно, Нефертити перестала появляться рядом с царственным супругом. Оставил ли ее Эхнатон? Или, наоборот, царица отреклась от ереси, которая вела династию к катастрофе? Она присоединилась к сторонникам Тутанхатона, поняв, что это – единственная надежда вернуться в вечный Египет ее детства, который она страстно любила. Возможно, сразу же после смерти Тии в Малькате Нефертити, при поддержке «Божественного отца», Эйэ, и «кормилицы», Тей, решила спасти египетскую корону, передав ее самому младшему сыну Аменхотепа III, Тутанхатону. Шел пятнадцатый год амарнского правления. Начиная с этого времени в южном районе Ахетатона – Мару-Атон, где жил еретик Эхнатон со своим соправителем Сменхкаром, предположительно сыном Аменхотепа III и Ситамун или одной из его вторых жен, сложилась странная ситуация. Эхнатон выдал за молодого человека свою старшую дочь, Меритатон, и нарек новобрачных одним из двух имен царицы Нефертити: Нефернеферуатон. Он также приказал повсюду изображать Меритатон, а не свою жену Нефертити. Теперь он особенно чурался магии, и изразцы его южного дворца украшают кусты с яркими цветами, над которыми кружат дикие утки (им больше не угрожали бумеранги, поскольку они отныне не считались воплощением демонов), и резвые телята паслись на фоне буйной растительности.

Нефертити удалилась в северный конец города, где возле караульни располагался ее дворец «Замок Атона», или Хат-Атон. Это был роскошный ансамбль, каждое строение которого, вплоть до птичника, было украшено самыми прекрасными «натуралистическими» фресками, из всех когда-либо обнаруженных в египетских развалинах; на этих изящных картинках дикие голуби мирно сидят в зарослях папируса и зимородки ныряют в воду. Очевидно, в этом дворце жили и три дочери Нефертити; старшая, Меритатон, была замужем за соправителем Эхнатона Сменхкаром. Сам царь настолько подпал под влияние собственных мистических построений, что, лишившись Нефертити, своей женской половины, чья знаменитая тиара так замечательно гармонировала с красной короной Севера, повелел изображать себя на стелах в компании своего соправителя и сводного брата (или брата); подобная двусмысленная подмена иногда рассматривается как доказательство того, что между ними существовала такая же скандальная связь, как между Адрианом и Антонием. Фактически же Эхнатон просто дошел до крайности в своем стремлении воплотить собственный идеальный принцип, согласно которому вечное начало жизни нисходит от Шара к паре, которая сама по себе служит залогом вечного всесилия Шара.

Третья дочь царицы, Анхесенпаатон, выданная замуж за родного отца, когда ей было одиннадцать лет, к шестнадцатому году его правления родила принцессу Анхесенпаатон Ташери, в честь которой на левом берегу реки, около Гермополя, немедленно было сооружено «Опахало Ра». Эхнатон, таким образом, сделал свою дочь будущей потенциальной правительницей Египта.

Осознал ли царь, в конце концов, насколько непримиримая позиция, занимаемая им в последние несколько лет, ускорила его падение? Формальное введение Сменхкара в должность, вероятно, происходило не в Фивах, а в Ахетатоне, поскольку коронационный зал к югу от большого дворца Эхнатона был сооружен специально для этого случая. Соправитель получил новое имя – Анхепруре. Не тогда ли старший царь отправил его в поездку по стране, чтобы попытаться хоть как-то восстановить свою утраченную отчасти власть? Доказательств, подтверждающих эту точку зрения, мало, кроме того факта, что в Мемфисе Сменхкар воздвиг храм в честь бога Атона.

Весьма немногочисленные документы, в которых упоминается имя Сменхкара, не дают почти никаких сведений об амарнском семействе. Остается только предположить, основываясь на винных кувшинах с его именем, что Сменхкар первую часть своего трехлетнего совместного правления провел в северном дворце. К тому времени разрыв с царицей Нефертити был еще неполным, и некоторые исследователи говорят, что она скрыла свою неприязнь к новому соправителю и попыталась убедить его отправиться в Фивы, где подготавливалось его убийство. Однако это только предположения.

Несомненно, однако, что два соправителя Тель-эль-Амарны пытались упрочить отношения с Фивами. Была ли это отчаянная попытка примирения с духовенством династического бога? Или же Сменхкар старался таким образом сделать свои права на трон более весомыми по сравнению с притязаниями Тутанхатона? В любом случае некое примирение с Фивами было достигнуто, о чем свидетельствует существование храма (возможно, заупокойного), воздвигнутого в честь Сменхкара, о котором говорится в надписи на фиванской гробнице Пере, датированной третьим годом правления Сменхкара, и ссылки на молитвы, обращенные к Амону, в этом храме. Скульптурная группа, изображающая Сменхкара и Меритатон, фрагмент которой находится в Лувре, по всей видимости, относится к данному периоду. На голове правителя хорошо сохранившийся «немеет», «головной убор Осириса», который исключает возможность того, что подобное изображение предназначалось для еретического

города.

Однако временное пребывание Сменхкара в Фивах (если оно и имело место) не помешало ему поклоняться Атону, ибо он сохранил титул Нефернеферуатон, «единственный возлюбленный Ра», который, как мы знаем, прежде был закреплен за самой царицей Нефертити.

Сегодня трудно сказать, где умер Сменхкар, в Фивах или в Тель-эль-Амарне. Однако псевдогробницу царицы Тии (№ 55 в Долине царей) можно счесть временной и наспех сооруженной гробницей молодого царя. В любом случае она содержала, среди прочих царских реликвий, погребальный инвентарь из заупокойного храма Сменхкара, который затем был оттуда украден и использован при погребении Тутанхамона. На небольшом золотом саркофаге, содержащем внутренности Тутанхамона, видны следы имени Сменхкара. Кто может объяснить, почему полосы золота, опоясывающие гроб Тутанхамона, были также изъяты из погребальных принадлежностей Сменхкара? Можно себе представить, что для погребения Тутанхамона были использованы украденные погребальные украшения, но зачем кому-то понадобилось брать столь интимные вещи, как саркофаги для мумии и внутренностей, которые молодому царю, обладавшему несметным богатством, совершенно не требовалось похищать у трупа. История не знала более кощунственного деяния! Чем руководствовался «Божественный отец», Эйэ, который нес ответственность за погребение Тутанхамона?

Некоторую ясность в амарнскую проблему могло бы внести решение загадки этой гробницы, которая, как первоначально предполагалось, принадлежала царице Тии. Одна из главных трудностей, связанных с ней, – это проблема идентификации мумии.

Теодор Дэвис, богатый археолог, который открыл гробницу в 1907 г., не сумел описать свои находки с необходимой научной точностью. В то время изображение царицы Тии и ее сына на золоченой деревянной панели, обнаруженной в гробнице, и предварительные исследования, якобы указавшие на женский таз мумии, навели ученых на мысль, что это тело царицы Тии. Позднее, когда специалист по египетским мумиям Эллиот Смит идентифицировал кости как принадлежащие мужчине с признаками водянки головного мозга, возраст которого не превышал двадцати пяти лет, первое предположение было опровергнуто. В 1933 г. д-р Дерри повторно осмотрел скелет, который после заключения, вынесенного Эллиотом Смитом, стали считать скелетом Эхнатона. Дерри не обнаружил признаков

водянки головного мозга, зато указал, что череп относится к тому же типу, что и череп Тутанхамона, и принадлежит мужчине не старше двадцати трех лет. Этот вывод подтверждал мнение ряда археологов, что мумия принадлежит Сменхкару, брату Тутанхамона. С 1947 г. их точка зрения опять оспаривается, и новые аргументы выдвигаются в пользу того, что это все-таки мумия Эхнатона. К единому мнению исследователи по-прежнему не пришли.

Один факт, однако, не вызывает сомнений: собственно саркофаг принадлежал знатной даме, возможно принцессе, но не царице. Не исключено, что он предназначался для принцессы Меритатон, старшей дочери Эхнатона, до того, как она вышла замуж за Сменхкара. Подобным образом канопы, используемые для царя, первоначально также предназначались для принцессы: змея фараона определенно была добавлена на надбровье его головного убора. Саркофаги также были приспособлены для нового владельца, царя еретического периода. Но кого именно? Надписи и беспорядочное содержимое гробницы не дают нам четких указаний на то, кто занимал ее последним.

Возвращаясь к мумии, следует отметить, что очень широкий, и очевидно женский, таз послужил аргументом в пользу идентификации мумии как принадлежащей Эхнатону. На память невольно приходят знаменитые статуи, представляющие царя-еретика в образе Осириса, воздвигнутые им в начале правления, где очень четко прослеживаются эти женские характеристики. Но достаточно ли этого? Подобный аргумент можно привести и в пользу принадлежности мумии Сменхкару. Исследователи обратили внимание на еще одну особенность: положение рук мумии указывает на царственную особу женского пола: левая рука согнута на груди, а правая лежит вдоль туловища. Все это, конечно, заставляет вспомнить о скандальных домыслах в отношении Сменхкара, приведших в замешательство египтологов. Я полагаю, что эта позиция служит наглядным выражением усилий Эхнатона, пытавшегося передать Сменхкару мистическую роль Нефертити как «половины» царской четы. Не таким уж невозможным кажется предположение, что руки молодого соправителя на смертном одре были расположены таким образом, чтобы увековечить символическую роль, которую Эхнатон, в своей мистической глупости, ему навязывал.

Смерть Сменхкара последовала сразу же за кончиной Эхнатона, вероятно, самое раннее на семнадцатом году правления последнего, хотя отдельные авторы называют восемнадцатый или даже двадцать первый год. Все эти даты сомнительны, равно как и возраст, в котором он умер. Одни

исследователи утверждают, что Эхнатону в то время исполнилось сорок семь лет, но те, кто считает, что мумия в гробнице под № 55 принадлежит царю-еретику, соглашаются с новейшими медицинскими данными, показывающими, что ему было лет двадцать пять – двадцать шесть! В соответствии с данной гипотезой, как мы упоминали выше, Эхнатон должен был приняться за осуществление своей реформы в возрасте девяти лет!

Молодой соправитель мог быть похоронен в некрополе южного города, но там, где Дэвис наткнулся на мумию. С другой стороны, до сих пор никто не знает, где умер еретик. На фрагментах его большого саркофага, обнаруженных в гробнице, которую он возводил для себя в царском некрополе Ахетатона, по четырем углам изображена царица, а не четыре богини – хранительницы Египта, и четыре стенки саркофага украшены горельефом Шара, рассеивающего свои лучи. Если верить клятве царя, ничто, даже смерть, не заставило бы его покинуть родной город, и единственная гробница, приготовленная для него, находилась в Тель-эль-Амарне. В каком-нибудь другом месте, следовательно, его могли похоронить только в сооруженной наспех гробнице. Из-за отсутствия доказательств невозможно прийти к окончательному заключению, но нельзя не задаться вопросом: откуда берутся ушабти Эхнатона, которые появляются периодически на рынке в течение последних нескольких лет?

Следовательно, фараоны Амарны оба умерли в один и тот же год. Царицу-мать, Тии, должны были похоронить с большой помпой в Долине царей, и ее мумия, вероятно, лежит в погребальной камере, выстроенной для нее Аменхотепом III в его собственной гробнице; скорее всего, могилу разграбили, и ее содержимое частично перекочевало в гробницу под № 55 в Фивах.

Остается самая знаменитая из цариц – Нефертити, и о ней мы знаем меньше всего. Дату ее смерти нельзя назвать более-менее точно, и мы не можем судить с уверенностью ни об одном из событий ее жизни, исключая ее развод с царем и переезд в северную часть города. Известно, что ей принадлежал дворец, в надписях которого часто упоминается имя Тутанхамона; установлено, что Тутанхамон находился при ней в течение нескольких лет и был с ней, когда женился на ее третьей дочери, Анхесенпаатон, своей племяннице и также невестке, которая была примерно на два года старше его. Годом раньше она родила дочь от родного отца, за которого вышла замуж в одиннадцать лет.

На стороне Нефертити стояли «Божественный отец», Эйэ, ее предполагаемый отец, и ее «кормилица», Тей. Их главная задача состояла в том, чтобы возвести на трон прямого наследника и тем

самым избавить Египет от религиозных войн или кровавых репрессий против поклонников Атона после смерти еретика. Перед смертью неистовый мистицизм Аменхотепа IV перешел в помешательство, и он расправлялся с изваяниями богов и их жрецами, отчего его стали называть не иначе как «великий подлец».

Последний из оставшихся в живых сыновей Аменхотепа III, Тутанхатон, по-видимому, жил в южном городе, и его право на трон не подвергалось сомнению. Возведя на трон столь юного правителя, жрецы Амона смогли бы восстановить былое могущество, и с момента смерти старого царя они рассматривали Тутанхатона как нового сына солнца, несмотря на присутствие Эхнатона в Тель-эль-Амарне. Подобную позицию занимали многие, и даже некоторые чужеземные правители предпочитали вести переписку с Тии, его матерью, которая жила при его дворе, а не сноситься с еретиком.

Тутанхатон, таким образом, стал пешкой в большой игре, затеянной «Божественным отцом», Эйэ. После погребения последнего еретического владыки стало очевидно, что новый царь будет коронован в Фивах, где ему предоставлено право воссесть на троне Гора, поскольку он выполнил окончательный завет своего отца, Осириса, и обеспечил себе бессмертие, пройдя через ритуал «открытия уст и очей».

Мудрый царский писец, Эйэ, вероятно, давно предвидел эту ситуацию и строил соответствующим образом свои планы. Жрецы Амона уже не могли пользоваться безраздельной властью без поддержки армии, которая исполняла важную роль, охраняя границы Египта и обеспечивая прохождение торговых караванов по всему восточному миру. Пост начальника колесничих (элитных войск того времени) давал Эйэ огромную власть над военными, и не приходится сомневаться, что он вступил в молчаливый сговор с военачальником Хоремхебом, официальным защитником владений Египта в Азии. Эйэ, утвердив на троне «своего» принца, получил, таким образом, возможность отстаивать интересы последних и наиболее дальновидных союзников амарнской семьи.

Чтобы придать фараону девяти лет хотя бы видимость мужественности, которая требовалась от «Быка Египта», мальчика женили на принцессе, божественное происхождение которой было должным образом подтверждено ее недавним браком с родным отцом. Выдав Анхесенпаатон за Тутанхатона, Фивы готовились к коронации своего нового царя.

Глава 6
ФИВЫ. НЕБХЕПРУРЕ – ТУТАНХАМОН, КОТОРЫЙ «ПРОВОДИЛ СВОИ ДНИ, СОЗДАВАЯ ИЗОБРАЖЕНИЯ БОГОВ»

1352–1343 гг. до н. э.

Поскольку коронация Тутанхатона имела столь важное значение для официального восстановления главенства Амона, несомненно, двор переехал в Мемфис, где он располагался в прошлом. В самом деле, во время правления его отца, до разрыва и переноса столицы в Ахетатон, Аменхотеп IV также был коронован («принял короны») в Карнаке, этом Гелиополе Юга.

Наверное, после ритуального пира и предварительного очищения девятилетний мальчик стоял у пилонов большого храма Карнака, выстроенного его отцом Аменхотепом III. С непокрытой головой, обнаженный по пояс и босой, он был одет только в набедренную повязку. Его сопровождали высшие сановники, главными из которых были старший писец армии, Хоремхеб, и «Божественный отец», Эйэ, начальник колесничих. В течение нескольких дней, до начала торжественной церемонии, архитекторы, управляющие и бесчисленные рабочие не покладая рук ремонтировали и восстанавливали храмы, пострадавшие в ходе преследований, начавшихся после смерти Аменхотепа III, но времени оставалось слишком мало, и многие из окованных медью деревянных ворот с золотыми ручками, пострадавших от огня, еще не были восстановлены.

Процессия остановилась у первого пилона (в настоящее время третий), и только старшие придворные прошли следом за принцем в первый двор, где стояли обелиски его предков, Тутмоса I и Тутмоса III. Жрецы в масках богов вышли, чтобы приветствовать Тутанхатона; один из них, Гор горизонта, в маске сокола взял принца за руку и подвел к молельне, построенной Тутмосом I перед воротами второго (в настоящее время четвертого) пилона. Начиная с правления Сенусертов этот проход с воротами служил главным входом в храм, известный как Ипетесут, и на их арке, где раньше стояла статуя Тутмоса I под разукрашенным двойным навесом седа (праздник), Тутанхамон

мог прочесть надпись, говорившую о том, что большие ворота, вырубленные из красивого белого известняка, в высоту достигают 20 локтей.

Поддерживаемый за вторую руку другим жрецом, представляющим бога Атума, Тутанхатон прошел первый коронационный обряд, в соответствии с которым он вступал в зал храма, где его тело претерпевало первое превращение, и ведшие его жрецы передавали его другим жрецам для «очищения». Будущий фараон затем входил в мелкий бассейн, на низких бортиках которого в четырех определенных точках стояли четыре жреца, олицетворявшие четыре стороны света сообразно древней литургии Гелиополя. На их лицах были соответственно маски Тота – с клювом ибиса, Сета – с торчащими прямоугольными ушами, Гора Бехдетского – с клювом коршуна, и еще одного бога-сокола, Дунави. Они «крестили» принца, окропляя его тело из четырех высоких золотых кувшинов. Святая вода, вытекавшая из сосудов и несшая с собой божественную жизнь (выражаемую иероглифами в виде креста с изгибом и скипетра, увенчанного головой собаки), изменяла сущность сына царей, который затем уже мог предстать перед богами.

Потом его вводили в специальное отделение храма, предназначавшееся для коронационных обрядов; оно называлось «дом царя» и располагалось между вторым и третьим (в настоящее время четвертым и пятым) пилонами в зале торжеств, где находились два покрытых электроном обелиска, воздвигнутые царицей Хатшепсут. Здесь стояли в два ряда колонны в форме стеблей папируса, и его стены частично скрывали «колоссы Осириса», датируемые временем правления Тутмоса III и Тутмоса IV. Важная роль в коронации, которая происходила в этом месте, отводилась двум главным павильонам (или молельням), занимавшим значительную часть зала, напоминавшим два древних храма Египта: «дом огня» (Пернесер), архаичное северное святилище, и «большой дом» (Первер), древний храм юга. В первом находились жрецы, изображавшие высшие божества – Нехбет, Бату, Нейт, Исиду, Нефтиду, Гора, Сета и остальных, входивших в Великую Эннеаду. Кульминацией действа был момент, когда принц вступал в южную молельню, где дочь Амона, богиня-змея, «великая в магии», ждала его, расправив свой капюшон королевской кобры: она бросалась к нему, «обвивала его», как говорится в ритуальной формуле, сворачивалась на его голове и поднимала голову надо лбом будущего правителя Египта. Принц, который в течение нескольких лет проходил посвящение, дававшее ему возможность понимать язык змей, таким образом, официально признавался наследником трона,

когда невидимая рука Амона направляла свою дочь к лику правителя.

Затем к принцу приближался жрец Инмутеф («опора матери», воспоминание о той помощи, которую Гор оказал родной матери Исиде), облаченный в шкуру леопарда; его волосы были заплетены в косу, уложенную на одну сторону головы и заканчивавшуюся большим локоном. С помощью других жрецов он водружал на голову избранника Амона одну за другой несколько корон, передавая тем самым ему все полномочия и обязанности фараона: белая митра и красная скуфья в форме ступки, которые, соединившись, образовывали третий головной убор, известный как «две силы, составляющие единое целое», или Пасехемти, у греков называвшийся пшент, атеф – корона Ра, сесед – головная повязка, голубая кожаная корона, или хепреш, корона ибес, диадема из двух плюмажей и различные головные уборы изо льна. Эти священные предметы, старинные знаки царской власти, хранились в храме и в конечном счете возвращались в него: только налобная повязка могла украшать голову сына бога, когда он умирал, приходя на зов своего отца. Вот почему ни корон, ни царских головных уборов не было обнаружено в гробнице молодого царя. Возможно, исключение было сделано для «короны верховной власти», символизирующей власть сына бога над царством земным: голубого кожаного шлема или короны, хепреш. Возможно, она находилась в гробнице в сундуке для головных уборов и ее украли воры. Когда царь покидал молельню, на его голове был хепреш, на поясе болтался хвост (жирафа?), который он впредь будет носить как предводитель диких племен, а на подошвах сандалий были изображены девять покоренных врагов.

Теперь ему предстояло пройти основную церемонию вступления на трон, миновав третий (в настоящее время пятый) пилон. На пути к четвертому (в настоящее время шестому) пилону, воздвигнутому Тутмосом III, Тутанхамону пришлось повернуть направо и в сопровождении жрецов войти в боковую молельню, расположенную к югу от большого вестибюля перед четвертым (в настоящее время шестым) пилоном. Его подвели к саркофагу, высеченному из цельного куска розового гранита на известковом постаменте, по сторонам которого с востока и запада стояли «колоссы Осириса». В загадочном полумраке усыпальницы, сооруженной в честь воинственного царя Тутмоса III и названной «Менхепруре-которая-принимает-корону», Амон подтверждает, что отныне Небхепруре носит на голове корону, хепреш, которая дает ему власть над всеми владениями солнца. Маленький царь, опустившись на колени и повернувшись спиной

к правителю Фив, ощущает на своей шее прикосновение руки Амона.

Во время долгой магически-религиозной церемонии он получает свое «великое имя», состоящее из пяти «титулов», выбираемых писцами Дома жизни, – эпитеты, дополняющие эти титулы, были разными у разных фараонов, но их основные элементы оставались незыблемыми. Первый описывал нового царя как ипостась Гора, земного воплощения бога, далее, для выражения его двойственной сущности, использовался образ двух богинь – покровительниц Египта, коршуна и кобры, чьи бесконечные и повторяющиеся возрождения были залогом вечности. Третье имя было именем Золотого Гора, символом добра и вечной жизни, побеждающих зло и разрушение. Затем шло имя, данное при коронации, которому всегда предшествовал титул «владыка Юга и Севера» (Несут-Бит). Будучи земным воплощением бога, изливающего свой свет в мир живущих, фараон должен был в первую очередь олицетворять жизненную силу и деятельное начало. Он был «единственным для Юга» и «единственным для Севера» вовсе не потому, что вследствие политических противоборств вожди Верхнего Египта некогда создали единое царство, а потому, что его имена имели космическое и религиозное значение. Тутанхатон в день своей коронации, следовательно, становился царем Юга и Севера, Небхепруре («владыкой превращения является Ра»). Пятое имя царя – солярное имя – было дано ему при рождении, когда царица Тии нарекала его Тутанхатоном; в перечне ему предшествовал титул Сын Солнца.

После того как Амон признал своего сына, жрецы просили бога даровать новому правителю вечный праздник Ра и успех во всех его земных делах.

Шествуя впереди всех, царь покидал святилище, и аура, Скрытый Ветер Амона, овевала его; на его голове красовался хепреш, царский головной убор, который он будет отныне надевать во всех случаях. Он получил его от бога и в знак столь важного события установил статую в храме (ее фрагменты находятся в музее «Метрополитен»). Но в его гробнице, между золотыми усыпальницами, напоминающими о дне коронации, были также положены два посоха из золота и серебра. Эти металлы, символизирующие плоть и кость, день и ночь, были призваны увековечить образ девятилетнего царя с хепрешем, который давал ему власть над «всем, что подвластно солнечному шару». Принц, наделенный такой властью, теперь мог вернуться в святилище и провести свой первый религиозный обряд. Отныне он мог явиться как царь перед всеми своими подданными, и

жрецы в масках провели еще одну, на сей раз публичную коронацию. Новый фараон воссел на старинном троне, и на его голову еще раз водрузили две короны Юга и Севера. Он следил за тем, чтобы жрецы, олицетворявшие стороны света или души Нила, привязывали лилии и папирус, растения Двух царств, к символической колонне во время церемонии Сма-Тави, после чего царь имитировал древний обряд обегания вокруг мемфисского храма, символизировавшего владение бога. Накануне коронации или в конце празднеств будущие цари, по заведенному обычаю, демонстрировали охотничьи навыки – укрощали необъезженных лошадей, травили собаками диких быков или вступали в схватку со львами, которые не могли оказать им сопротивления, поскольку цари сами были воплощениями львов. Подобные подвиги были не под силу ребенку, и при коронации Тутанхамона от подобных представлений пришлось отказаться, хотя незабываемые деяния его прославленного предка, Аменхотепа II, чьи стрелы точно попадали в медные мишени и который укротил льва, превратившегося перед ним в ягненка, запечатлены на парадном щите, найденном в гробнице Тутанхамона; вероятно, эти деяния юный царь как-то имитировал во дворе храма.

Царь держал два скипетра великого Осириса, крюк, или хека, – знак царской власти над Югом и цеп, или нехех, – знак власти над Севером; в его гробнице были обнаружены два набора скипетров, меньший из которых был удобен для руки ребенка, и на нем стоит имя Атона. Амон короновал царя в Фивах, однако новый правитель не отказался от поклонения Шару. Во время правления Тутанхамона имя Атона и имя фиванского бога можно было видеть рядом, очевидно в гармоничном единении, на троне царя, а также на его далматике и скипетре.

Не снимая с головы хепреш, через посредство которого он являл свое божественное присутствие, царь возвращался в центральный проход храма и вступал в святилище солнечной ладьи, перед которым, подобно цветам, произрастающим из земли, вздымались две колонны Тутмоса III. Миновав зал подношений, монарх попадал в святая святых. Для «спокойного созерцания, наконец, божественного лика» он пересекал огромный пиршественный зал и останавливался перед «вратами неба», или «вратами горизонта Амона». Именно здесь впервые он участвовал в религиозной церемонии.

После формального введения в должность фараон выходил во двор при храме, где росло священное фруктовое дерево (подобное росшему в Гелиополе), на чудесном плоде которого бог Тот с головой ибиса напишет его коронационное имя, сулящее владыке мира бесчисленные праздники и юбилеи.

Обретя, таким образом, всю полноту власти, царь Юга и Севера покидал храм, еще раз проходя мимо большого пилона Аменхотепа III. До возвращения в свой дворец в Малькате ему еще предстояло появиться перед народом на покрытой электроном колеснице, на бортах которой уже были высечены божественные титулы, которые он только что получил. Колесницу украшали переплетающиеся растения – символы юга и севера. На ней, в окружении азиатских фрагментов, были изображены вассалы Египта, стоящие на коленях и связанные между собой; мастера тем самым хотели оградить ребенка-царя от напастей и обеспечить стране мир. Впереди располагался позолоченный сокол, на голове которого покоился громадный солнечный диск с рельефным изображением коронационного имени царя.

Затем царь отправился на юг, мимо многочисленных деревень в сторону могущественной столицы, расположенной на правом берегу Нила, верховного города. Вероятно, самого важного из всех городов того времени. Процессия остановилась в храме Ипетрисет, современном Луксоре, едва пробившись через толпу народа, успевшего насытиться закусками и винами, выставленными с раннего утра, и теперь распевавшего песни в честь нового правителя, который вернет Фивам их былое процветание. По случаю коронации объявили амнистию, религиозные разногласия были на время забыты, и многие преступники вышли из тюрьмы – Фивы не видели ничего подобного в течение семнадцати лет.

Прибыв в Малькату, Тутанхатон с юной женой стали готовиться к возвращению в Ахетатон, где их с нетерпением ждала Нефертити, желавшая узнать от «Божественного отца», Эйэ, насколько успешными были их официальные контакты со жрецами Амона. В это время Эйэ и Хоремхеб приказали установить во владениях Амона скульптурную группу из черного гранита, которая увековечила бы право Тутанхатона на трон своих предков, которое Амон только что жаловал ему, и в мастерских Карнака начали высекать огромную статую Амона (хранящуюся в настоящее время в Лувре), головной убор которого напоминал современный мотоциклетный шлем с двумя высокими плюмажами и семью ритуальными секциями. Бог держал за плечи стоящего перед ним Тутанхатона, облаченного в шкуру леопарда, в которой он присутствовал на царском погребении. Статуя являла собой неоспоримое доказательство законного права Тутанхатона на власть – божественную власть, поскольку она была дарована Амоном. Возможно, одеяние, обнаруженное в гробнице Тутанхамона, с пришитыми крошечными звездами, похожими на пятна на шкуре животного, к которому прилагалась

деревянная голова гепарда, как раз было на нем, когда он, еще совсем ребенком, исполнял обязанности последнего наследника царской семьи на похоронах предшественника. Его двоюродный дедушка, Аанен, надевал подобное одеяние (его можно увидеть на статуе в Турине) во время погребения Туи и Юйи в Долине царей.

Эйэ, как наставник Тутанхатона, сопровождал его в Ахетатон, вскоре стал визирем, что давало ему право говорить и действовать от имени юного царя. Поскольку Тутанхамон вернулся к ортодоксальному культу Амона, Хоремхеб перенес свою постоянную резиденцию в Фивы, которыми он, очевидно, управлял как царский наместник. Он сделал карьеру в армии скорее благодаря дипломатии и проницательности, чем боевым подвигам. В своей коронационной надписи он ссылается на права, которыми наделил его сам царь (вероятно, он имеет в виду предшественника Тутанхатона), и ту роль, которую он играл при дворе, когда возобладал раздор (или безумие?). «Ему достаточно было открыть рот и ответить царю, чтобы успокоить его своей речью». Не есть ли это намек на последние годы жизни Эхнатона и его мистическое безумие, в которое он, по всей видимости, впал? Далее мы узнаем, что Хоремхеб исполнял обязанности вице-регента Двух царств в течение многих лет и располагал такой неограниченной властью, что все египтологи, не колеблясь, причисляют его к диктаторам.

Нам трудно даже представить жизнь маленького хрупкого мальчика, которому в возрасте девяти лет пришлось взвалить на себя такую тяжелую ношу. Его привезли в город-сад, где его ожидала юная царица, окруженная цветами и романтическим, почти нездоровым, очарованием жившего в полной изоляции двора, при котором было запрещено даже упоминать имя его умершего создателя, чья ересь отныне повсеместно порицалась. Как относился ребенок к Амону и Атону? О чем он размышлял, когда после пышной коронации и подобострастных речей фиванских жрецов, после торжественных и грандиозных храмов Карнака входил в почти заброшенные храмы и святилища Атона? Учение, которое порицалось несколько лет назад, теперь своей властью превратило его в живого бога.

И хотя, по крайней мере в Тель-эль-Амарне, в первые годы царствования он сохранял свое имя Тутанхатон, для всех он был уже Тутанхамоном, ибо так нарекли его при восхождении на престол в большом храме Амона. В еретическом городе, где остались следы его присутствия в виде принадлежавших ему предметов и надписей с его именем, можно найти доказательства того, что он приносил жертвы или молился целому пантеону

богов: Исида, Атум и бог Сет особенно почитались; Амон и Мут получали подношения из цветов (эта стела в настоящее время находится в Берлинском музее). Вне всякого сомнения, Тутанхамон жил какое-то время в Ахетатоне, но никакого дворца, носящего его имя, там до сих пор не нашли. Он мог жить во дворце жены, Анхесенпаатон, или в одном из больших поместий, посвященных его царственным предкам, например Тутмосу I, который принял коронационное имя Аахеперкаре. Вероятно, упоминание в Тель-эль-Амарне относится к этому дворцу, а не к поместью в Мемфисе с тем же названием. Молодому царю важно было также упрочить свою власть в Фивах, а потом уже переезжать в Мемфис, любимый город Хоремхеба, где тот, находясь еще в должности военачальника, воздвиг собственную гробницу.

В надписи на высокой кварцитовой стеле (хранящейся в Каирском музее), предназначавшейся для большого колонного зала в Карнаке (копия которой была также воздвигнута в храме Аменхотепа III, к северу от большого храма), упоминается название царского дворца в Тель-эль-Амарне, в котором Тутанхамон жил в тот период, когда по настоянию приближенных занялся восстановлением храмов, прежнего культа и позиции жречества во всем Египте. Программа была грандиозной и в самом деле достойной царя; ее содержание определил Хоремхеб, который составил ее текст. На стеле, в ее полукруглой части, имеются два изображения молодого царя, совершающего приношения и возлияния божественной чете Карнака, Амону и Мут. В надписи, повествующей о его собственной коронации, Хоремхеб объявляет себя автором данного плана, и позже, узурпировав стелу юного царя и заменив имена предшественников своим, он тем самым всего лишь вернет себе заслуженную славу.

Хоремхеб, говоря от имени молодого царя, объявляет, что после коронации, с радостью принятой страной, он поселился в своем дворце, расположенном во владениях Тутмоса I, в Тель-эль-Амарне, и взялся за работу. Он покончит со злом на земле и заставит «вновь цвести» руины, превратив их снова в «монументы вечности». Задача эта была чрезвычайно трудной, поскольку не уцелел ни один храм на всей территории от Элефан-тины до границ дельты Нила. Гробницы пришли в запустение, памятники поросли сорняками; святилища и залы использовались как место для прогулок. Страна находилась в жалком состоянии, ибо боги от нее отвернулись: когда армия отправилась в Джахи (местное название Сирии) «для расширения границ Египта», она потерпела позорное поражение, и божества оставались глухи ко всем

мольбам.

Положение было отчаянным. «Размышляя в своем сердце», что могло бы обрадовать отца, Амона, юный фараон решает воздвигнуть в его честь «царственное изваяние из чистого золота», инкрустированное лазуритом и редкими и драгоценными камнями, самое большое за всю историю, ибо для его доставки потребовалось бы «тринадцать носилок», а прежде их никогда не требовалось больше одиннадцати. Он также собирался соорудить статую меньших размеров в честь бога Птаха, покровителя Мемфиса, которая уместилась бы на одиннадцати носилках. Кроме того, было принято решение перестроить святилища, возведя постаменты для приношений. Этим планы царя не ограничивались: ему предстояло возродить жречество, призвав для этих целей самых благородных людей страны.

> «Он приглашал на роль жрецов и пророков отпрысков знатных родов из многих городов, сыновей всех выдающихся и прославленных людей, после этого он одаривал храм сокровищами и присылал рабов, мужчин и женщин».

Затем он обратил внимание на баржи богов, которые надлежало восстановить, используя высококачественное кедровое дерево, и торжественно обещал покрыть их золотом, чтобы они вновь засияли на реке. Для этого потребовалась дополнительная рабочая сила, и мужчины и женщины, включая певцов, которым платили из царской казны. Все это осуществлялось во славу богов и богинь Египта, благосклонность которых царь завоевал, ибо его деяния оказались им угодны. Начиналась эра процветания. Боги воздали Тутанхамону сторицей, и «Амон возлюбил больше сына родного Небхепруре, правителя Карнака, Тутанхамона, ублажавшего всех богов».

Огромный масштаб задуманных и проведенных мероприятий указывает на решимость Хоремхеба восстановить порядок и вернуть жречеству их былое могущество. Как только традиционная религиозная система снова заработала, жизнь в стране вошла в привычное русло. Молодому царю – в то время ему, вероятно, было около двенадцати лет – было нецелесообразно оставаться в городе Шара, вдали от кипящей деятельности и династических святилищ. Никто не собирался преследовать Атона: от царя ожидали, что он отведет ему ту, вполне безопасную роль второразрядного божества, которую тот исполнял до появления ереси. Но для этого Тутанхатону определенно требовалось покинуть эфемерную столицу. Хотя на

некоторых предметах царской мебели, как, например, на троне его юности, имя фараона пишется как Тутанхамон, среди изображений, высеченных на спинке трона, главное место занимает еретический Шар с крошечными руками на концах каждого из лучей. Имя утвердилось окончательно к четвертому году правления, с этого времени юного правителя называют не иначе как Тутанхамон, чтобы Фивы видели в нем верного сына верховного божества. В конце четвертого года правления, после смерти Нефертити, царь в сопровождении молодой жены (отсюда ее имя Анхесенамон) покинул Ахетатон и, вероятно, уже никогда не возвращался в еретический город. На царские баржи была погружена большая часть прекрасной мебели в амарнском стиле, подлинного отражения поэтического великолепия города – мечты Эхнатона. Некоторые предметы, обнаруженные в гробнице Тутанхамона, могли сопровождать его в этом путешествии в Фивы: ящик для парика, складная кровать и, конечно, сундук с двускатной крышкой, далекий предок современного комода, который для удобства переносили на двух шестах, служивших своего рода носилками.

В каком дворце Тутанхамон поселился, точно сказать нельзя, но предположительно он обосновался в Малькате, которая была ему знакома с ранних лет. Как всем египетским монархам, Тутанхамону полагалось иметь официальные резиденции в других городах; легко представить, сколь роскошны были царские дворцы, восстановленные для визитов юного царя, которые организовывал с большой пышностью и церемонностью «Божественный отец», Эйэ. Главная цель подобных визитов заключалась в восстановлении храмов и в поклонении прежним богам, что одновременно подтверждало спасительную и благотворную власть фараона. Мемфис, где во время правления Тутанхамона был похоронен бык Апис; Мединет-Гураб, где он заложил свой камень в храм Тутмоса III; Абидос; Файюм – все эти места посетил юный царь. Хотя Тутанхамон не оставил бога ереси, Атона, и не забывал о его храме в Карнаке, он, однако, по совету Эйэ, возродил традицию своих предков, которые особенно почитали большого сфинкса в Гизе. В то время Египет оказывал гостеприимство многим чужеземным богам; выходцы из Азии, например, поклонялись Хауруну, чье имя вскоре стало ассоциироваться с Хором на небосклоне, Хармахисом некрополя. Из сохранившихся надписей известно, что Тутанхамон и Анхесенамон приносили жертвы этому богу на плато Гизы.

Естественно, новый царь больше всего внимания уделял Фивам. Руины Карнака, разграбленные и разрушенные во время революций, войн, не говоря уже о землетрясениях, еще не

открыли нам всех своих тайн. По некоторым обломкам мы можем судить, что сооружалось от имени Тутанхамона и что было возведено его преемником, Эйэ. Последний так тщательно придерживался первоначального плана, что картуши двух царей, обнаруженные рядом, заставляют даже предположить, что имело место третье совместное правление в конце еретической эпохи.

Здания Тутанхамона возводились быстро, и, как мы знаем, его наставники, не колеблясь, после его смерти приписали все заслуги себе – нередко имена Эйэ и Хоремхеба написаны поверх картушей молодого царя. В Луксоре, хотя надписи Хоремхеба заменили большую часть надписей его предшественников, царственные черты лица сына Тии, несомненно, угадываются на двух стенах знаменитой куполообразной колоннады, сооружение которой начал Аменхотеп III.

Дары Тутанхамона фиванскому храму дают нам более интересные сведения. Возможно, юный правитель сам лично пожелал воздать должное богу, которого, как его учили, следовало почитать больше остальных. В результате он преподнес храму прекрасную каменную статую пирующего Амона. Каждый год в месяц паофи, второй месяц разлива Нила, столица в течение одиннадцати дней отмечала праздник Опет. Ипет (Опет) – рисет именовался храм в Луксоре, который в настоящее время некоторые исследователи считают гаремом бога, хотя такая интерпретация представляется спорной. Ипет (Опет) – есут назывался храм в Карнаке. Так или иначе, именно к этому храму Амон и его супруга Мут, сопровождаемые богом Хонсу, шествовали во время своего «торжественного явления», и собравшиеся толпы народа могли лицезреть триаду великих богов. После возвращения царской семьи в Фивы праздник Опет отмечался с особой пышностью, и величественный спектакль, разыгрывавшийся на берегах Нила и в окрестностях храмов, настолько потряс Тутанхамона, что он повелел запечатлеть все его основные этапы на стенах.

На западной стене было изображено торжественное шествие с севера на юг, из Карнака в Луксор, на восточной – возвращение процессии с юга на север. На Ниле собралась целая флотилия, включая царскую ладью, чтобы сопровождать священные баржи фиванских богов. Перед тем как покинуть храм, Тутанхамон сам проводил первые обряды церемонии, окропляя вином цветы и другие приношения и освящая их ладаном. Процессия далее покидала храм под звуки военной музыки, шествуя за жрецами, которые несли на плечах миниатюрные священные ладьи с молельнями, которые затем перегружались на большие речные баржи. Царь направлялся к флагманскому судну и давал сигнал к

отплытию ярко расцвеченных лодок, которые тянули на бечевнике в южном направлении под звуки музыки и веселое пение. На берегах Нила толпились люди, восхищенно аплодировавшие проплывавшей мимо флотилии; повсюду царили радость и веселье, и молодому царю настолько понравились песни прибрежных жителей, что он, по обычаю еретического города, повелел высечь их на стенах храма рядом с красочным описанием великолепного праздника:

На берегу ждет тебя кров,
Его навес простирается в сторону юга;
На берегу ждет тебя кров,
Его навес простирается в сторону севера;
Пейте, матросы фараона,
Возлюбленного Амона,
Восхваленного богами.

Во время плавания из Карнака в Луксор фараон символически брал в руки весло, чтобы показать, что он возлагает на себя полную ответственность за это путешествие от имени своего отца-бога. Когда большая баржа Амона под названием «Восерхет-Амон» прибывала в Луксор, небольшую ладью бога торжественно переносили в храм. Жрецам приходилось пробираться между столов, заваленных подношениями и разной снедью, и лотками разносчиков, обосновавшихся на открытом пространстве вокруг храма. Во время короткой остановки царь засмотрелся на акробаток, танцевавших под звуки систров, кастаньет и вечной дарабукки. Однако ему не удалось предаться этой детской забаве, поскольку процессия двинулась дальше и, войдя в храм, скрылась с глаз толпы. Затем для простых людей начался настоящий праздник с плясками и песнями, звучащими до зари, которые оглашали гулким эхом узкие улочки южного города.

Через одиннадцать дней флотилия отправлялась в обратный путь на север. Тутанхамон возвращался в Луксор, и баржу, несущую бога, на этот раз уже не буксировали. Упитанные быки, желанные подарки нубийской знати, чьи изогнутые рога походили на фантастические украшения, приносились в жертву вблизи храма для того, чтобы течение, набиравшее силу во время разливов Нила, быстро донесло баржу до Карнака. Царь во главе своего войска, в состав которого входили и чужеземные наемники, шел по берегу. На этом торжества заканчивались, но через тысячелетия они эхом отзовутся в европейских карнавалах; более того, и по сей день баржа местного святого, Абу-эль-

Хаггага, отправляется в путь из Карнака в Луксор и обратно.

Не все церемонии, на которых должен был присутствовать царь-подросток, были такими веселыми, но он с сознанием долга исполнял царские обязанности. Сразу после коронации нового фараона попросили выбрать место на левом берегу Фив для своего заупокойного храма, и в тот день, когда жрецы огородили его веревками, он прибыл туда, чтобы совершить церемониальный акт закладки фундамента. Затем Тутанхамон назначил распорядителей своих владений; некоторые из них ранее надзирали за погребальной собственностью его отца, как, например, Восерхет, «счетовод всего добра дома Небмаэтре», который был назначен «первым пророком в доме Небхепруре».

Немногие египетские цари, взошедшие на престол в столь раннем возрасте, успели в течение недолгого времени так много построить. Повсюду в окрестностях Фив были воздвигнуты статуи в честь Амона с чертами лица Тутанхамона. Сам правитель Египта был представлен в окружении богов, и наиболее трогательная из этих скульптурных групп (в настоящее время хранящаяся в Каирском музее) изображает юношу в короне атеф, стоящего между Амоном и Мут, руки которых лежат на его плечах, и молодой царь обнимает их за талии, как бы призывая идти вперед.

В этих изображениях прослеживается полный возврат к прежней догме, и если черты фараона и божеств несут в себе некое меланхолическое изящество, характерное для эстетики того периода, то темы их полностью традиционны. Среди этих официальных статуй нигде не представлена царственная супруга, и только царь появляется в компании богов и божеств. Только в одном случае, в Карнаке, Тутанхамон воздвиг по сторонам от дверей статуи Амона и Амонтет, в которых угадывается осторожная аллюзия с царственной четой.

Тесные узы, связывавшие амарнскую семью с Нубией, во время правления Тутанхамона не ослабли, и храм, основанный Аменхотепом III в Каве, бывшем Гем-Атоне, удостоился внимания юного царя практически сразу после его восшествия на престол. Культ Амона и Атума, бога солнца Гелиополя, ранее исповедовавшийся там, был возрожден. Сам царь (названный обоими своими именами) изображен в момент подношения цветов Амону-Ра после торжеств по случаю восстановления памятников, сооруженных его отцом. Таким образом, Тутанхамон провел в жизнь грандиозный план реставрации святилищ по всему царству, вплоть до Нубии, где он также воздвиг небольшой храм с внутренним двориком и четырьмя колоннами, позднее присвоенный Рам-зесом II. Гем-Атон (или Гемпаатон) имел

собственного правителя, «писца храма в доме Ра», «пашу Гем-Атона», Панахта. Фарас, располагавшийся к югу от Абу-Симбела на восточном берегу Нила, представлял собой еще одно важное сооружение Тутанхамона в Нубии. Этот религиозный центр, должно быть, был тесно связан с храмом в Каве, так как их официальные представители часто наносили друг другу визиты. Особенно запоминающимися были эти посещения тогда, когда подходило время доставить откормленных быков в столицу на праздник Опета. Дети Капа, помня о том, что они были воспитаны при дворе Египта, предпочитали собственноручно отбирать животных для наместника царя. Хаи, «управляющий землями юга» при Тутанхамоне, изобразил себя в качестве участника такой церемонии на одной из стен храма в Каве. Несомненно, это он появляется в Фарасе как первый пророк божественного царя Небхепруре (Тутанхамона).

В том же районе царь воздвиг также святилище во славу Амона-Ра, Атума и Ра Харахти, однако следует заметить, что построенный храм в основном был посвящен ему самому как властителю города. В древности человек, правивший городом, назывался Сехотеп-Нетуре, «тот, кто угождает богам», и эти слова фигурируют в официальных титулах юного царя в виде эпитета одного из пяти его имен. Не было бы ничего удивительного, если бы выяснилось, что нубийские предки Тии происходят из фарасской области. В любом случае при жизни Тутанхамона там было создано его изваяние в образе бога, видимо, в поддержание обычая, установленного его отцом, Аменхотепом III, который приказал воздвигнуть собственное божественное изображение в храме Солеба, далеко на юге.

Фарас был официальной резиденцией наместника Нубии, и среди современников Тутанхамона мы должны упомянуть его наместника по имени Хюи, гробница которого с ее рисунками позволяет нам получить полное представление о том, как осуществлялось управление южными провинциями Египта. Сестра (возможно, жена?) этого старшего чиновника, Темваджиси, по-видимому, играла роль первой дамы в Суданской Нубии того времени, о чем убедительно свидетельствуют ее титулы. Она не только представляла своего брата в храме Фараса, но также исполняла обязанности «смотрительницы гарема» Тутанхамона! По-видимому, эта женщина отбирала красивых нубийских девушек, чтобы они скрашивали жизнь фиванского двора. В удивительных росписях гробницы Хюи нам предстают образы прекрасных принцесс, которых владелец гробницы по поручению сестры должен был сопровождать в столицу метрополии.

Во время XVIII династии территория Нубии, южной

провинции царства, простиралась до Напаты в сегодняшнем Судане и включала в себя две разграниченные области. Первая начиналась вблизи города Иераконполя, южнее Фив, и заканчивалась на уровне второго порога Нила: земля Вават, или Нижняя Нубия. Вторая, Верхняя Нубия, или земля Куш, простиралась до Кароя. У наместника, роль которого еще больше возросла с тех пор, как Нубия стала союзником Египта и по ее землям протянулись торговые пути из Африки к Средиземноморью, были два помощника или заместителя: в ведении каждого из них находилась одна провинция. Из надписей и рисунков в небольшом храме, вырубленном в скалах неподалеку от Анибы, современной столицы Суданской Нубии, мы узнаем имя одного из этих заместителей – Амонмипет. Назначенного наместника в нубийской столице Фарасе встречали старшие чиновники под руководством двух его помощников, которые подносили ему еду и мешочки с золотым песком. С ними находился Солеба, правитель Хеммаета, отвечавший за сохранность большого храма Аменхотепа III; правитель города, в котором новому наместнику предстояло обосноваться, его тезка Хюи; первый пророк храма Тутанхамона, сопровождаемый вторым пророком, Мермосом; жрецы храма и, конечно, начальник гарнизона, Пенно.

Хюи, новый наместник, сын одного из сановников Аменхотепа III и преданный друг молодого царя, хотя намного старше его годами, был потомком старинного и знатного нубийского рода. В начале своей карьеры он служил при Меримосе, наместнике Аменхотепа III в Нубии, в качестве «писца, ответственного за корреспонденцию», так что хорошо знал эту страну. На дипломатическом поприще он еще в самом начале правления Тутанхамона завоевал всеобщее признание в должности «посланника правителя во всех чужих землях», прежде всего благодаря своему умению разбираться в людях. Когда Хюи направили в Нубию, он уже обладал большой властью при дворе, поскольку, помимо того что имел звание «Божественного отца», являлся одним из «опахолоносцев по правую руку царя», «поставщиком Амона в земле Куш» и «управляющим золотыми землями правителя Двух царств». К этому следует добавить ореол славы, который он приобрел, вероятно, во время неудачных сражений в мятежных провинциях Азии в конце еретического правления, когда он получил титул «храброго наездника его величества».

Для введения в должность своего наместника царь установил исключительно сложный церемониал, которым руководил лично, сидя на старинном троне под балдахином в своем дворце. На нем

было парадное царское одеяние свободного покроя из льняной ткани в складку, его голову украшала корона хепреш; в одной руке он держал посох и цеп, в другой – знак жизни. Эти официальные регалии дополнялись длинным хвостом животного и сандалиями. Когда он появился на возвышении большой тронной залы, где проводилась церемония, ввели Хюи, также облаченного в льняные одежды и державшего цеп, служивший атрибутом одной из его многочисленных функций. Хюи сопровождали, низко склонившись, его приближенные. Говоривший от имени царя, «глава казны» приветствовал Хюи следующими словами: «[Область] от Нехена (Иераконполя) до Несут-Тави (Напата) была передана тебе». Хюи отвечал: «Пусть Амон Несут-Тави жалует тебе все, над чем простирается твоя власть, мой верховный повелитель». В это время придворные скандировали: «Ты – сын Амона. О, Небхепруре, пусть он пришлет тебе вождей всех чужих земель с самыми изысканными подарками от своих стран».

После этого вступления и приветственной речи следовало формальное введение в должность Хюи с вручением ему золотого кольца как символа его полномочий. Хотя надпись, поясняющая эту сцену, сильно стерлась, визирь Эйэ, по-видимому, упоминается в ней и, возможно, сам вручает наместнику личную печать.

Затем Хюи покинул дворец вместе с двумя родными сыновьями, один из которых, Песиур, был «смотрителем царского коня». В его руках были букеты цветов, и ему рукоплескали чиновники, рудус, которым предстояло работать под его началом в Нубии. Приближенные Хюи – его служащие и матросы с баржи – громко его приветствовали, махая цветами и ветками, пока провожали его до храма Амона, где он воздавал благодарение богу. Покинув святилище, Хюи отплыл под парусом в Нубию, к месту своего назначения. Его прекрасная ладья стояла уже наготове и мало чем уступала царскому судну. В центре ее находилась просторная кабина, раскрашенная в пастельных тонах, а рядом с ней располагались ящики, в которых уже было собрано все необходимое. Нос и корму украшали изображения четырех ипостасей Гора. На корпусе судна красовалось изображение фараона в виде сфинкса, покоряющего негра. Вся семья Хюи собралась на пристани: два его сына, мать, Венхер и прислуга, под предводительством певчего Амона. Они танцевали, провожая наместника, и, как только были загружены последние подарки и припасы, необходимые для плавания, судно снялось с якоря.

Прибыв в Нубию, Хюи немедленно занялся сбором налогов.

Царская казна сильно оскудела в результате экспериментов царя-еретика, и двор возлагал большие надежды на Хюи, поскольку он прославился своей проницательностью и пользовался авторитетом. От назначения Хюи ждали быстрых положительных результатов. Выбор оказался исключительно правильным: Хюи появлялся повсюду, вселяя в крестьян и рабочих уверенность, организуя экспедиции в копи и наблюдая за разведением скота. Его посланники отправлялись далеко на юг, убеждая охотников отлавливать больше слонов, жирафов и пантер. Он также занимался заготовкой эбенового и красного дерева, которое рубили и отправляли на баржах от одного порога Нила к другому. Новый наместник полностью задействовал все ресурсы Судана и Нубии и, используя власть и влияние нубийской знати, воспитанной при дворе фараона, навел в провинции порядок; при нем в Нубии расцвели искусства и ремесла: золотых дел мастера и краснодеревщики создавали настоящие шедевры. Если в отдаленной деревне вспыхивал мятеж, об этом сразу сообщали Хюи, и «заблудшие овцы» немедленно отправлялись на каторжные работы.

У Хюи были опытные помощники: писец Ха и «учетчик золота» Харнефер; во многом он также полагался на «начальника конюшен» Хати. Вскоре во дворце наместника стали появляться мужчины и изредка женщины, которые приносили золотую дань, иногда в виде колец, а порой в виде золотого песка в маленьких мешочках. Под наблюдением наместника, державшего в руке скипетр, поступления подсчитывались, взвешивались на весах под изображением бога Тота и регистрировались писцами. Вскоре Хюи смог доложить царю, что в ближайшем будущем собирается прибыть в Фивы с богатой данью, собранной на юге. Целая флотилия нагруженных по планширь лодок и барж, плывущая вниз по Нилу, представляла собой исключительно живописное зрелище. С берегов можно было увидеть скот в стойлах, перевязанные веревками тюки с экзотическими товарами и, как нетрудно было предположить, груды золота в особых будках, охраняемых военными. Принцы и принцессы Вавата и Куша сидели под навесами на мостике одного из великолепных судов. На крышах будок расположились мятежники, пыл которых поостыл в заточении, и теперь они, вместе с женами и детьми, плыли в Фивы, чтобы прислуживать в знатных домах.

Тутанхамон с нетерпением ожидал прибытия чудесных подарков, которые обещали привнести в его жизнь нечто новое. Облачившись в одежды, которые были на нем в день коронации, он вновь восседал под балдахином с колоннами в форме цветков лотоса, с которых, по последней моде, свисали стилизованные

виноградные грозди. На карнизах помещались священные змеи с солнечными дисками на головах. Основание трона было покрыто изображениями птиц с человеческими головами, символизирующими покоренных вассалов, подобострастно и восхищенно взирающих на правителя мира. Постамент с балдахином был сооружен во внутреннем дворе главного храма, так как предполагалось, что процессия окажется весьма внушительной и даров будет много. Хюи, держа в руках цеп и посох – символы царской власти над югом и главный атрибут наместничества, – был обязан лично подвести знатных людей Куша к фараону, чтобы они принесли ему свои дары. Но первой должна была пройти депутация Вавата, которую возглавлял принц Миама Хикнефер, «один из детей Капа» и старый школьный товарищ Тутанхамона. Он упал ниц перед царем вместе с двумя другими принцами, на которых также было одеяние вождей Вавата: невыделанные шкуры, свисающие с плеч, с двумя страусиными перьями, воткнутыми в короткую прическу, которую удерживала белая головная повязка. Высокие гости преподнесли фараону прекрасно отделанную мебель, замечательно гармонировавшую с убранством его дворца: складные сиденья из ценных пород древесины с меховыми подушками, кресла, кровати, а также обтянутые шкурами щиты, луки и стрелы. Слуги положили к его ногам золотые кольца и мешки с золотым песком, кубки, украшенные сердоликом, яшму, слоновьи бивни, бумеранги из эбенового дерева, а под конец ввезли покрытую золотом колесницу. Кроме того, Тутанхамону подарили золотой реликварий и шедевр нубийского ремесла – своеобразную подставку, на верху которой помещался золотой поднос с изображением типичного пейзажа Вавата; в центре помещалась пирамидальная хижина в окружении охотничьих трофеев, фоном служили финиковые пальмы, два жирафа, лакомящиеся плодами, и фигурки нубийцев. Из-под подноса свисали шкуры животных и прямоугольные панели, декорированные золотыми дисками. Этот подарок был предметом гордости нубийских мастеров. Царю также поднесли другие прекрасные творения.

За вождями Вавата проследовали молодые нубийские принцы и принцессы, с очень тонкими чертами лица, в египетских одеждах, но с нубийскими серьгами-кисточками, к рукам которых были привязаны хвосты африканской кошки. За ними шли слуги, которые поднесли фараону золото и шкуры животных, а завершала процессию запряженная волами повозка, на которой сидела прекрасная принцесса с зонтиком, защищавшим от палящего солнца, и с молодой рабыней-возницей. Такая красотка

и впрямь подходила для гарема фараона и была предметом особой гордости Темваджиси. С собой красавица привезла скованных рабов, за которыми шли их жены с отвисшими грудями в окружении детей; тех, кто еще не умел ходить, несли в корзинах на спине. Принцы Куша также привезли много золота и красной яшмы; они подняли руки, приветствуя фараона, и опустились перед ним на колени. За принцами в два ряда следовали их слуги, неся золотые кольца, шкуры животных и хвосты жирафов, вероятно предназначавшихся для украшения царских набедренных повязок. Они привезли также жирафа и удивительно упитанных быков этой страны, причудливо изогнутые рога которых всегда использовались для маскарадов; так, например, во время праздника Опет к ним привязывали ложные руки, а голова чучела помещалась между рогов.

Когда животные опускали головы перед царем, это означало, что перед ним склоняется вся Нубия. В конце процессии наместник вновь повернулся к своему владыке и опустил цеп, выражая тем самым свое почтение и просьбу принять подносимые дары.

Тутанхамон сохранял горделивую позу в течение всей церемонии, во все глаза глядя на происходящее. Зрелище заворожило его. Ему хотелось спуститься с подиума, рассмотреть бесценные подарки и поговорить с нубийскими принцами, с которыми у него было много общего. Супруга царя не присутствовала на этой церемонии, равно как и на всех других официальных мероприятиях. Древний этикет, от соблюдения которого отказался Аменхотеп III, желавший, чтобы на всех официальных церемониях рядом с ним восседала Тии, был восстановлен.

Деятельность наместника оказалась исключительно успешной, и царская казна весьма обогатилась: теперь снова можно было отливать из золота статуи Птаха и Амона. Последняя часть церемонии происходила во внутреннем дворе, где Тутанхамон одарил своего представителя ожерельями из золота, которые полностью закрыли его шею и грудь. Когда Хюи покинул дворец и вернулся в родной дом, домочадцы встретили его криками радости, размахивая густыми зелеными ветками и стуча погремушками.

И все же такие счастливые дни редко выпадали на долю молодого царя, который обучался нелегкому делу управления страной у двух своих наставников, Хоремхеба и Эйэ. Из них Эйэ, вероятно, был ему ближе, возможно, он приходился Тутанхамону двоюродным дедушкой. Во дворце Эйэ служил живым олицетворением силы и могущества, ибо ни одно решение не

могло быть принято без его одобрения. Дошло до того, что он, не колеблясь, позволял изображать себя в ритуальных сценах с участием царя, в самых неожиданных местах и вопреки всем правилам. Декорированный золотом фрагмент, обнаруженный в первом тайнике Тутанхамона, подтверждает данное предположение: Эйэ стоит на месте Амона (или Ра) перед своим молодым владыкой Тутанхамоном, который, держа сирийский боевой серп, делает традиционный жест уничтожения врагов Египта. На этот раз царица Анхесенамон сопровождает мужа: она изображена за его спиной. Однако дерзость Эйэ, подобным образом узурпировавшего место верховного бога, является совершенно беспрецедентной.

Прошло уже некоторое время с тех пор, как маленький фараон прошел обряд посвящения в соответствии с требованиями культа, верховным жрецом которого он официально являлся. Он уже понимал, когда следует занять свое место на массивном прямоугольном троне, скопированном с царских тронов древних фараонов; разбирался, какую силу заключают в себе фигуры диких животных, изображенных со связанными лапами на его сиденье, и знал, что, когда он восседает в специальном ритуальном складном кресле без подлокотников, он выступает в роли верховного жреца и должен иметь при себе цеп и опахало из страусиных перьев. Он усвоил, что его скипетр, украшенный изображениями жертвенных животных, обладает магической властью и одно прикосновение этого священного предмета превращает обычные вещи земного мира в божественные подношения. Когда ему вручили высокий посох с вырезанными на нем фигурками негра и азиата со связанными руками, он узнал, что, достаточно провести им черту на песке, границы Египта становятся неприступными для завоевателей.

Солнце не исчезло из сонма богов, которым он призван был поклоняться, вовсе нет. На любимом кольце маленького царя, обнаруженном в его гробнице, видны коршун и Гор, распростершие свои крылья, а коленопреклоненный фараон между двумя павианами с лунными дисками на голове поклоняется богу солнца Гору с головой сокола, восседающему на троне.

С вступлением на престол Тутанхамона дорогой, проложенной еретиком, больше уже невозможно было следовать. Однако последние персонажи амарнской драмы были столь тесно связаны с реформой, новые религиозные воззрения настолько в них укоренились, что полный возврат к прошлому оказался невозможен. В этой связи следует вспомнить религиозное празднество, в заключительной части которого богу представляли

его любимую дочь Маат, «воплощение Миропорядка, Закона и Дыхания жизни».

Еретическое толкование этого действа было несколько иным. Царь с царицей, вместо того чтобы поднимать к Создателю крошечную статуэтку Маат со страусиным пером на голове, представляли богу не его божественную дочь, а порождение самого бога в форме его имен, заключенных в двух картушах. С другой стороны, принцессы носили в прическе по три пера, напоминавшие о богине Маат. Когда царица принимала участие в церемонии, она изображалась сидящей на корточках у одной из «стенок» картушей. Затем над алтарем появлялся сам бог, даруя жизнь своим могущественным дыханием, что символически выражалось через почти горизонтальное положение лент, развевавшихся за царским головным убором.

Каким образом можно было проводить эти обряды после возвращения к ортодоксальности? В погребальных сокровищах Тутанхамона, между стен золотых молелен, среди артефактов, связанных с жизнью монарха, был обнаружен сундук, который археологи описали как «сундук с мазями», вырезанный в форме двойного картуша. Его форма и декор наводят на определенные размышления, и не исключено, что Тутанхамон использовал этот артефакт при отправлении священных обрядов. Он указывает, что имело место не полное отрицание религиозной реформы, а скорее определенная адаптация. Во-первых, богиня Маат классического культа больше не участвует в ритуале – ее заменяет двойной картуш еретического культа. Она, однако, присутствует по-прежнему в образе двух больших страусиных перьев над каждым из священных колец. Внутри картушей, по обеим сторонам, коронационное имя царя изображают иероглифы, обозначающие солнце (Ра) и корзину (неб), но скарабея (хепера) заменяют фигурки сидящего на корточках маленького царя. На одной стороне показан мальчик с детским локоном, на другой – он же и в той же позе, но с царским хепрешем на голове. Здесь имя царя, вероятно, заменяет имя бога: сын бога теперь представлен в качестве высшего жертвоприношения. Этот далеко не единственный пример сходства египетских культов с христианской литургией: царь, сын солнца, предлагал свое собственное имя в жертву богу. Тутанхамон создал прецедент, а позднее Рамзес II выдал эту инновацию за свою.

Когда двор окончательно обосновался в столице, в фиванском искусстве утвердили новое направление. Прежний грациозно-элегантный и вычурный стиль испытал на себе влияние еретического экспрессионизма, которое спасло его от упадка и

застоя. Художники старой школы, поначалу в изумлении отвергавшие новые веяния, постепенно уступили требованиям времени и усвоили отдельные приемы, позволявшие им изображать вещи такими, какие они есть. Очарование и изящество остались, но вкус к деталям и повествовательности, позволявший толковать традиционные сюжеты как жанровые сцены, одухотворил все виды живописи, включая парадный портрет.

Амарнское влияние проявляется в построении композиции, во внимании к характерам, событиям и жестам, никогда ранее не изображавшимся. Молодой принц, в отличие от своего старшего брата, не произвел радикальный переворот в творчестве придворных художников, но в первые годы его правления возник и развился совершенно новый, особый «тутанхамоновский» стиль, определивший своеобразие знаменитых барельефов праздника Опет в луксорском храме, а также совершенно очаровательных росписей на слоновой кости, эмалей на золотых пластинах, покрывающих деревянный сундук в гробнице и на спинке трона. Эти росписи замечательно передают красоту младшего сына Тии, его тонкий, слегка изогнутый нос и широкие густые брови.

Мода продолжила диктовать ношение особых головных уборов и причесок, тонких льняных набедренных повязок и туник, оживляемых поясами и ремнями ярких цветов, соответствующих по тону огромным ожерельям, которые закрывали почти половину груди. Отдельные предметы обстановки царского дворца кажутся даже вычурными, скажем некоторые вазы и алебастровые светильники. Тем не менее они, по-видимому, нравились маленькому царю и царице. Никаких упоминаний о детях, родившихся от их брака, до нас не дошло, и ровно так же нам ничего не известно о вкусах царственной четы. Несмотря на роскошь и разнообразие погребальных предметов Тутанхамона, ничто в них не указывает на какие-либо личные предпочтения. Хотя все, что могла производить страна, принадлежало фараону, сокровища в его гробнице свидетельствуют об уровне развития египетской цивилизации, об обычаях и обрядах, но ничего не говорят о самом умершем.

Не следует делать поспешных выводов, глядя на оружие и боевые и охотничьи сцены, окружающие Тутанхамона в гробнице. Действительно ли он преследовал страуса в пустыне на колеснице, запряженной горячей лошадью? Разили ли его стрелы гиену и козерога? В любом случае он не в силах был противостоять взрослому льву, поэтому золотой нагрудник (предшественник кольчуги), изготовленный специально для него, он надевал только на торжественные парады, когда проезжал по

Фивам в своей колеснице, за которой следовали пленные чужеземцы, и принимал хвалу за подвиги, которые физически не мог совершить. В самом деле, нет никаких достоверных свидетельств того, что Тутанхамон когда-либо участвовал в войнах, и определенно не на поле битвы он слушал пение боевых труб, а на берегу Нила во время больших праздников, вдали от Азии, которая всегда представляла скрытую угрозу для его царства.

Слабость египетских войск приходилось компенсировать тонкой дипломатией, и «Божественный отец», Эйэ, полностью полагался в этом на посланников фараона, в особенности на Хоремхеба, писца армии, который в начале правления Тутанхамона преуспел в сборе податей в Ливии и Палестине. Хюи, в качестве посланника его величества, пригласил во дворец вождей ретену, которые в духе истинных торговцев, без ненужного подобострастия, привезли с собой целый торговый караван; все это они поднесли царю в качестве «даров», рассчитывая, согласно молчаливой договоренности, получить в обмен вещи эквивалентной стоимости. Переписка между восточными вождями и египетскими царями в течение этого периода не оставляет сомнений по поводу такого толкования данной сцены, которую некоторые исследователи предпочитают рассматривать как завершение азиатской кампании молодого царя, а другие – как эпизод его коронации.

В начале правления Тутанхамона Хоремхебу, со своей стороны, удалось собрать всю дань в Палестине, но, возможно, он преувеличил значение этого деяния. На стенах его первой гробницы, сооруженной в Мемфисе, впечатляющая процессия, состоящая из представителей всех азиатских народностей, сопровождаемая кавалерией, доставляет собранную дань фараону (фрагменты хранятся в Лейденском музее). Фактически царская армия в то время была совершенно беспомощна и терпела постоянные поражения в Малой Азии. «Заказчик» «стелы восстановления храмов», воздвигнутой от имени Тутанхамона, другими словами Хоремхеб, не делал из этого секрета:

> «Если одну [послать армию] в Джахи (родовое название Сирии), чтобы расширить границы Египта, она не добьется никакого успеха».

Это была критика мирной политики Эхнатона, которой Хоремхеб всегда открыто противостоял. Однако виновником случившегося был не только царь-еретик, но и его отец, Аменхотеп III, который оставлял без внимания жалобы и просьбы о помощи своих союзников, как это однозначно следует из

амарнской переписки. Так, жалобы поступали от царя Акиззи. Граждане Тунипа (Алеппо) в течение двадцати лет умоляли о помощи, но безрезультатно; Аменхотеп III не предпринимал никаких действий. Можно также вспомнить о мольбах Риб-Адди, царя Библа, союзника Египта, который, в конце концов, не выдержал атак Азиру, царя Амора, союзника бедуинов и Хапиру Сагаз (головорезов). В этот период началась жестокая война между митаннийцами и хати (библейские хетты), но Египет даже не пытался защитить своих союзников от внешней агрессии. Официально он поддерживал видимость дружественных отношений с разными племенами, воевавшими между собой. Тушратта, царь Митанни, выдал замуж родную сестру и дочерей за фараона, но и Суппилулиума, который угрожал митаннийскому царству, судя по всему, имел неплохие отношения с египетским двором. Он не спешил завоевывать Митанни, наученный горьким опытом войны в Анатолии, но ему удавалось поддерживать и крепить союзнические связи, которые на неспокойном Востоке часто служили для того, чтобы вести двойную игру.

Маловероятно, чтобы Хоремхеб во время правления Тутанхамона действительно проводил грандиозные военные кампании в бурлящей Азии, и даже если ему сопутствовала умеренная удача в Палестине, он в основном был занят тем, что защищал границы Египта. В его гробнице в Мемфисе изображены палестинские беженцы, изгнанные из своих земель бедуинами из-за Иордана. Они добрались с изголодавшимися семьями до границ Египта и умоляли военачальника вступиться за них перед царем, чтобы тот предоставил им убежище:

> «Варвары захватили их земли, их жилища были уничтожены, их города разрушены, а посевы сожжены. В стране разразился голод, и они жили в горах, подобно горным козлам. Теперь они пришли и молят Всемогущего прислать его победоносные войска, чтобы защитить их, говоря: «Мы, немногие азиаты, которые не знают, как выжить, пришли искать убежища в землю фараона, как мы это делали во времена отцов его отца с самого начала».

Фактически девятилетний период правления Тутанхамона, хотя и ознаменовавшийся, по мнению многих исследователей, постепенным ослаблением власти Египта над азиатскими протекторатами, не был отмечен сколько-нибудь серьезными войнами. Делами страны и отстаиванием ее жизненно важных интересов занимался Хоремхеб. Номенклатура титулов,

дарованных ему, поражает воображение: «помощник царя во всех странах» (то есть его наместник); «избранник царя»; «управляющий Двух царств» (по административным вопросам); «два глаза царя Верхнего и Нижнего Египта»; «величайший среди избранных правителем Двух царств»; «истинный писец, возлюбленный царя»; «старший управляющий» и «наперсник особых наперсников царя». Если вспомнить возраст фараона, то легко понять, какую власть имел Хоремхеб не только над принцем, но также и над «Божественным отцом», Эйэ. Несмотря на типично восточную пышность перечисленных титулов, они дают определенное представление о влиянии Хоремхеба при дворе, которое он умудрялся сохранять даже в периоды резких разногласий внутри царской семьи, как, например, в последние годы правления Эхнатона. Несомненно, его власть была до некоторой степени диктаторской: титулы «величайшего из великих, самого могущественного из могущественных, верховного повелителя народов» он присвоил себе сам.

Хоремхеб был скорее опытным законодателем, нежели военным, потратил немало усилий для искоренения коррупции. Взойдя на престол, он обнародовал указ, направленный против служебных злоупотреблений, по которому мы можем представить положение дел в стране в конце амарнской эпохи. Уже в официальных письмах, которые он направлял молодому царю, или в надписях на его статуях, изображающих Хоремхеба как военачальника, находящегося под защитой Амона (музей «Метрополитен»), ощущаются первые ростки контрреформы, которую он пытался провести в стране, «дабы уничтожить злодеяния, творимые во всех уголках Двух царств, и дабы восторжествовала истина, а ложь была порицаема в стране, как в начале времен» («Стела восстановления храмов»).

На шестой год правления молодому царю исполнилось шестнадцать лет, и он уже обрел определенный опыт управления государством. Малькатский дворец на левом берегу Нила располагался неподалеку от Долины царей, и там же хранители некрополя начали находить следы разграбления захоронений. Наступил день, когда его величеству было доложено об осквернении святилищ одного из его предков. В данном случае погребение состоялось относительно недавно и гробницы принадлежали участникам амарнской драмы. Мы, однако, не знаем всех деталей, которые позволили бы нам разобраться в этих событиях. Исполнил ли взошедший на престол царь, покинувший Тель-эль-Амарну, желание родного брата, который хотел остаться после смерти в некрополе Ахетатона? Или же, покидая город, он

решил перенести его тело вместе с погребальными сокровищами в Фивы? Мы опять встаем перед загадкой знаменитой гробницы № 55 в Долине царей; с уверенностью мы можем говорить только о том, что какое-то время различные предметы, принадлежащие амарнской семье, хранились в ней: золотой заупокойный храм царицы Тии, канопы и саркофаг, принадлежавшие принцессе Меритатон, и мумия фараона, который умер до Тутанхамона, – Сменхкара или Эхнатона?

Вероятно, молодой правитель приказал восстановить и отремонтировать то, что осталось после разграбления. Археологи также обнаружили в мусоре фрагменты глиняных печатей с именем Тутанхамона. Они также нашли сосуд с льняными повязками для бальзамирования, на которых было написано иероглифами «живой бог, правитель Двух царств, Небхепруре, возлюбленный Мина: соткано в году 6». Тутанхамон действительно приказал привести в порядок гробницы, подвергшиеся разорению. Однако, хотя имена Атона не были стерты повсюду, силуэт Эхнатона исчез с позолоченного заупокойного храма его матери; выходит, царь-еретик подвергался нападкам, однако данный факт плохо согласуется с тем, что мы знаем о терпимости Тутанхамона и Эйэ к памяти еретического правителя. Среди погребальных сокровищ Тутанхамона имеются предметы, на которых значатся имена Эхнатона и Сменхкара, но они не оказались бы в гробнице, если бы эти цари при жизни Тутанхамона подверглись преследованиям. Загадка так и остается без ответа.

Как ты там ни было, если тело Сменхкара в самом деле было перенесено в эту гробницу, кто-то из придворных определенно украл некоторые предметы его погребальной обстановки, чтобы поместить их вскоре в гробницу Тутанхамона и даже использовать непосредственно при его погребении.

В период между пятнадцатью и восемнадцатью годами своей жизни Тутанхамон заинтересовался религиозными вопросами и, очевидно, политикой. Он уже знал, что разногласия и соперничество между его отцом, его братом и царями Малой Азии в конце концов были улажены с помощью испещренных причудливыми знаками, почти магических глиняных табличек, которые доставляли храбрые и быстроногие гонцы. Его мать, царица Тии, женщина очень образованная, располагавшая целой библиотекой литературных и научных сочинений, объяснила сыну значение международной переписки. Повзрослев, Тутанхамон сам стал обмениваться посланиями с союзниками и принялся изучать тактику дипломатии, позволявшую поддерживать равновесие сил, вносить разлад в ряды

противников и крепить политические и военные союзы. Он обратил внимание на то, что Бурнабуриаш, царь Карадуниаша (Вавилонии), опасается восстания ассирийцев, которые были его подданными. Тутанхамон не стал разочаровывать ассирийцев и принял предложение о визите их делегации в Египет для урегулирования торговых отношений между двумя странами. Одновременно он отложил отправку царю Бурнабуриашу подарков, о которых тот просил. Уловка принесла успех, и царь Карадуниаша реагировал так, как и предполагал Тутанхамон-Небхепруре (Нифуруриа или Нифуририа – согласно вавилонским записям). Обеспокоенный Бурнабуриаш написал молодому фараону письмо: из дошедшей до нас царской переписки только его можно, без всяких сомнений, отнести ко времени правления Тутанхамона (Кнудсон № 9):

> «Нипхурии, царю Египта…
>
> Это говорит Бурнабуриаш, царь Карадуниаша, брат твой.
>
> Все хорошо идет у меня. Все приветствуют тебя, твой дом, твоих жен, твоих детей, твою страну, твою знать, твоих лошадей, [и] твои колесницы.
>
> Когда мои отцы и твои отцы установили между собой дружеские [отношения], они обменялись богатыми подарками и [никогда] не отказывали друг другу, какую бы прекрасную вещь те ни пожелали.
>
> Сейчас брат мой прислал мне в качестве дара [только] две мины золота. Если [у тебя] теперь много золота, пришли мне столько, сколько [присылали] твои отцы, но если его мало, пришли мне [хотя бы] половину того. Почему ты прислал мне [только] две мины золота?
>
> Задачи, за которые я взялся в храме, велики, но я рьяно взялся за них, [вот почему] я прошу много золота.
>
> Что касается тебя, то что бы [из товаров] моей страны ты ни пожелал, напиши мне, и они будут доставлены тебе.
>
> Во время Куригалзу, моего отца, ханааниты все [вместе] писали ему: «Мы [собираемся] к границам страны, чтобы пересечь ее, вот почему мы хотели бы установить с тобой отношения».
>
> Вот что он им ответил: «Оставьте [всякую мысль] о союзе со мной! Если вы выступите против царя Египта, брата моего, заодно с другими, разве не я буду вынужден выступить и наказать вас, ибо он союзник мне?»
>
> То было ради блага отца твоего, что мой отец не

послушался их.

Теперь [относительно] ассирийцев, моих подданных, я ничего тебе не писал, как они утверждают. Почему они отправились в твою страну? Если ты любишь меня, им нельзя [разрешать] вообще что-либо покупать, пусть они возвращаются с пустыми руками!

В знак [нашей дружбы] я посылаю тебе три меры прекрасного лазурита, а также пять упряжек лошадей (?) для пяти деревянных колесниц».

(Переведено из «Аккардиан» М. Канавати.)

Молодой повелитель Фив начинал постигать премудрости своего ремесла.

Глава 7
СМЕРТЬ ЦАРЯ И ПРИГОТОВЛЕНИЯ К БЕССМЕРТИЮ

1343 г. до н. э.

Анализ мумии показывает, что Тутанхамону было от восемнадцати до двадцати лет, когда он умер. Это позволяет установить приблизительную дату его коронации – девятый год его жизни, поскольку, помимо девятого года, который появляется на сосудах с вином, никакой другой даты не указано.

Неизвестно, умер ли царь в результате болезни, несчастного случая или убийства; мумия не позволяет это установить, но, учитывая ранние смерти двух его предшественников и братьев, Аменхотепа IV – Эхнатона и Сменхкара (последний, очевидно, скончался, не достигнув двадцати пяти лет), можно заключить, что последние потомки Тутмоса IV отличались хрупкостью и слабым здоровьем.

Тем не менее фрукты и цветы на могиле Тутанхамона, в частности мандрагора и василек, которые расцветали в Египте в марте и апреле, однозначно указывают сезон его кончины. Его похороны, очевидно, приходились на весну, а его смерть должна была наступить приблизительно за семьдесят дней до этого – время, требовавшееся для мумификации. Таким образом, последний сын Аменхотепа III скончался где-то в январе 1343 г. до н. э., к безмерному горю своей семьи, друзей и малькатского двора. Молодая вдова не пожелала выбрать среди окружения нового мужа и передать ему скипетр Египта. В этой ситуации «Божественный отец», Эйэ, направлявший и поддерживавший монархов со времени ереси, стал правой рукой Анхесенамон, вынужденной исполнять царские обязанности.

Между тем предстояло погребение царя; сыну бога, «божественному воплощению», нужно было помочь воссоединиться с создателем – Шаром. Эйэ был знаком с установленным ритуалом и хотел сам надзирать за приготовлениями к «отправлению в вечность» Тутанхамона, лишив этой привилегии жрецов Амона. И хотя он сумел короновать юного царевича и помогал тому править страной, как и прежде поступали его предшественники, обеспечить фараону бессмертие оказалось куда сложнее. Эйэ не забыл, сколь

драматически проходили похороны Нефертити, еретика Эхнатона и, наконец, Сменхкара.

Тутанхамон, ставший одним из основателей храмов в Каве и в Фарасе, что в Нубии, и святилищ в Карнаке и Луксоре, взойдя на престол, также время от времени размышлял о сооружении собственного заупокойного храма к западу от Фив, предполагая одновременно построить рядом с ним личный дворец, – это было в традициях того времени, судя по обнаруженным в данном районе останкам заупокойных монументов Эйэ, Хоремхеба, Рамзеса II и Рамзеса III.

Не исключено, что один из двух анонимных храмов, следы которых имеются позади погребального участка Аменхотепа III, принадлежал Тутанхамону. Так или иначе, на двух великолепных статуях и по сей день сохранились следы росписей; они вырезаны из красного кварцита Гебель-эль-Ахмара, что вблизи Мемфиса, и, очевидно, прибыли из его таинственного святилища. Эти подобия молодого царя присвоил сперва Эйэ, затем Хоремхеб, в заупокойном храме которого их и обнаружили американские археологи; одна из статуй в настоящее время выставлена в Каирском музее, другая – в музее «Метрополитен».

Однако Тутанхамон, несомненно, думал о своей гробнице; и хотя в восемнадцать лет мало кто размышляет о смерти, для каждого египтянина кончина являла собой желанную трансформацию, переход к истинной, вечной жизни. Она означала не совершенный конец, а лишь неизбежный этап на пути к бессмертию; и чтобы путь этот был ровным и гладким, требовалось только соблюсти установленный ритуал. В результате гробница и ее внутреннее убранство приобретали исключительное значение. Возможно, молодой царь или один из придворных выбрали место для нее в Долине царей и приготовились соорудить там длинную гробницу. Действительно, имеется гробница, вырубленная прямо в скале и напоминающая гробницу Эхнатона в Тель-эль-Амарне, с ее рядом камер и коридоров; она сооружена таким образом, что солнце проникает внутрь и освещает погребальную камеру. Однако в ней похоронен Хоремхеб.

Впрочем, можно предположить, что гробница, предназначавшаяся для Тутанхамона, но еще не оконченная к моменту его смерти, затем была захвачена Эйэ, и не приходится сомневаться, что впоследствии ее разорили по приказу Хоремхеба, в результате чего изображения старого монарха и его жены Тей были совершенно обезображены.

Какой бы из этих склепов ни сооружался для молодого царя, после его смерти работы сразу же были прекращены и строители

принялись возводить гораздо более скромную могилу, общий план которой в целом повторял конструкцию царских гробниц Тутмосов, устройство которых уже продвинулось далеко вперед. Вероятно, это была предполагаемая гробница «Божественного отца», Эйэ, который, таким образом, пользовался правом, периодически предоставлявшимся некоторым «родственникам фараона». Семидесяти дней, требовавшихся для мумификации, оказалось достаточно, чтобы закончить все работы по ее сооружению.

Эйэ обратился с просьбой к хранителю царских сокровищ, Майю, также отвечавшему за работы в некрополе, лично проследить за возведением этого погребального храма, и Май, который, видимо, был близок к молодому царю, приложил к делу максимум рвения. Поскольку Май был «слугой его величества, делающим то, что полезно для хозяина», он приказал одному из своих наиболее искусных ремесленников изготовить погребальный дар, который навечно засвидетельствовал его преданность царственной особе.

Это – миниатюрное изображение царя, лежащего на похоронных дрогах, украшенных головами львов, оно являет собой настоящий шедевр. Цветовые мазки очерчивают облик правителя и двух птиц по бокам, каждая из которых простирает крыло над его руками, сложенными на груди, как бы заботливо оберегая ушедшего. У птицы справа – человеческая голова, что типично для изображений душ умерших египтян. По левую руку – сокол. Вдоль всего ложа идут надписи, воспроизводящие имена и титулы Майя. В гробнице царя обнаружено немного подобных личных даров. Однако Май все же был не единственным другом, подношения которого легли в гробницу вместе с царем: среди предметов, представленных «царским писцом, носителем опахала по правую руку царя», военачальником Нахтмином, найдено пять маленьких ушабти (погребальных статуэток), изображавших умершего царя в привычном головном уборе.

Нам мало что известно об этих двух людях, имена которых навечно связаны с эфемерным существованием Тутанхамона, но несколько памятников, в настоящее время хранящихся в Лейденском и Берлинском музеях, а также в Лувре, помогают нам понять ту роль, которую они играли в конце амарнской эпохи. Позднее мы встретимся с Нахтмином – «правой рукой» Эйэ, ставшего царем; и спустя три тысячи лет мы сможем понаблюдать, как развивалась карьера Майя: он превращается в одного из богатейших вельмож и влиятельного министра финансов Хоремхеба.

Во всяком случае, они – единственные египтяне не царского

происхождения, имена которых можно обнаружить на почти двух тысячах предметов, составляющих погребальные сокровища Тутанхамона. Здесь мы располагаем точной информацией, хотя происхождение всего остального остается большей частью невыясненным.

Сам по себе дар Майя – выражение в сжатой форме драмы, разворачивающейся после смерти и приносящей славу ушедшему. Лежащее навзничь тело мертвого человека сохраняли от разложения путем бальзамирования; его земная и зримая проекция располагалась между двух начал, связующих его с вечностью: минувшим и грядущим. Птица с человеческим лицом – Осирис, первый бог, воплотившийся на земле, который умер ради того, чтобы божественный народ мог существовать вечно; сокол, замечательный, напоминающий о движении образ Гора на горизонте, олицетворяет новую жизнь. Вместе они воплощали двойственный принцип «двух душ» умершего, души вечера и души завтрашнего дня; смены дня и ночи, которой египтяне, оперируя множеством символов и признаков, стремились найти объяснение. Столь осязаемым выражением философии вечности Май заслужил, чтобы его помнили.

Вклад военачальника Нахтмина – совершенно иного рода. Возможно, он был связан родственными узами с «Божественным отцом», Эйэ, или даже с самим Тутанхамоном, так как одна из его посвященных царю статуэток носит такую надпись: «Слуга, который возрождает имя хозяина». Акт возрождения имени мертвого во время обряда погребения является исключительным правом старшего сына, а в случае отсутствия такового – дочери. Можно предположить, что, поскольку Тутанхамон умер бездетным, проводил эту церемонию его самый близкий родственник или же самый преданный друг. Так или иначе, из надписей ясно, что Нахтмина с царем связывали прочные узы. И все же в день похорон последние магические действия над мумией осуществлял другой военачальник: Эйэ, «Божественный отец», объездчик царских лошадей, взял на себя эту роль, руководствуясь государственными соображениями.

Когда было объявлено о смерти фараона, весь Египет облачился в траур. Новость быстро распространилась по обоим берегам Нила, и люди говорили: «Гор соединился с Шаром». Во дворце, в домах духовенства и знати работа прекратилась, и египтяне, склонившись, оплакивали кончину Тутанхамона. Царица и царственные принцессы рыдали и голосили, а затем, как только тело было доставлено в «золотой чертог», в шатер, где жрецы с помощниками готовились совершить бальзамирование, вся страна погрузилась в безмолвную скорбь и пост, отказавшись

от любых проявлений радости и веселья. Мужчины из ближайшего окружения усопшего фараона не брились до самого дня похорон.

Мастерские на западном берегу Фив, где жили мастеровые и рабочие некрополя, трудились не покладая рук, чтобы успеть все подготовить ко дню погребения. Конечно, в число многочисленных сокровищ, которые полагалось класть вместе с усопшим царем, входило немало изделий из самого дворца, в частности, как того требовали погребальные обряды, семейные драгоценности и мебель, принадлежавшая царю, когда тот был ребенком. Также в гробницу помещались разные специальные предметы, долженствовавшие способствовать переходу умершего в другой мир. Итак, в период мумификации многим искусным мастерам пришлось немало потрудиться.

Однако те, кто впервые обнаружил эти сокровища, и египтологи, впоследствии изучавшие загадку Тутанхамона, установили, что в храм Тутанхамона попали некоторые из погребальных предметов гробницы Сменхкара. Например, на небольших золотых саркофагах, в которых хранились внутренности царя, и на ряде надписей, нанесенных на пелены мумии, можно разобрать стертое имя Сменхкара. Отдельные эксперты полагают, что гробница Сменхкара частично лишилась своего содержимого по приказу Эйэ приблизительно девятью годами ранее, к выгоде Тутанхамона.

Тутанхамон не порвал с амарнскими реформами, когда обосновался в Фивах; скорее период его правления можно назвать переходным, в течение которого Атон и Амон относительно мирно сосуществовали. Официально верховным правителем вновь был провозглашен Амон. На практике им продолжал оставаться Атон, как это доказывает мумия царя, которая, в отличие от большинства мумий египетских властителей, не была осквернена грабителями древности.

В погребах Малькаты хранились вина из виноградников Атона, и самые лучшие сорта отбирались и помещались в гробницу. Ткацкие станки Тель-эль-Амарны славились своими тканями, и на присланных во дворец огромных повязках с бахромой стоят года восьмой и десятый правления Эхнатона. Эти изделия использовались для оборачивания статуй богов, которые затем помещались в ящики из черненого дерева. Так, повязка с длинной бахромой, датированная седьмым годом, покрывала великолепную статую Анубиса, установленную на сундуке у входа в «сокровищницу».

Однако все приготовления к вечной жизни, осуществляемые в соответствии с классическими обрядами, установленными «со

времен богов», вернувшись к традициям, вероятно забытым при правлении еретика, достигали цели только в том случае, если само тело, земной оплот усопшего, трансформировалось в божественный и вечный образ. Затем, в невидимом мире, все составные части личности царя соединятся с этим очищенным, неуничтожимым материальным отображением, обладающим свойствами, необходимыми для участия в гармоничных движениях космоса.

Итак, ритуал, амулеты и сам процесс мумифицирования превращают труп царя в бога Осириса, умершего, но воскресшего (Оунен-Нефер) для вечности. Действительно, мастерская бальзамирования называлась «Домом жизненной силы» (или «энергии») (Пер-Нефер), а процесс бальзамирования мог бы называться «сенефер», или восстановлением жизненной силы или энергии. По завершении всех церемоний умерший поднимался, подобно солнцу, на востоке мира из голубого лотоса (кувшинки, или водяной лилии, нефер), возвышаясь над водами первобытного хаоса. Потому последняя фраза ритуала мумифицирования служила пропуском в вечность и звучала следующим образом: «Ты снова живешь, ты снова живешь навеки, здесь ты снова обретаешь молодость на века».

В течение семидесяти дней тело умершего обрабатывали жрецы и специалисты, заново совершая то, что совершили приближенные Осириса над расчлененным телом первого царя Египта, убитого Лукавым. «Читающий» жрец надзирал за работой и повторял вслух по памяти соответствующие догматы веры в присутствии «Начальника секрета мастерской бальзамирования». «Бальзамировщик Анубиса» (черный бог с головой молодой собаки, черный – цвет возрождения) и «Старшины Бога» совершали множество сложных ритуальных манипуляций с сакральными предметами, большинство жрецов, участвовавших в обряде, называли «Ут» или «Вет».

После удаления основной части мозга через ноздри то, что осталось в черепе, растворялось с помощью определенных жидкостей. Внутренности затем вынимались через отверстие, проделанное в боку трупа, как сообщает Геродот, с помощью «эфиопского камня». Брюшная полость далее заполнялась измельченной миррой, кассией и различными ароматическими веществами, будучи предварительно промыта пальмовым вином и пропитана благовониями. Использование ладана, однако, не допускалось. Таким образом, в теле не оставалось никаких способствующих гниению веществ, органов или жиров.

Извлеченные органы сразу же обрабатывали, дабы поместить их в круглые глиняные сосуды с крышками в виде человеческих

лиц. Эти сосуды приобрели впоследствии форму идола Осириса, воздвигнутого в абукирской гавани и подобного своеобразной вазе; греки его почитали как воплощение Канопа, кормчего Менелая, умершего, как они полагали, именно там. Археологи нашли четыре таких сосуда в богато украшенном алебастровом ящике, поделенном на четыре отделения. В них лежали завернутые в материю небольшие ящички с изображениями умершего правителя, в которых хранились забальзамированные органы. На внутренней их поверхности были вырезаны магические надписи.

Тело, лишенное всего, что может разлагаться, и чисто выбритое, помещалось на семьдесят дней в сухую соду, которая впитывала в себя всю оставшуюся жидкость. После этой операции оно промывалось и высушивалось на золотом ложе в форме фигуры животного с очень длинными ножками. Это делалось для того, чтобы жрец мог проводить обряд не нагибаясь. Возможно, три золотых ложа в гробнице использовались как раз для этой цели, хотя ничто не подтверждает данного предположения.

На следующем этапе проводилось пеленание. Для этого требовались сотни ярдов очень тонкой льняной материи, чтобы она целиком закрыла всю фигуру царя. Сначала бинтовали пальцы рук и ног (каждый в отдельности), затем каждую конечность и, наконец, все тело. Далее пелены пропитывались мазями, и все это время произносились молитвы и магические заклинания. На мумию Тутанхамона мазей положили слишком много, и они сожгли почти все ткани, затронув даже кости. Уцелели только те участки, которые были защищены золотом: лицо, закрытое маской, и руки и ноги, убереженные напаличниками. Самые крупные – верхние – куски перевязочного материала также пропитывались мазями.

Мумия была буквально усыпана драгоценностями, и ирония судьбы заключается в том, что тело фараона пострадало не от воров, а от изобилия составов, которые предназначались для того, чтобы придать ему новую жизненную силу. Однако сто сорок три предмета, помещенные между повязками, отлично сохранились. Это золотые напаличники, сандалии, золотые кольца, ожерелья, браслеты, диадемы, кинжалы, подвески, пекторали и амулеты, вырезанные из листового золота. Не поддающийся порче металл сообщил свою силу человеку, им защищенному, мумифицированный правитель превратился в бога.

Следует, однако, указать на одну очень важную деталь, которая до сих пор остается не выясненной до конца. На груди мумии лежат две простых полосы листового золота, украшенные узлом. Фараоны на барельефах и статуях носят небольшой

нагрудник с единственной такой полосой. Но боги всегда изображались с двумя полосами. Тутанхамон, следовательно, считался богом, едва оказавшись в бальзамировочной мастерской, где его труп превратили в тело вечного существа.

Обряжая мумию, бальзамировщики брили череп особым образом, чтобы придать ему вид, который имели головы верховных жрецов. Когда-нибудь станет ясно, почему череп Тутанхамона был обработан совершенно иначе, нежели у большинства других властителей, обнаруженных в тайнике Дейр-эль-Бахри. На черепах великих царей Египта до сих пор сохранились почти живые волосы, но на голове Тутанхамона имеется только головная повязка из очень тонкой материи, украшенная тканными полосками и бусами из золота и глазированной терракоты, от которой поднимаются четыре священные кобры, чьи гибкие тела украшают темя юного фараона.

Хотя Тутанхамон официально поклонялся Амону и хотя Осирис (историю которого нельзя было даже поминать во времена атоновской ереси) снова занял свое место главы загробного мира, благочестие молодого царя едва ли позволило бы ему целиком отказаться от верований своего детства. Естественно, «Божественный отец», Эйэ, настоял на том, чтобы при погребении фараона соблюдались все те обряды, какие проводили над великими царями, преданными религии своих предков. Однако последний потомок еретической эпохи не мог отбыть в мир иной без короны со знаками возлюбленного Шара. Четыре священные кобры (или уреи) были начертаны рядом с картушами, демонстрировавшими имена Солнечного Шара – Атона в том виде, как они звучали в последние годы амарнского царя: «Ра-на-горизонте-который-радуется-на-горизонте-во-имя-Ра-Отца-который-приходит-с-Атоном». Царь, возрождаясь, приходит с рассветом; теперь он – дарующий жизнь. Этот головной убор поддерживала широкая золотая полоса (более широкая на висках), опоясывавшая всю голову и закрывавшая лоб. Сверху накладывалась льняная шапочка, которая сзади имела что-то вроде косички. Коршун с распростертыми крыльями, вырезанный из листового золота, украшал лицевую часть черепа. Царственная хищная птица, богиня Верхнего Египта, соединялась со змеей Нижнего Египта, священным уреем, вздымавшимся надо лбом. Все это удерживала вторая золотая полоса, расширявшаяся между висками и глазами. Над многочисленными льняными повязками располагалась царская диадема, представлявшая собой небольшой золотой ободок, украшенный дисками из сердолика; в центре каждого из них находился золотой гвоздь, окруженный

каймой из смальты, имитирующей лазурит и бирюзу. Четыре такие же ленты свешивались сзади, две боковые были сплетены с длинными, извивающимися телами двух кобр, чьи головы поднимались к лицу царя. Урей, символ верховной власти, всегда являлся частью головного убора фараона. При погребении его украшала и голова Нехбет, коршуна юга. Эти два главных элемента диадемы должны были, вероятно, располагаться как можно ближе к телу царя, но они, очевидно, занимали слишком много места под головными повязками, и жрецы положили их около бедер мумии, весьма заботясь о том, чтобы расположить их правильно. Вообще положение предметов в пространстве играло в жизни человека, в особенности царя, огромную роль, и в снаряжении, которое долженствовало сопровождать царя в вечном странствии, не могло быть ничего случайного. В гробнице мумия лежала головой на запад, а ногами на восток. Когда она восстанет, то лицом будет обращена к поднимающемуся солнцу. Следовательно, было логично расположить длинный урей у левой ноги, ближайшей к северу, символом которой он являлся. Голова же хищной птицы покоилась у правого бедра и была обращена на юг. Закончив пеленание головы, сверху закрепляли последнее украшение – переплетение нитей и шнуров, вероятно, предвестник современного головного убора бедуинов. Современный исследователь может счесть это мерой предосторожности, позволяющей священнику предотвратить чрезмерное давление погребальной маски на лицо мумии.

О сохранности лица помнили на всех стадиях обработки тела, и в сложном переплетении повязок оказывались лишь драгоценности и амулеты тщательно подобранных размеров. Особенно тщательно была защищена шея царя, от которой зависела безопасность его головы (без которой невозможно воскресение). Эту жизненно важную часть тела оберегали две полоски ожерелий и двадцать амулетов, распределенных по шести рядам. Ближайшее к шее ожерелье состояло из четырех рядов круглых бус, и несколькими слоями ткани выше помещались изображения коршунов и кобр (у одной из последних были распростертые крылья и человеческая голова), вырезанные из листа золота; они, очевидно, изготовлялись специально для мумифицирования. То был знак единства двух половин мира, который царь не покидал и в посмертии. На эти священные изображения клали новые полосы льна. Затем последовательными слоями, отделенными друг от друга повязками, следовали четыре слоя крохотных амулетов из золота и драгоценных камней, нанизанных на золотые нити. Слой ткани чередовался со слоем украшений. По-видимому, крошечные

фрагменты папируса с именами божеств (там упоминаются, например, Исида и Осирис) свидетельствуют о наличии среди пелен своего рода миниатюрного молитвенника со следующими символами: змеиной головой из сердолика, изображениями папирусного скипетра из полевого шпата, который сообщал сексуальную силу и вечную молодость, и сердоликового же узла, обеспечивающего защиту со стороны Исиды и Гора и означавшего добрый прием в царстве Осириса. Рядом присутствуют изображения Тота-ибиса, Гора-сокола и Анубиса – юного шакала. Ритуал «Книги мертвых» указывает, что амулет «столб Тет», эмблема Осириса, должен изготавливаться из золота и располагаться у шеи умершего, чтобы помочь ему преодолеть врата другого мира и явиться в нем совершенным существом. Действительно, на шее царя висели два таких столбикообразных амулета, один из чистого золота, а другой – инкрустированный голубой стеклянной пастой. Наконец, последний слой составляло ожерелье Гора из чеканного золота, на котором был представлен священный сокол с распростертыми крыльями; противовес на спине служил креплением.

Еще тридцать пять предметов в тринадцать слоев располагались на пространстве между шеей и животом; первым был отделенный от кожи лишь несколькими кусками ткани воротник, состоящий из нескольких рядов мелких бус из золота и голубого стекла, образовывавших узор из зигзагов и волн. Золотые подвески с соколиными головами завершали картину.

На драгоценностях, образующих следующие два слоя, имеются следы носки, так что фараон, очевидно, носил их при жизни. В основном это ожерелья и пекторали. Подвеска исключительно тонкой работы представляет собой изображение южной богини – коршуна Нехбет, украшенное сердоликом, лазуритом и стеклянной пастой. С обратной стороны с шеи птицы свешивается еще один маленький кулон, и в нем картуш с коронационным именем фараона. Само ожерелье, частью которого являлся коршун, имеет противовес – крепление в виде двух миниатюрных соколов. Однако по сравнению с пестротой других изделий данный образец, нужно заметить, еще довольно скромен. Поверх слоев ткани, закрывающей золотисто-голубой воротник, лежат три подвески: на центральной виден великолепный священный глаз (веджет), с левой стороны (от мумии) – змея Буто, властелин Нижнего Египта, а справа – коршун Верхнего Египта. Рядом со змеей висит еще одна подвеска, изготовленная в форме крылатого скарабея, стоящего на корзине и держащего в передних лапах диск, вправленный в полумесяц: это изящное сочетание трех иероглифов,

составляющих имя Тутанхамона, находится на левой стороне мумии, то есть на северной стороне, в области ночи, где правит луна. С правой стороны, соответственно, располагается солнечный сокол, увенчанный диском.

По снятии еще нескольких слоев ткани обнаруживается очень тяжелая пектораль, состоящая из тройного ряда иероглифов имени фараона, опять же с тремя скарабеями. Это украшение, висящее среди рядов бус и закрепленное опять же с помощью имени царя, которое держит дух, окруженный божествами и амулетами, дополняют гроздья цветов.

Дальше идут на этот раз не подвески, а прекрасные ожерелья, инкрустированные сотнями кусочков драгоценных металлов и многокрасочной стеклянной пастой. Эти ожерелья походили на те, которые согласно погребальным текстам, датируемым временем создания пирамид, полагалось класть на шею и грудь мумии. На нижней части грудной клетки лежит драгоценное украшение, изображающее коршуна и змею с огромными крыльями, изогнутыми в восточном стиле; на нем помещается лист папируса, а сверху – «ожерелье-пектораль», украшенное коброй из листового золота. Затем идут следующие слои ткани.

Из ящиков затем были извлечены три браслета, два из них представляли собой простые нити из золота, один с лазуритовой бусиной, другой с сердоликовой, а третий браслет вызвал огромный интерес, поскольку священное око на нем было изготовлено из железа. Этот металл, чужой для Египта и почти не применявшийся в то время, на мумии фараона появляется в трех местах. Тут жрецы положили на грудь властителя магические золотые узлы, которые носили только боги, а выше – еще два больших ожерелья, одно – «ожерелье Нехбет», в виде коршуна, состоящее из 256 кусочков золота, и другое – «ожерелье Гора». Далее шло следующее широкое ожерелье, почти идентичное первому, но сделанное из тонколистового золота. Четыре подобных же украшения, вырезанные из того же металла, потребовались, чтобы окончательно защитить грудную клетку: одно представляло собой копию воротника из бус с двумя соколиными головами, второе изображало крылатый урей, третье – двух богинь, змею и коршуна, и четвертое – одного коршуна. Под ними на золотой нити был подвешен скарабей из черной смолы, с инкрустацией из цветного стекла, представляющей феникса, или возрождающегося бену.

Саркофаг фараона точно воспроизводит положение мумии: руки сложены на груди, левая лежит поверх правой. Сначала пеленали пальцы, затем кисти, предплечья и плечи, затем руки складывали и закрепляли тканью в таком положении. Грудь и

живот к тому моменту уже были запеленуты, рядом с левым и правым запястьями жрецы клали пять и восемь колец из золота, лазурита, халцедона, бирюзы и черной смолы. На них имелись печати с именем царя, а на некоторых был изображен скарабей. Браслеты мумии можно разделить на две совершенно разные категории; на локти надевались самые простые, из золотых полос; в правый был вставлен зеленый необработанный камень и шесть амулетов в форме священного глаза; в левый – три бусины и исключительно изящный амулет из сердолика, изображавший лебедя, поддерживающего солнечный диск крылом, – этот мотив появляется в «Книге мертвых» в связи с превращениями бога солнца.

Предплечья, однако, покрывались богатыми и тяжелыми браслетами – семь на правой руке и шесть на левой. Золото, сердолик, золотые сплавы, полудрагоценные камни и стеклянная паста образуют на них узоры, состоящие почти целиком из изображений священного ока веджет и скарабея.

Каждый палец по частям отправляли в золото; особенно подчеркивали ногти и верхние суставы. Золотые печатки надевались на безымянный и средний пальцы левой руки.

После закрепления первых слоев ткани золотые напаличники появлялись и на ногах, и, наконец, под напевные заклинания жреца-чтеца золотые сандалии надевались на ступни фараона, чтобы он топтал ими своих врагов. Когда бальзамировщики перевязывали те места, где были мускулы, они подкладывали туда жгуты из льняной материи, чтобы придать телу, высушенному едким натром, естественную форму; они также вставляли между ног перевязанный детородный орган в возбужденном состоянии. На бедра и между ними клали семь браслетов, разделяя их тремя слоями ткани; на колени и голени надевалось еще четыре браслета из инкрустированного золота с противовесами.

Поверх первых слоев ткани талию охватывал пояс из золотых и покрытых глазурью терракотовых бус; несколько выше находилась пектораль из ярко-синего лакированного фарфора в виде глаза веджет. Оно поддерживало ожерелье из сверкающих бус, изготовленных из того же материала. Разделяющие эти древние символы бинты оборачивались несколько раз вокруг таза и закреплялись поясом из золотого листа. Ноги мумии жрецы покрывали чем-то вроде узкого фартука, состоящего из двадцати рядов глазурованных терракотовых и стеклянных бус, а также небольших золотых украшений. Затем мумию переворачивали, и хвост, который носили все фараоны, начиная с Нармера при I династии, прикрепляли к поясу и оборачивали бусами. На пояс

надевали кинжал, украшенный золотом, полудрагоценными камнями и стеклянной пастой, – рукоять справа, острие направлено к левому бедру. Лезвие и ножны изготовлены из золота; с одной стороны ножен – рисунок в виде перьев, на другой стороне воспроизведена сцена охоты, где по всей длине ножен животные, настроенные дружелюбно к человеку, – две собаки, два ручных льва и гепард, – набрасываются на диких и злобных животных, как, например, буйволы и козлы. С помощью церемониального кинжала, лезвие которого стало неуязвимым благодаря магическим ножнам, мертвый человек мог поразить всех демонов на своем пути. Вскоре эти предметы исчезали под новыми повязками. С левой стороны живота, под распевное произношение догматов веры, параллельно втирая мази, жрецы клали ожерелье из темно-синих глазурованных терракотовых бус, вероятно соответствующих «ожерелью из лазурита», уже изображавшемуся на гробах Среднего царства. Рядом с ним клали инкрустированный золотом браслет и несколько других браслетов одного и того же типа вдоль ног бальзамируемого тела. Талию охватывал еще один золотой пояс, а вдоль правого бедра ложилась одна из самых драгоценных вещей царя: его кинжал с набалдашником из горного хрусталя, лезвие которого было сделано из удивительного металла – железа. (Когда гробница была обнаружена, оно все еще сверкало как сталь.) Ножны кинжала были изготовлены из золота в виде изящного листа пальмы. С левого бока мумии в ткань завертывали еще одну важную вещь – овальную золотую пластину, символически предназначавшуюся для защиты надреза, сделанного бальзамировщиками для удаления внутренностей фараона. Знак Т-образной формы, вырезанный из золотого листа, клался на левую сторону живота и верхнюю часть левого бедра; поверх него закреплялся другой, Y-образный символ, воспроизводящий иероглиф тканых материалов и предназначавшийся для того, чтобы исключить разрушение повязок. Далее следовали новые слои ткани.

Наконец, мумия заворачивалась в большое льняное полотно, которое удерживали четыре поперечных полосы ткани и три полосы, ложившиеся вдоль тела. На голову мумии надевался своего рода колпак, имитировавший головной убор Осириса, чтобы заполнить промежуток между макушкой и верхней частью золотой маски, которую медленно и осторожно опускали на лицо молодого царя под монотонное пение. Читая соответствующую главу из «Книги мертвых», один из жрецов также подкладывал под затылок мумии грубо сделанный железный подголовник. И это третий предмет из редкого металла в саркофаге Тутанхамона.

Символика предмета и чудесное тепло, которое он выделяет, позволят царю поднять голову, когда солнце взойдет на горизонте.

Мастер, который изготовил маску из чеканного золота, умело передал тонкие и довольно меланхоличные черты лица самого младшего сына Аменхотепа III. Профиль настолько походил на профиль царицы Тии, что некоторые из совершающих богослужение жрецов, которые сохранили преданность амарнской семье, отметили это сходство, возлагая маску, и указали на прекрасный портрет царицы из эбенового дерева, находившийся в Файюме. Две небольшие черточки в уголках рта придавали живость лицу; глаза и брови были сделаны из голубой стеклянной пасты, не обошлось и без ритуальной бороды Осириса. Золотых дел мастер тщательно скопировал маленькие уши царя с мочками, проколотыми в детстве для серег, но почему-то не заметил след от несчастного случая – глубокий шрам на левой щеке в области челюсти. Коршун и кобра красовались в центре великолепного погребального головного убора, или немеете, инкрустированного голубой стеклянной пастой. Маска оканчивалась широким воротником из нескольких рядов бус, изготовленных из лазурита, кварца и полевого шпата; на каждом плече крепилась голова сокола. Вокруг шеи, под бородой, один жрец привязывал три ряда дискообразных желтовато-золотистых, красно-золотистых и покрытых голубым лаком бус из глины. Второй служитель культа прикреплял к золотой полоске большого скарабея из черной смолы со священным текстом феникса. Две золотых руки, сложенные на груди и держащие посох и цеп Осириса, пришивались к льняной ткани. Пектораль рядом изображала птицу-душу с распростертыми крыльями и головой человека. Тяжелые золотые полосы, соединенные вместе с помощью ниток из бус, образовывали внешний кожух; при этом две доходили до самых ступней. Четыре таких же поперечных полосы покрывались религиозными надписями, посвященными возрождению царя, и обращениями к богам, которые защитят его: «О, Осирис, царь Небхепруре, твоя душа живет и твои жилы полны крови. Ты вдыхаешь воздух и возникаешь (в свете дня) подобно богу…» На золотых полосах с текстами из «Главы сердца» «Книги мертвых» видны следы имени Сменхкара, и, хотя они, вероятно, были изъяты из его гробницы, жрецов это, по-видимому, ничуть не беспокоило. Брат царя был забыт, а теперь требовалось отправить в мир вечности Тутанхамона, снабдив его соответствующим погребальным инвентарем.

За день до похорон мумию, полностью подготовленную и украшенную, переносили обратно в царский дворец и клали на

большое золоченое ложе в форме животного. Маска царя с тонкими чертами лица выражала полное спокойствие и сияла вечной молодостью, с которой он только что расстался, но которую обретет навечно среди богов. На других саркофагах придворные мастера золотых дел придали лицу фараона выражения усталости и трагизма, но эти изображения, наложенные одно на другое, предназначались для передачи тех стадий, которые ему предстояло пройти. Третий саркофаг, из чистого золота, ближайший к мумии, предполагал триумф над смертью и человеческими страданиями. Золотая маска свидетельствовала о возвращении монарха к жизни; она означала «возрожденное существо», феникса, бену, как утверждали надписи, высеченные на обратной стороне нагрудной пластины. Согласно египетской легенде, чудесный феникс поднимется, сияя, из вод на рассвете дня, заливая все вокруг ярким светом, возродившийся заново, подобно солнцу. Золотая маска показывала воскресшего царя, утверждая божественность его тела. «Слава тебе, – было выгравировано на обратной стороне нагрудной пластины, – твое лицо живое… твой правый глаз – это лодка ночи (манджет), левый глаз – лодка ночи (мескетет)». Эти символические лодки перевозили солнце во всех его дневных и ночных странствиях, и Тутанхамон, таким образом, приобщался к самой сути солнца и луны, и его бессмертие окончательно оформлялось.

Итак, в одно апрельское утро 1343 г. до н. э. над встревоженными Фивами взошло солнце. На восточном берегу Нила, в северной части города, жрецы Амона держали последний священный совет: должны они или не должны присутствовать на погребении младшего брата еретика, чье тело, даже снаряженное в последний путь, несло, как утверждали многие, знак Атона, возлюбленного бога амарнского предателя? Хотя умерший царь официально отрекся от поклонения Шару, на его золотом троне имелось изображение небесного светила, с ладонями на концах лучей, сулящими жизнь молодой царской чете. Однако он был вынужден сменить имя, и теперь только Амон фигурировал в перечне его официальных титулов; его погребальный инвентарь изготовили в строгом соответствии с прежними обрядами Осириса. Вместе с тем если еще оставался шанс избежать захвата власти со стороны Эйэ, то жрецы не должны одобрять погребальные ритуалы, которые старик проведет как наследник трона. Военачальник Хоремхеб также пребывал в нерешительности, но он не зашел настолько далеко, чтобы преградить путь в Фивы визирю Севера, который был вызван на похороны, равно как и «Божественный отец», визирь Юга.

Хоремхеб колебался, не решаясь пересечь реку и последовать за процессией, таким образом втайне симпатизируя последним членам амарнской семьи. В любом случае ему хотелось подчеркнуть свое негативное отношение к дворцовым интригам, которые он последнее время решительно пресекал.

На левом берегу Нила, южнее большого заупокойного храма Аменхотепа III, двор Малькаты пробудился от долгого периода молчаливого траура. Мужчины царской семьи и их приближенные обрили головы, шли приготовления к заупокойной трапезе, призванной покончить с затянувшимися неделями поста и трезвости. Женщины из гарема приготовили простые траурные туники из голубовато-белого льна, которые они будут рвать на себе и посыпать дорожной пылью во время погребальной процессии. Задолго до рассвета служанки уже работали в садах дворца (что предстояло им и во все время похорон), срывая цветы, из которых поспешно составляли сложные букеты, венки и гирлянды, предназначавшиеся не только для фараона, но также для гостей, которые соберутся на заупокойную трапезу.

В ногах мумии Анхесенамон, молодая вдова, нараспев произносила религиозные тексты, посвященные воскрешению, исполняя роль Исиды у тела Осириса. Другая представительница царской семьи, стоявшая у изголовья ложа, воплощала Нефтиду, богиню-сестру Осириса, которая помогала Исиде обряжать убитого бога. Вскоре появлялись жрецы. Несмотря на отчаянные моления женщин, пытавшихся во исполнение ритуала удержать мертвого царя, они забирали мумию, переносили ее в перистиль и помещали на похоронные дроги в форме ладьи под огромным балдахином, которые стояли на салазках. Рыжие буйволы, символ Нижнего Египта, колыбели древней религии, везли бесценную ношу к заупокойному храму. За ними следовала многолюдная процессия: подобной ей эти места не видели со времени похорон Аменхотепа III – Небмаэтре.

Особую группу, именовавшуюся «Девять друзей царя» и символизировавшую тайный совет древних царей севера, возглавлял сановник, называвшийся «Устами Бога» или «Преданным Богу», который отвечал за буйволов, приносимых в жертву царю; он был облачен в ритуальный капюшон и держал в руках трость с набалдашником. На всех знатных людях, принимавших участие в погребении, были белые сандалии, как того требовала их роль. Процессия, состоящая из мужчин, включала, что вполне естественно, всех жрецов, которые принимали участие в бальзамировании, а также многих других сановников. Женщины шли отдельно, и на царице, «жене бога», были такие же белое траурное платье и головная повязка, как и

на остальных. Между двумя группами мужчин и женщин придворные несли основную утварь, которую предстояло поместить в «вечное жилище». Сюда входили троны, ложа, сундуки с драгоценностями и парадными одеяниями, вазы и сосуды с мазями, кувшины для вина, ларцы с подношениями, золотые колесницы, оружие, игры, ритуальные статуи и погребальные статуэтки, светильники и ладья. Четыре канопы, каждая из которых находилась в отдельном саркофаге, окружала процессия, аналогичная той, которая сопровождала тело почившего фараона. Жрецы, шествовавшие впереди салазок, периодически совершали возлияние молоком, которое делало возможным воскрешение царя и обеспечивало ему вступление в мир богов. Погребальные песни профессиональных плакальщиц заглушали стоны и плачи людей на обоих берегах Нила, пришедших проводить своего царя в последний путь.

Наконец процессия достигала канала, соединявшего Нил с заупокойным храмом. Там уже ждали лодки, в которые садились все участники шествия. Плакальщицы устраивались на крышах кабин и продолжали свои причитания, пока жрецы, под руководством распорядителя церемонии, направляли флотилию по пути, установленному в древнем ритуале. Чтобы возродиться, умерший царь должен был совершить символическое путешествие в священные города в дельте Нила, куда с незапамятных времен всегда отправлялись египетские фараоны, в том числе в Буто, царский некрополь. Эти основные пункты соответствовали четырем сторонам света. Саис, на западе, представлял собой некрополь, где совершалось захоронение тела; в Буто, на севере, с его знаменитым каналом проходили основные стадии превращений в изначальной пучине, соответствующей водам, окружающим неродившегося ребенка; Менде, восток, название которого изображалось двумя столпами Осириса, символизировал воздух. В этом месте, как повествуют древние тексты, воссоединились Шу и Тефенет, или, согласно 17-й главе «Книги мертвых», именно здесь слились воедино души Осириса и Ра. Путешествие завершалось в южном городе, Гелиополе; это был город солнца, олицетворявший собой четвертый элемент – огонь, город, где вечно юное небесное светило вставало во славе над горизонтом между двух холмов.

На каждой остановке жрецы, совершавшие ритуал, сходили на берег и снимали покрывала с соответствующих статуэток артефактов. На озаренном солнцем берегу оставляли подношения. Наконец, лодки причаливали у пристани заупокойного храма. Жрецы заупокойного храма ожидали прибытия мумии и всех сопровождающих в тени зала, где

«Божественный отец», Эйэ, должен был совершить первый акт своего краткого правления в качестве фараона.

На рассвете молодая вдова, наследница трона, официально назвала его своим соправителем, и это решение Анхесенамон остановило, по крайней мере на какое-то время, другого претендента, поддерживаемого армией и жрецами Амона. Эйэ, сменившему царя-ребенка, дедушкой которого он, возможно, был, теперь предстояло совершить то, что совершает обычно сын для своего отца, как сделал это Гор после смерти Осириса, а именно исполнить церемонию «отверзания уст и очей», или, другими словами, возвращения мумии всех ее чувств. Многочисленные подготовительные обряды совершались над статуями умершего царя; каждому жрецу святилища была отведена определенная роль. Вся церемония длилась полных четыре дня, и в конце ее появился новый царь Эйэ в облачении жреца, в шкуре леопарда, символизировавшей его предназначение искоренителя зла, и синей кожаной короне хепреш, готовый исполнить свою обязанность. Мумии подносили переднюю ногу и сердце только что принесенного в жертву буйвола. Эйэ брал большой нож и, совершив последние магические пассы, прикасался к губам и глазам мумии, чтобы открыть их навеки.

На следующий день, на рассвете, процессия вновь отправлялась в путь, на этот раз двигаясь в направлении некрополя. Плакальщицы опять принимались громко рыдать, а мужчины несли длинные стебли папируса, символ царства Хатхор, куда предстояло отправиться Тутанхамону. Рыжих буйволов уже не было; теперь «Девять друзей» и два царских писца – юга и севера – тянули канаты, привязанные к похоронным дрогам, за которыми следовали высокие сановники. В некрополе танцовщицы, наряженные, подобно древним духам Буто, в короткие набедренные повязки и высокие головные уборы из тростника, появлялись из будки, повторявшей форму древнего северного святилища, и исполняли ритуальный танец, двигаясь навстречу процессии. Тутанхамона, таким образом, приветствовала земля, в которую он вскоре будет положен и которая в соответствии с представлениями древних поможет ему заново создать свое тело.

В гробнице, которую едва успели закончить, росписи еще не просохли на трех стенах погребальной камеры. Четвертую стену можно было возводить и расписывать только после того, как содержимое похоронных дрог, которые оказались слишком велики для такого помещения, будет перенесено и расставлено вокруг саркофага. Саркофаг делали в спешном порядке, и его крышка была высечена не из прекрасного плотного песчаника, а

из окрашенного в тон гранита.

Пока жрецы в гробнице раскладывали и расставляли все вещи на положенные места, ответственные за «ожерелья погребальной процессии» извлекали из сундуков великолепные длинные цепи, которые предстояло надеть на шею царя. К этому моменту мумию сняли с дрог и с величайшей осторожностью поставили в вертикальном положении у входа в гробницу на свеженасыпанный слой мелкого песка. Было совершено обливание водой в честь великих богов мифа об Осирисе. Затем на мумию надели «корону оправдания» из оливковых листьев, лепестков голубого лотоса и васильков, и царь Эйэ подтвердил отверзение уст с помощью ритуальных жестов, держа в руке оружие. Каждое его движение сопровождалось произнесением формул из «Книги мертвых». После всех этих церемоний мумия Тутанхамона, утопавшая в огромных и искусно составленных букетах цветов, уже могла сбросить узы смерти, лишь на время сковавшие его тело и душу. Она воскресала, поскольку Эйэ, исполняя роль верховного жреца, вернул сбежавшую аниму (или душу) телу, которое отныне будет спокойно шествовать по дороге к бессмертию.

Когда пришло время положить мумию в саркофаг, женщины царской семьи, отделившись от профессиональных плакальщиц, устремились к телу и припали к его ногам. Анхесенамон так крепко обняла тело, что дорожная пыль, которой она посыпала себя, попала на кожух. Тей, жена нового царя и бывшая «кормилица» Нефертити, Мутнеджмет, сестра Нефертити и тетя Анхесенамон, а также оставшиеся в живых дочери Эхнатона принялись голосить, выражая обыкновенное человеческое горе и нарушая атмосферу величественного смирения. Одновременно были разбиты сосуды из красной глины.

Я твоя жена, о великий, не покидай меня!
Неужели такова твоя воля, о, мой брат,
чтобы я отдалилась от тебя?
Неужели я могу уйти одна?
Я говорю: «Я последую за тобой, о, ты,
кто любил советоваться со мной»,
Но ты молчишь и ничего не говоришь!

На это придворные дамы, скорбя и плача, отвечали:

Увы, увы!
Возвысь, возвысь свои нескончаемые стенания!
О, что за погибель!

Прекрасный путник отправился в край вечности.
Здесь он схвачен!
Ты, у кого было много друзей,
Ты – в земле, которая любит уединение!
Ты не двигаешь ногами и не шествуешь по земле,
Ты – в пеленах, которые сковывают тебя!
Ты, у кого было множество одежд изо льна и который не любил их носить, —
Ты лежишь во вчерашнем ношеном одеянии!

Когда мумию внесли в гробницу, Анхесенамон не оставила ее; она в сопровождении нескольких жрецов и двух самых преданных друзей царя, Нахтмина и Майя, вошла вслед за Эйэ внутрь. Вдова следовала за бренными останками царя вместе со своими сестрами, Меритатон возложила палетку из слоновой кости к подножию статуи Анубиса, и Нефернеферуре, которая прибавила ко всем сокровищам инкрустированную коробочку, на крышке которой помещался ее собственный портрет из цветной эмали. Большая часть мужчин покинула гробницу, разложив все требуемые предметы в восточной камере. В «прихожей» (южной комнате) рабочие поспешно собирали золоченые усыпальницы золотой камеры (или западной камеры). Мумия уже была положена в изумительный по красоте саркофаг из чистого золота. Перед тем как закрыть его крышкой, тело еще раз умастили мазями, на шею возложили венок из свежих цветов и листьев для приготовления к пиру вечности, к которому погребальный эскорт, завершив все церемонии, также присоединится.

Тяжелый саркофаг помещался во второй, деревянный и инкрустированный золотом саркофаг, и тот, в свою очередь, оборачивали тонкой льняной материей, при этом грудь умершего фараона украшали гирляндой из оливковых и ивовых листьев с цветками голубого лотоса и василька. «Корона оправдания» возлагалась на материю поверх священной змеи и коршуна царского головного убора. Наконец, третий позолоченный саркофаг принимал драгоценную ношу, после чего он закрывался, и новая «корона оправдания» надевалась поверх изображений священных животных. В заключение все это заворачивали еще в несколько слоев льняной материи. Все исключительно тяжелое сооружение помещали в золотую комнату. Углы саркофага из красного песчаника украшали статуэтки крылатых богинь: Исиды – на северо-западе; Нефтиды – на юго-западе; Нейт – на северо-востоке и Серкет – на юго-востоке. У южного края саркофага стоял высокий столп джет, символ Осириса, раскрашенный

яркими красками.

Последние погребальные обряды проводились относительно быстро, и только несколько жрецов и Май, начальник работ, остались проследить за установкой гранитной крышки. Несомненно, из-за ограниченности пространства это оказалось трудным делом; во-первых, последний, деревянный саркофаг пришлось укоротить, так как иначе крышка не закрывалась, а когда плотники сделали свою работу, крышка упала и разбилась пополам. Трещину замазали и выкрасили под цвет песчаника.

Тем временем один из сановников вынимал из ящика, на котором иератическим письмом было помечено, что он содержит «печати погребальной процессии» (этот ящик археологи обнаружили в «прихожей»), те самые печати, которыми и помечал глиняные шарики, приготовленные его помощниками. Также опечатывались все сундуки из черного дерева и ларцы с украшениями, которые были выставлены на всеобщее обозрение во время мистического паломничества и шествия. Затем закрывали большой сундук, содержащий канопы, и маленькие саркофаги с двумя зародышами. Обряд очищения был совершен над ними у входа в гробницу.

Когда установили последнюю панель внешней позолоченной усыпальницы, можно было расставить все оставшиеся предметы по своим местам. Жрец закрывал двери четырех усыпальниц, одну за другой, и запечатывал их, после чего каменщики начали возводить стену из кирпича, которая отделила золотую комнату от прихожей. На следующий день кладка затвердела, и на этой, южной стене были помещены изображения богов. Оставался только небольшой проход, который впоследствии также был заделан, как и все проходы в гробнице, за исключением входа в северную камеру.

Снаружи настала ночь, и вспыхнувшие факелы осветили огромный шатер, разбитый в некрополе для заупокойной трапезы. Период оплакивания завершился, и приглушенные крики скорбящих стихли. На каждом госте было ожерелье, подобное тому, которое возложили на золотой саркофаг фараона; оно состояло из разных элементов, расположенных в девять рядов; крохотные голубые бусы в форме дисков из покрытой глазурью керамики перемежались миниатюрными фруктами, ивовыми и пальмовыми листьями, цветами василька и голубого лотоса и других растений, включая ломтики мандрагоры, знаменитого плода любви.

Звуки и ритмы песен и танцев, исполняемых во время тризны, соотносились с актом творения, и ритуальное возлияние богине Хатхор, стражнице умерших и покровительнице влюбленных,

призвано было помочь усопшему, который, хотя и оставался невидимым, присутствовал на этом пире любви, переродиться в новое существо. Мази, которые ранее обильно наносились на мертвое тело, чтобы восстановить его плоть, теперь выливались на головные уборы гостей, стекали по телам собравшихся во время трапезы.

Еще одно приношение усопшему царю свершится на следующем пиру в течение того же месяца, и в заупокойный храм будут назначены жрецы, которые станут следить за соблюдением культа скончавшегося фараона. Но прежде чем живые покинут некрополь, требовалось поместить в специальное хранилище не только тарелки, использовавшиеся для ритуальной трапезы, и ткани, которые могли соприкасаться с погребальной маской большего из двух мумифицированных зародышей, но также прекрасные ожерелья – последнее связующее звено между живыми и мертвыми, – надевавшиеся в часы мистического опьянения, чтобы помочь молодому царю, находившемуся в одиночестве в темной гробнице, отыскать свой путь к бессмертию.

Глава 8
ВОСКРЕСЕНИЕ УМЕРШЕГО БОГА

Царь, который официально вернулся к традиционной религии после периода амарнской ереси, был, разумеется, похоронен по древнему обряду. Поэтому мумифицированное бренное тело Тутанхамона преобразилось в тело Осириса. Осирис умер и ушел из мира людей, но обрел нетленное тело благодаря заботам божественного семейства.

На помощь был призван весь пантеон богов и духов, вся сила магии была задействована для того, чтобы Осирис достиг конечной стадии своих трансформаций: зари воскресения. После мучительных поисков путей к возрождению умерший Осирис воскресал в образе встающего солнца, Ра. В этом заключались два основных принципа египетской религии, простой, но величественной. Осирис и Ра и не были разными сущностями, они представляли собой два аспекта, мертвой и живой единой силы, суть которой египтяне старались выразить и объяснить всевозможными способами, в том числе используя бесчисленное множество символов.

На стенах царских гробниц XVIII династии от Тутмоса I до Аменхотепа III представлены изображения, которые в целом без всяких натяжек можно назвать «книгой»: они рассказывали о двенадцатичасовом ночном путешествии солнца к своему новому рождению. Это произведение известно как «Книга Ам-Дуата» (или «То, что находится по ту сторону жизни»). Ни в одной из царских гробниц этого периода нет ни иллюстраций к «Книге мертвых», ни бытовых сцен, которые так радуют наш глаз в молельнях знатных людей. До амарнской ереси в гробницах властителей Фив воспроизводилась драматическая история созревания солнца и его нового рождения на пятом часу, когда ладья бога скользила над пирамидой, оберегавшей божественное яйцо, из которого появлялось солнце. Символом являющегося бога выступает скарабей, которого можно видеть на носу солнечной ладьи, возникающей на горизонте через двенадцать часов.

В еретический период в Тель-эль-Амарне цари и простолюдины прекратили применять традиционные погребальные обряды. Гробница Тутанхамона, очень скромная по архитектуре и внутреннему убранству, ознаменовала собой возврат к обычаям предков. Изображенные на западной стене золотой комнаты двенадцать бабуинов и ладья умершего солнца символизировали первый час ночи. Этой символики, по-

видимому, было достаточно для того, чтобы Осирис мог отправиться в свое странствие к солнечному возрождению. Для украшения гробницы надлежащим образом, с должной пышностью и блеском времени не было, но в ней находилось все, что в соответствии с предписаниями должно было окружать тело усопшего, которому предстояло стать нетленным, подобно божественной плоти, золоту, покрывавшему его.

В тени подземелья, над которым возвышалась естественная гигантская пирамида фиванского пика, умершему фараону предстояло пройти через разные этапы превращений, символически обозначенных в погребальной церемонии, чтобы подготовить его к великому путешествию. В гробнице Тутанхамона эти обряды были запечатлены на восточной стене и части северной стены погребальной камеры. Последний магический жест нового царя, Эйэ, над мумией позволили Осирису, Тутанхамону, вступить в иной мир, где он был принят «Правительницей Неба Нут, владычицей богов», которая совершала возлияние.

Фактически все, необходимое для драматического и тонкого превращения, было собрано в четырех помещениях гробницы, и, несмотря на учиненный ворами разгром, можно установить, что все погребальные сокровища располагались определенным образом.

Главным помещением во всех царских гробницах являлась золотая комната, где располагались саркофаги и мумия. Из нее дверь вела в небольшую комнату, которую археологи назвали «сокровищницей», где располагался один из наиболее важных предметов: огромный саркофаг с канопами, куда во время бальзамирования помещались внутренности умершего. В теле оставалось только сердце. Содержимое каждой канопы было посвящено определенной богине, и на их крышках были вырезаны головы четырех сыновей Гора. Каждый из этих духов в действительности являлся высшим воплощением одного из органов умершего: Имеет, юго-запад, соотносился с печенью, которую оберегала богиня Исида; Хапи, северо-запад, – с легкими, охраняемыми богиней Нефтидой, которые должны были обеспечить воссоединение оживленных органов с телом, что давало возможность возрождения. Поэтому никакие двери не отделяли небольшую комнату, в которой хранились канопы, от погребальной камеры, где лежала сама мумия.

Все артефакты, необходимые для воссоединения тела царя, использовавшиеся еще в архаических обрядах в окрестностях болот Буто, были сосредоточены у стен и в усыпальнице с канопами, а некоторая их часть находилась в двадцати двух

черных деревянных реликвариях. Эти мистические обряды уходят своими корнями в глубь веков, так что некоторые моменты могли быть непонятны даже тем, кто принимал в них участие; однако общеизвестно, что в ходе этого действа происходило развитие зародыша возродившегося божества.

Некоторые изображения имеют ясный смысл, например Тутанхамон в своей папирусной лодке, охотящийся с гарпуном на невидимое животное, что символизирует победу чистоты и праведности над демоном болот, часто предстающим в образе гиппопотама. Но каково было назначение божества, называемого Менхерет, которое несет на вытянутых руках царя с красной короной на голове? Хотя назначение многих предметов до сих пор непонятно, мы все же имеем возможность проследить шаг за шагом таинственный процесс магического созревания.

Разнообразные ладьи и корабли, предназначенные для последнего странствия, понесут умершего, вновь ставшего зародышем, по водной глади в утробе матери-богини. Подобно сыну Осириса в болотах Чеммис, в дельте он встретится с демонами, которые нападут на него, как Сет напал на сына своего брата. Побеждая зло и поразив гарпуном демона, хранимый благосклонным гепардом, который переносит его на своей спине, умерший преодолевает различные препятствия. С помощью Менхерет умерший, находясь в «растительной» фазе своего развития, проследует, при поддержке богов главных городов, к конечному пункту своего путешествия в бездне.

Все деревянные предметы, которые были позолочены и покрывались черной краской – в Древнем Египте цвет возрождения, а не скорби и траура, – несомненно, имели некое отношение к этим древним обрядам. Легенда об Осирисе однозначно ссылается на них, когда говорит, что богиня Исида, зачавшая сына от умершего Осириса, в которого она своей магической силой вдохнула новую жизнь, прятала ребенка в болотах. Определенно данный эпизод относится ко времени беременности богини и связан с судьбой ребенка, которого она носила в себе, а не к младенчеству Гора, как считалось ранее. Вместе с тем значение многих других символов остается неясным; гусь Амона, обнаруженный между золотыми усыпальницами, имеет отношение к тем же обрядам, и известно, что образ этой птицы как-то связан с рождением солнца. Две статуэтки царя-ребенка в образе бога Ихи, играющего на систре, сына богини Хатхор, также соотносятся с мифами о рождении.

Что касается изображения головы священной коровы богини Хатхор среди густых зарослей папируса, то оно, вероятно, связано с одной очень древней легендой, которая существует в трех

вариантах и берет свое начало в мифе о Горе. Хесе, корове, второй ипостаси богини Исиды, матери Анубиса, отождествляемого с Гором, родной сын перерезал горло. Убийца был наказан, его кожа с мясом отделены от костей, и бог Тот восстановил порядок. Из кожи преступника богиня сделала знаменитый небриде, который, как известно, принадлежал богу Анубису, и наполнила его мазью, сделанной из ее молока, которая позволяла восстанавливать плоть умерших и их кожу. Именно эту мазь богиня-мать Исида давала мертвому, который, таким образом, становился ее сыном Гором.

В черных сундуках помещалось множество черных статуэток ушабти – некоторые покрыты золотом практически полностью, за исключением их лиц, другие – с элементами из драгоценного металла, – изображавшие умершего царя. Это, так сказать, были его слуги, но не в нашем, современном понимании. Скорее они воплощали определенные аспекты умершего человека и помогали ему в разных непредвиденных ситуациях, являясь на его зов. Возможно, в древние времена в Египте, как это бывало с другими цивилизациями, царских слуг систематически предавали смерти, когда умирал их хозяин.

Чтобы помочь умершему восстать и заново родиться, на дне гробницы помещалась в саркофаге большая плоская статуя Осириса, посыпанная смоченными водой зернами. Зерна вскоре прорастали, и их молодые побеги обещали дать обильный урожай. Этот магический обряд призван был воссоздать процесс воскрешения. Тело, которое должно было самовосстановиться, имело серебряные кости своего отца и золотую кожу и плоть, унаследованные от матери; вероятно, чтобы подчеркнуть постоянство этих элементов, в двух саркофагах, помещенных один в другой, лежала статуэтка Аменхотепа III, отца царя, и локон царицы Тии. Все было сделано для того, чтобы подготовиться к новому рождению.

После первых двух этапов путешествия – в Саис и Буто – третья остановка делалась в Менде, в восточной части дельты Нила, где был вновь воздвигнут столп джет и голова воссоединилась с позвоночником принесенного в жертву бога; на этом месте неродившееся существо получало две свои души: душу прежнего тела, Осириса, и душу нетленного тела, Ра.

С этими двумя сущностями, соотносимыми с зародышем, можно связать два аспекта индивидуальности умершего человека и два принципа, один из которых является мужским, а другой, вероятно, женским: половой орган мужчины и вульва, или, иначе, две царские короны. Этим двум принципам соответствовали две плаценты, упоминаемые в текстах, из которых одна, невидимая,

оставалась при рождении «неявленной формой царя». Если принять сказанное в качестве основы египетских погребальных обрядов, тем более что подобные верования широко распространены по всей Африке, то можно понять, почему два небольших саркофага с именем Тутанхамона содержали мумии двух семи-восьмимесячных зародышей, один из которых был, судя по всему, женского пола. Трудно поверить, чтобы среди специально подобранных артефактов нашлось место для двух мертворожденных (предположительно) детей Тутанхамона и Анхесенамон. Почему царские дети, умершие раньше своего отца, были погребены в его гробнице? Нет никаких доказательств, опровергающих или подтверждающих эту гипотезу, однако характер архаичных ритуалов в дельте Нила заставляет рассматривать миниатюрные мумии как эквиваленты двух плацентарных (хонсу) изображений в могиле Хоремхеба, где равно как и в разграбленных гробницах Аменхотепа II и Тутмоса IV, сохранились также отдельные предметы, непосредственно связанные с этими ритуалами.

Подобно Гору, в болотах Чеммис божественная ипостась фараона до своего нового рождения подвергалась всевозможным опасностям. Исида должна была присматривать за ним, и «хозяйке двух очагов» полагалось раздувать пламя факелов и светильников, дабы рассеять тьму и разогнать ее порождения. Для того чтобы бог Шед, подобно Гору, спасителю, мог разделаться со злодеями, прячущимися в тени, в гробницу помещали легкие охотничьи колесницы, луки и стрелы. Мерзкие демоны были представлены в образе животных, пронзенных стрелами и искусанных собаками (подобные изображения можно видеть на колчане около колесниц). Также повсюду запечатлен гепард-защитник, преследующий врага.

Покрытые надписями с царскими титулами или магическими иероглифами, ларцы содержали украшения и драгоценности, которые призваны были ускорить «становление» фараона; глаз веджет сулил возрождение его существа; божественные ладьи были украшены символами солнца во всех формах, а скарабей, представляющий собой центральную часть имени царя, символизировал превращение на пути к новой жизни. Наконец, сам Осирис, или столп джет, символ восстановленного тела, занимал центральную часть свода: его окружали либо богини Нефтида и Исида, главные защитницы мумии, либо две богини Верхнего и Нижнего Египта (также отождествляемые с двумя плацентами), Нехбет, коршун Юга, и Уаджет, кобра Севера.

В свете сказанного становится понятно назначение маленького саркофага из черного дерева, поднесенного Майем, с

изображением царя на смертном ложе. Он должен был оставаться в комнате, где проводились обряды возвращения к жизни, до тех пор, пока души мумии (две птицы по сторонам от тела на скульптуре Майя) не возвратятся в нее. Три четверти подземного путешествия, таким образом, оставались позади, и новое существо, все еще пребывающее во мраке, но уже пробудившееся к жизни, приступало к последнему этапу превращений, предшествующих его возрождению в образе солнца.

Именно поэтому бдительный Анубис, задрапированный в льняное полотно, взирал на золотые усыпальницы со своего сундука у входа погребальной камеры. На его шее сверкало ожерелье и нечто вроде шарфа, длинные концы которого падали на передние лапы. С Анубисом, шакалом с человеческими глазами, иногда сравнивали юных принцев. Согласно некоторым мифологическим текстам, Анубисом был сам Гор, также отождествляемый с божеством-ребенком Гарпократом. Его имя, каким мы его находим в джумилхакском папирусе, хранящемся в Лувре – Анп(у), – представляет собой иероглиф «А», обозначающий ветер; «Н» – воду; «П» – гибель, каменистую пустыню. По странному совпадению они оказываются атрибутами трех из четырех главных мест, которые умерший обязан был посетить во время своего путешествия по священным городам дельты Нила, Менде, Буто и Саиса.

Анпу-Анубис, часто именуемый Имуут, то есть «тот, кто находится в коже (или плаценте)», следовательно, представляет неродившегося ребенка, вроде Гора, младенца в зарослях папируса, в самом сердце чеммисских болот дельты Нила. Ему остается пройти последний ритуал, дарующий ему власть над огнем, прежде чем ступить за горизонт мира, уподобившись восходящему солнцу.

Покидая это помещение, соотносимое с северными болотами, гость невольно бросает взгляд на Анубиса.

Согласно надписи на храме в Абидосе именно он внушает страх Осирису и называется «богом северных врат», ибо он охраняет подходы к болотам севера. Анубису суждено возрождение: таково значение фигуры черного шакала, по-прежнему таящегося в тени, и «властителя мумификации». В центре неба, на зодиаке Дендера, божество, чья жизнь написана звездами, также изображено в виде шакала, стоящего на задних лапах; это Вепвавет, «тот, кто открывает путь».

Возможно, из-за связи Анубиса, «хозяина ларцов», с писцами и свитками папируса палетка царевны Меритатон была вложена в его передние лапы? В «Книге мертвых» целая глава посвящена палетке писца, инструменту бога Тота, выступающего судьей во

всех конфликтах и способного благодаря своему знанию всех ритуалов поддерживать гармонию и надлежащий ритм мира. Свиток из растительного волокна, на котором он оставляет свои знаки, выражающие божественное слово, сделан из папируса, срезанного в самом древнем из болот.

Таким образом, помещение, которое Картер назвал «сокровищницей», соответствовало первой стадии превращения мумии в бессмертное существо и мифу о сотворении мира из вод. Давайте ненадолго вернемся в гробницу Сети II в Долине царей, которая (по чистому совпадению) использовалась как лаборатория для изучения предметов бесценного наследия Тутанхамона. На стенах одной из комнат в конце коридора, ведущего в первый зал с четырьмя колоннами, имеются росписи, аналогичные большей части фигурок царя и духов, найденных в северной камере гробницы Тутанхамона. Тщательное исследование росписей с этой точки зрения, несомненно, дало бы интересные результаты. Во-первых, поражает тот факт, что эта комната, предшествующая первому залу с колоннами, располагается там, где в гробницах XVIII династии (исключая гробницы Аменхотепа I и Хатшепсут) находился колодец-отверстие, который, как предполагают, являлся защитой от воров и стоком для отвода воды. Однако возможно, что он также символизировал водное пространство, в котором обитает «становящееся существо», как если бы это были маточные воды матери. Подобного «колодца» нет в гробнице Эхнатона, но он был встроен в гробницу Хоремхеба, безжалостного врага реформы.

Все предметы, которые в более поздние времена помещались в четырех разных местах, поблизости от погребальной камеры, в гробнице Тутанхамона хранились в северной комнате. На папирусе, хранящемся в настоящее время в Туринском музее, представлен план гробницы Рамзеса IV, из которого следует, что за золотой погребальной камерой в других четырех комнатах располагались артефакты, аналогичные тем, что находились в этом помещении. Там имелись коридор для ушабти, место отдыха богов (статуэтки, использовавшиеся в ритуалах Буто), «сокровищница» (для украшений и драгоценностей) и, наконец, камера, предназначенная для каноп. Они располагались вокруг так называемой «комнаты остановки», которая являлась последним воспоминанием о прежнем колодце.

Желтые стены погребальной камеры гармонируют с золотом божественной жизни. На обратной стороне туринского папируса эта комната названа «залом колесницы», – возможно, это предтеча древних западных гробниц с колесницами. В центре ее вокруг саркофага царя изображены пять желтых

прямоугольников, один внутри другого, и при этом внешний отделен от остальных более жирной линией по углам. Смысл этого рисунка стал понятен, когда была обнаружена гробница Тутанхамона, и стало ясно, что на нем обозначены позолоченные усыпальницы. В конце правления XVIII династии, как правило, их было четыре.

Погребальная камера Тутанхамона призвана была сохранить за мумифицированным фараоном, которого теперь отождествляли с богом Осирисом, все царские прерогативы, которыми он обладал при жизни; вот почему золоченые деревянные усыпальницы имели различную конфигурацию, так как каждая символизировала особое качество царя. Первая, расположенная непосредственно перед саркофагом и вызывавшая в памяти древние дворцы северных царей, представляла собой Пер-Ню, или «дом славы», указывала на то, что царь в свое время был коронован божественным уреем. На дверцах большой золоченой усыпальницы изнутри и снаружи были изображены Исида и Нефтида, распростершие свои благодетельные крылья. Снаружи, на задней панели, воспроизведены две богини, обращенные друг к другу лицом, которые махали своими крыльями, чтобы вдохнуть жизнь в умершего царя. Потолок украшало изумительное изображение богини неба Нут, с руками-крыльями, распростертыми над телом владыки.

К большому удивлению египтологов, в гробнице не оказалось богато иллюстрированного папируса: «Книги мертвых» Тутанхамона или чего-нибудь подобного. Кроме того, скромные росписи на западной стене золотой камеры имели весьма отдаленное отношение к образам из «Книги Ам-Дуата». Однако на панелях золотых усыпальниц были начертаны выдержки из наиболее важных глав «Книги мертвых» и «Ам-Дуат». Только на первой усыпальнице, представлявшей собой «северный дворец», имелись рельефные узоры; внутри был написан текст 17-й главы «Книги мертвых», в которой демиург объясняет свое творение и принципы божественной природы. Весь сонм богов, охраняющих канопы, присутствует там.

Следующие две усыпальницы повторяли форму южного храма, или Пер-Вер. В первой из этих двух молелен присутствуют рельефы, относящиеся к погребальным церемониям. Внутри, ближе к правой дверной панели, два глаза веджет символизируют солнце и луну и возвращают умершего к вечной жизни. На внешней стороне двери стоят на страже низшие духи с ножами; они фигурируют в 147-й главе «Книги мертвых», где описываются ворота другого мира. Внутри опять-таки изображены Исида и Нефтида.

В декоре второй из двух «южных» усыпальниц ощущается сильное влияние амарнского стиля. На двух створках, украшенных изображениями солнечного диска, помещены портреты Тутанхамона; слева – правитель, за которым следует Исида, приближается к Осирису; справа, сопровождаемый Маат, он обращен лицом к Ра Харахти. Тутанхамон, таким образом, предстает перед двумя существами, образующими его будущее «я»: Осирисом, с которым он уже был отождествлен, и Ра, солнцем, образ которого ему еще предстоит принять. В самом деле, на внутренней стороне тех же створок он представлен, как вступает в ладью богов, чтобы присоединиться к ним. Ему придется встретиться с небесными силами, в том числе с семью коровами и священным буйволом, которые снабдят его божественной пищей на время странствий. На потолке до сих пор видна прекрасная богиня Нут с руками-крыльями, а внутренние панели дверей оберегают духи потустороннего мира. Различные главы «Книги мертвых», касающиеся превращений умерших, начертаны на стенах.

Внутри двух золотых усыпальниц таинство продолжается, и правитель, которому вскоре предстоит родиться заново, отправляется в блистательное странствие к горизонту вечного мира, как и подобает фараону, завершающему царский цикл. На двух внешних панелях тексты, сопровождающие иллюстрации, представлены в криптографической форме, чтобы сохранить в тайне религиозные формулы. Эта композиция впервые описывает сотворение нового солнечного диска. Предвосхищая Гераклита, египтяне, по-видимому, верили, что солнце, растратив свое тепло в течение дня, должно восстановить силу за ночь, через посредство тел богов, обитающих в атоническом мире. Следуя примеру солнца, царь должен был почерпнуть из мира мертвых новые силы для своего воскресения утром. Он изображен как мумия и описан как «тот, кто прячет время». Его голову и ступни обвивает Мехет, змея, и он прижимает к груди ночной диск, на котором помещена птица с бараньей головой. Поодаль, окруженные фантастическими духами, изображены два огромных скипетра с головой собаки и барана, символизирующие голову и шею Ра, соотносимые с созидательной силой солнца. Рядом начертана глава «Книги мертвых», касающаяся сохранения сердца, связанного с жизнью и сознанием того, кто стремится к вечности.

В пространстве между этими тремя позолоченными усыпальницами жрецы поместили различные предметы, призванные усилить магическое воздействие обрядов и содействовать превращениям. Оружие помогало отвратить

демонов; сцена охоты на страусов (демонические существа пустыни) отпугивала злых духов, и даже ножны для кинжала на мумии царя сводили на нет влияние недобрых сил уже тем, что на них были запечатлены эпизоды охоты на буйволов и горных козлов.

Из всего, что находилось в гробнице, одним из самых важных компонентов можно считать мази; они наносились на мумию в больших количествах, поскольку должны были способствовать восстановлению на теле (к тому времени почти превратившемуся в скелет) прежней плоти. Большое количество разных мазей также хранилось в горшках и вазах самой разнообразной конфигурации, изготовленных из алебастра или чаще из кальцита. На одном из таких сосудов была изображена сцена соединения двух царств, Юга и Севера, прочность которого обеспечивали бдительные духи Нила; однако наиболее интересен горшок, на крышке которого мирно возлежит лев с высунутым языком – символ самого царя. Лик бога Бэса в верхних частях двух «цветочных» колонн исполнял защитную роль, а рисунок на выпуклой поверхности сосуда, изображающий сцену охоты на животного, служил дополнительной мерой безопасности. Содержимое горшка должно было сохранять свою чудодейственную силу, пока остается нетленным тело, для которого оно предназначалось. Для верности такие сосуды ставили на четыре головы, с характерными чертами чужеземцев, врагов Египта, и ориентировали по четырем сторонам света.

Дорожные трости, которые, вероятно, несли в руке «друзья царя», составлявшие погребальную процессию, могли также положить в гробницу, предполагая продолжение шествия и в потустороннем мире. Наиболее-интересными с точки зрения символики являются две трости с набалдашниками из золота и серебра, представлявшими собой фигурки Тутанхамона в ранней юности. Невольно приходит на ум сравнение со светилами ночи и дня, воплощенными в образе фараона, который до самого конца эпохи фараонов именовался «живым богом, солнцем Египта и луной всех стран». Тем не менее, помещенные между усыпальницами, как все артефакты, изображения которых служили воссозданию тела, эти две статуэтки должны были, вероятно, обеспечивать посредством симпатической магии крепость костей, которые согласно ритуальным текстам состояли из серебра и были сотворены отцом, и золотой плоти, исходящей от матери.

Последняя из золотых усыпальниц радикально отличалась от остальных. Очертания ее крыши напоминают о юбилейном павильоне, в котором во время праздника сед («сед» означает

«хвост» или «конец») фараон после тридцати лет должен восстанавливать свою энергию и жизненные силы, проходя через символическую смерть – напоминание о ритуальном убийстве вождей древних кланов. На этом празднике, который отмечался в первый день тиби, первого месяца второго времени года, именовавшегося перет, или «появление», – появление полей из-под разлившихся вод Нила, фараон появлялся в одеянии умершего, держа в руках цеп Осириса.

Разумеется, в этом золотом сооружении царю была дарована новая жизнь, ибо Тутанхамону обещал бессмертие его отец Ра, бог солнца. Подобно Атуму, заходящему солнцу, он уходил за дальний горизонт, на что указывает вогнутая крыша усыпальницы, единственное украшение которой составляли столп джет Осириса и узел Исиды, если не считать двух изображений священного ока на левой панели. На створках были рисунки; на правой было представлено таинственное изображение, очевидно Анубиса, без головы и лап; из этого трупа должен был восстать возродившийся бог, торжествуя над своими врагами. Напротив располагалась сидящая на корточках фигурка, отождествляемая с Гором Неджитефом (что означает скорее «точная копия своего отца», нежели «мститель за своего отца»).

В этой последней усыпальнице были запечатлены самые важные образы, связанные с возрождением царя. На задней панели была нарисована священная корова, живот которой украшали звезды; между ее передними и задними ногами проходили солнечные ладьи, в одной из которых сидел Ра; бог воздуха, Шу, поддерживал живот коровы, а восемь духов – ее ноги, символизирующие столпы небес. Подобный рисунок встречается здесь впервые; в надписи дается ссылка на легенду, знакомую нам по гробницам XIX и XX династий, Сети I, Рамзеса II и Рамзеса III, где описываются последние мгновения земного царствования солнечного бога. Состарившийся и уставший от неблагодарного человечества, он решил наказать людей, прежде чем удалиться за звездный горизонт, перенесясь в безбрежную даль на спине священной коровы; Тот, божественный писец, бог луны, стал править миром вместо него. Таким было завершение царского цикла и приобщение правителя к вечности. В этой усыпальнице также присутствовала ладья хену и некоторые главы «Книги мертвых», а неподалеку от священной коровы были запечатлены два духа, поддерживающие столпы небес; они имели тела женщины (джет) и мужчины (нехех) и символизировали бессмертие, заново обретенное царем. Достигнув цели своего странствия и зная заветное слово, он мог, как гласит надпись под двумя духами, сказать: «Я знаю имена этих двух великих богов; ее

зовут Джет, а его – Нехех».

Это, несомненно, объясняет наличие легкой рамы между преисподней усыпальницей (в форме южного храма) и усыпальницей, связанной с праздником сед, на которой висела легкая занавесь с маргаритками, вероятно символизировавшая усеянный звездами живот священной коровы, под брюхом которой скользила солнечная ладья.

Весла у северной стены золоченой усыпальницы, вероятно, предназначались для звездного плавания, и плоть восставшего бога постоянно должны были питать мази, содержавшиеся в двух небриде Анубиса, расположенных в северо-западном и юго-восточном углах камеры. Несомненно также, что ларцы из черного лакированного дерева, стоявшие в северо-западном и северо-восточном углах, предназначались для артефактов, которые использовались в «церемонии отверзения уст и глаз». Перед растворенной дверью наружной усыпальницы лежали серебряная труба, возможно, для возвещения о воскрешении, и солнечный гусь для подтверждения победы солнца над тенями. Таким образом, западная камера содержала, под многочисленными слоями, мумию правителя, царские прерогативы которого, полученные на земле среди людей, были восстановлены и упрочнены на веки вечные.

«Прихожая», вероятно обозначавшая юг, до разграбления вмещала все необходимое для отправления власти фараона. Во-первых, вход в золотую комнату охраняли две большие черные статуи Ка царя и нетленные ипостаси его творческой личности. Три больших ложа, применявшиеся при бальзамировании, могли также служить царю в его великом восхождении: богиня Те-рис, с мордой гиппопотама, покровительница беременности и деторождения, уносила мумию к новой судьбе, а гепард, в уголках глаз которого застыли характерные слезы, бдительно охранял фараона во время его царствования после «возрождения» в новом качестве. Эти два предмета мебели соответствуют «северной» и «южной» усыпальницам, соотносящимся с рождением и правлением. И наконец, необходимое для вознесения на божественный горизонт ложе в форме коровы имело непосредственную связь с усыпальницей пира седа.

Один из двух тронов – тот, на котором стоят имена Атона и Амуна, – предположительно является троном Верховного жреца и использовался царем во время важных религиозных церемоний, равно как и скамеечка, также первоначально находившаяся в этой комнате. Здесь же помещались скипетр, с помощью которого царь «освящал» подношение, и сложенные в сундуки разнообразные атрибуты власти. Однако ни одна из великолепных корон,

которые носил царь, изображенных на всех стенках святилища, не была обнаружена в гробнице. Они скорее были принадлежностью царства, нежели конкретного фараона, и оставались в сокровищнице храма. Только корона хепреш, которую царь носил практически постоянно, могла быть положена в короб для головных уборов.

Археологи также обнаружили большие парадные трости с фигурками врагов фараона, которые он вонзал в песок, когда величественно шествовал среди своих подданных, и это символическое действо защищало страну от врагов. На разных предметах были воспроизведены эпизоды охоты и войны, также обладавшие магической силой. Знаменитый сундук, на котором изображен молодой царь, преследующий в колеснице азиатов и африканских негров, охотящийся на горных козлов, диких ослов, страусов и гиен или опять же повергающий восьмерых львов, являет собой прекрасный пример подобной символики. Возможно, детали этих изображений – упряжь, одежды Тутанхамона, украшения колесницы, вооружение кавалерии и пехоты, оружие азиатов и негров – точны, но юный и хрупкий царь на самом деле вряд ли принимал участие в изображенных эпизодах. Эти традиционные образы лишний раз подтверждают торжество добра над злом и уверенную поступь фараона, устранявшего на земной тверди и затем в потустороннем мире все то, что противоречит гармонии жизни. Сандалиям, обнаруженным в сундуке, также отводилась определенная роль, поскольку они были изготовлены для того, чтобы растоптать демонов, которые обычно изображались связанными на его скамеечке для ног.

Позолоченные колесницы, где основным декоративным мотивом были пленные и поверженные враги, служили для официальных выездов его величества, сиявшего как солнце. В «передней» также хранился далматик фараона, который он, вероятно, надевал на юбилейные пиры; изображения на бордюре вдоль нижней кромки дополняли магическую силу охотничьих сцен. Перчатки, дорожные сундуки, шкатулки с драгоценностями, льняная одежда царя, великолепный стул, на спинке которого начертаны царские титулы, охотничья экипировка, ножная скамеечка со злобными, но покорными утиными головами, изумительный лук, а также зеркала в золотых и серебряных рамах – все эти предметы могли использоваться в повседневной жизни царя, но, судя по некоторым признакам, предназначались исключительно для погребальных целей. Очевидно, в этой южной «прихожей» были собраны вещи, которые благодаря своей магической силе могли способствовать восстановлению власти

царя, также перешедшей в новое высшее качество во время превращений умершего правителя.

Оставался последний акт драмы: возрождение. Помещение, которое археологи называли боковой камерой, целиком было посвящено этому процессу, и его двери, наверное, не случайно обращены на восток – ведь именно там явится фараон на заре своего нового существования. Хотя содержимое камеры находилось в беспорядке, по основным артефактам можно составить вполне ясное представление о ее назначении. Там были еда и напитки, игрушки и детские вещи, подростковая мебель, замечательные стихи, начертанные иератическим письмом на сундуке и на наосе, украшенных сценами из жизни молодого царя с царицей. То были сцены состязаний и развлечений, а не битв. Трон, на котором царица изображена скорее в скорбной, чем в царственной позе, напоминал об амарнском периоде; в сундуках лежали подголовники, игры, голова и бюст того, кому предстояло возродиться. Это была своего рода скромная усыпальница. Самые разнообразные предметы имели одно общее назначение: магическое пробуждение к жизни и к радостям этого мира.

После своих превращений Осирис, царь, должен был возникнуть на горизонте как Ра, светило дня. Одновременно новый фараон воссядет на троне «Гора живых», сменив своего отца и отражая его образ, подобно тому, как Гор, сын Осириса, возродился усилиями своего отца, в которого Исида вдохнула жизнь после смерти, чтобы получить его семя. Возможно, заупокойный пир первоначально завершался соитием. На спинке покрытого золотом трона Анхесенамон, облаченная в головной убор царицы, умащивает тело Тутанхамона, принявшего свободную позу, притираниями. Хотя имена правителей относятся к фиванскому периоду (Амон вытеснил Атона), амарнский шар простирает свои лучи точно так, как он это делал в детские годы царственной четы. Эта картина также важна еще тем, что на ней изображены «цветочные» ожерелья, которые носили царь и царица. Подобное ожерелье можно распознать на одной из небольших подставок; оно идентично украшениям, которые надевали гости, собравшиеся на заупокойный пир, обнаруженным в прекрасном состоянии в тайнике Долины царей.

В глубинах своей гробницы Тутанхамон готовился к агапесу (пиру любви), но Анхесенамон, оставшаяся среди живых, не покидала его, ибо по-прежнему была его «любимой наложницей». В могилах людей незнатного происхождения часто присутствовали изображения жен, и среди погребального инвентаря можно было обнаружить фигурку, в которой безошибочно угадывалось «женское начало»; она помогала

умершему мужчине родиться от себя же, став камутефом (или буйволом своей матери). Рядом помещен гиппопотам, олицетворяющий бессильного и безвредного демона, который не в силах воспрепятствовать предполагаемому рождению.

Поэтическая элегантность предметов в боковой камере гробницы маскирует религиозный и магический аспекты изображенных сцен, однако все они служили возрождению Тутанхамона. Таким образом, позолоченная усыпальница на салазках, обнаруженная в «прихожей», но рядом с дверью боковой камеры, откуда ее, очевидно, выдвинули грабители, играла очень важную роль. Символическое пристанище царской четы, она должна была содержать статуэтки царя и царицы, но в ней не было ничего, за исключением подставки со следами ног царя. Статуэтки царя и царицы, изготовленные из чистого золота, вероятно, были украдены. Дверцы и боковые поверхности усыпальницы украшали сцены, где фигурировали только два персонажа, Тутанхамон и Анхесенамон, в различных эпизодах, связанных с их отношениями как возлюбленных и с царской охотой в болотах Нила.

Преданная жена с любовью взирает на своего мужа. В одеянии фаворитки она подносит ему символы богини Хатхор; женщина, вручающая духи, цветы и ожерелья, одновременно отдает себя. Для того чтобы злой дух не лишил царя возрожденной мужественности и не ослабил плодовитость супруги, Тутанхамон показан сидящим на стуле рядом с ручным львом и посылающим стрелы в злокозненную дикую утку в зарослях папируса. Чьи-то заботливые руки также положили пучки стрел в «камеру возрождения», чтобы царица и впредь могла вручать их мужу, ибо они могут понадобиться ему в любую минуту. Царь изображен также в легкой папирусной лодке, а Анхесенамон, стоящая рядом, одной рукой держит за лапы нескольких птиц. Эта полная очарования сцена охоты в болотах, которая воспроизводится почти во всех могилах простых людей со времен появления пирамид и вновь появляется в Птолемеевых храмах, иллюстрирует не только приятное времяпрепровождение знати, но также ритуальное искоренение зла, достигаемое путем уничтожения дичи. Этим объясняется и наличие большого количества бумерангов в «камере перерождения»: таким архаическим оружием мертвые поражали демонов. Царица показана в самой соблазнительной одежде, и в ее ушах серьги, которые царь носил будучи ребенком. Но для того чтобы обряды подействовали, требовались и другие артефакты; при этом на каждом должна была найти отражение в том или ином виде одна и та же тема. Она повторяется в таком количестве вариаций, что

становится почти навязчивой идеей. На крышке из слоновой кости царица протягивает царю две длинные связки папируса и лотоса, обвивающие мандрагору – плод любви. Чета изображена на фоне цветов и, очевидно, под виноградными побегами в момент священного возлияния. На панелях сундука видны животные, нападающие друг на друга; добрые собака с гепардом набросились на злых буйволов и горных козлов. Даже звери призваны были служить умершим.

На задней панели изображена любовная сцена, где царь и царица сидят у пруда на фоне цветов и охотятся на дикую утку в зарослях. Некоторые рыбы воплощают зло. Однако lates niloticus и tilapia nilotica в пруду представляют собой символическое воплощение умершего в двух пунктах его странствия в «озере жизни» – Саисе и Менде. Прошло более чем три тысячи лет, но в отдельных уголках черной Африки подобные представления о душах умерших бытуют и сейчас.

Пир сам собой переходил в дионистический ритуал, гарантирующий возрождение. Вдоль стен располагались запасы пищи и лучших сортов вина в кувшинах. Духи и мази, необходимые для таких оргий, а также алебастровые вазы самой элегантной, оригинальной, иногда пугающей формы занимали важное место среди погребальных сокровищ. Здесь мы находим и фамильную реликвию – вазу Аменхотепа III с драгоценным притиранием и бутылку в форме льва-хранителя. Но что мог означать подлинный шедевр коллекции – лодка с головой горного козла? Не меньшее восхищение вызывает крышка сосуда, исполненная в виде гнезда с четырьмя яйцами и вылупившимся птенцом. Трудно найти более точное пояснение к этому образу, чем отрывок из знаменитого гимна Атону, вдохновленного еретиком Эхнатоном:

> Еще не родившись, птаха уже пищит в яйце,
> Славя тебя, вдохнувшего в нее жизнь
> И назначившего час, когда ей вылупиться,
> Чтобы покинуть скорлупу и возвысить свой голос.

К подобной символике художники иногда прибегали, изображая нового правителя. Фактически гробница ожидала его пришествия. Низкие кровати (некоторые могли складываться), расположенные в комнате, свидетельствовали о том, что царю потребуется брачное ложе и вновь родившийся бог найдет здесь все, что ему нужно. Низкие стулья, на которых фараон сидел в годы своего детства на земле, его ящик с игрушками, имевший секретный замок, коробка с трутницей – предвестник всех

световых забав, его праща и даже погремушки с именем царицы Тии не были забыты.

Присутствие других предметов объяснить не так легко: к чему, например, серпы для жатвы? Возможно, для увековечения жертвы богу полей? Почему в том месте, где предполагался поминальный пир, нет музыкальных инструментов? Не исключено, что на этот вопрос могли бы ответить грабители.

Вотивные щиты предназначались для отваживания демонов, которых вызывал царь, играя в азартную игру, известную как сенет (от слова «проход»). Победитель должен был обойти на большой доске, разбитой на тридцать квадратов, все ловушки и западни, устраиваемые его соперниками, и тогда он провозглашался маахероу, «праведным голосом», или, вернее, «живым голосом»: подразумевалось, что обряды позволили ему восстановить чувства и дыхание жизни. Это была напряженная борьба; невидимый враг мог быть представлен шашками в виде пленников со связанными за спиной руками. Умерший для украшения своих шашек мог выбрать голову защитника-гепарда. Вот почему двери фиванских гробниц иногда украшались изображениями умершего, играющего в сенет.

В античности изображения ларов, помещавшиеся на могилах простых людей и на полях, способствовали через посредство симпатической магии воскрешению умершего и произрастанию новых побегов. Возможно, так называемая «кукла» царя связана с подобной концепцией.

Как бы то ни было, но назначение подголовников, которые можно отнести к самым оригинальным и красивым артефактам в этой комнате, не вызывает сомнений. Декор складного экземпляра прямо на него указывает: на вогнутой части изображены две головы Бэса, бога рождения и защитника от демонов, и, вероятно, изображения доброжелательного гепарда, обратившегося в человека. Цветок лотоса связан с возрождением солнца, а ножки ложа представляют собой головы и шеи дикой утки, которая, таким образом, лишается своей силы. Однако наиболее выразителен подголовник из слоновой кости с колонной, изображающей Шу, бога воздуха. По обе стороны от него два льва горизонта олицетворяли сегодняшний и завтрашний день. Слишком большие, чтобы их можно было поместить под шею мумии, эти подголовники хранились в помещении, которое египтяне называли маммиси, или «домом рождения». Под шеей Тутанхамона находился маленький подголовник из железа. В главе 166 «Книги мертвых», посвященной этому предмету, указывается, что он служит для того, чтобы умерший мог восстать вновь, осторожно подняв

голову в назначенный час, когда его череп покинет полость подголовника и переместится подобно солнцу, появляющемуся на рассвете.

В конце странствия, после того как битва выиграна, все препятствия преодолены и уничтожены, происходит солнечное рождение. И тогда прозвучит следующее обращение к умершему:

> Проснись, о, заболевший, ты, который спал.
> Твою голову подняли в сторону горизонта.
> Явись! Ты признан правым вопреки тем,
> кто старался причинить тебе вред;
> Птах поверг твоих врагов и приказал
> Преследовать тех, кто был против тебя.
> Ты – сын Гора, сын Хатхор,
> Которому вернули его голову
> После того, как она была отсечена;
> Никогда больше твоя голова не будет отделена от тебя;
> И впредь никогда больше, во веки веков, не будет твоя
> голова отделена от тебя.

Подголовники, таким образом, исполняли особую роль в окончательных превращениях перерождающихся. В ходе одного из них с помощью звездного бога царь обретет сущность восходящего солнца и, подобно Ра на рассвете, сможет восстать из океана над голубым лотосом. В коридоре гробницы, куда мог проникнуть солнечный свет, плакальщицы Тутанхамона положили этот цветок, из которого поднимается голова солнечного ребенка.

Печати на двери между боковой камерой и «прихожей», которая открывается на восточную сторону, опять же соотносятся с возрождением – на уровне божественного воплощения, то есть пришествия фараона, бога среди людей. Его имена могли меняться, но частица божественности на земле всегда одухотворяла его правление. Он – не Ра, а Гор, «Гор, – как гласит надпись на одном подголовнике, – сын богини Хатхор», представленный Анхесенамон, возлюбленной царя. Вот почему тексты, оставшиеся на кирпичной двери, утверждают: «Небхепруре-Анубис, торжествующий над Девятью Луками (врагами Египта)… Анубис, торжествующий над четырьмя пленными (демонами, которые во время странствий по четырем основным пунктам не смогли воспрепятствовать его продвижению к воскрешению)».

Преображение усопшего царя, обожествленного в образе Осириса, на земле выражалось двояко. Ра поднимался на

горизонте, а воссевший на троне живущих, молодой Гор, зримое воплощение Анубиса, новый фараон в обновленном образе бога, продолжал править от имени бога на земле.

Глава 9
ЦАРИЦА, ТРИЖДЫ СОЧЕТАВШАЯСЯ БРАКОМ, И МЩЕНИЕ ХОРЕМХЕБА

Размышляя о смерти Тутанхамона, невольно думаешь о горе, которое выпало на долю двадцатилетней вдовы, после двух браков ставшей наследницей трона фараонов. В египетских анналах сведений на эту тему нет, как нет свидетельств относительно всего означенного периода.

Хеттские цари, однако, были более методичными. Их летописи, в отличие от переписки с Амарной, которая осуществлялась на аккадском языке, велись на нескольких других наречиях (анналы писались на несите или местном диалекте) и дают яркое представление о событиях, к которым египетские правители XVIII династии имели непосредственное отношение. В этой переписке мы обнаруживаем письмо от египетской царицы – документ настолько важный и неожиданный, что Мурсил II, сын Суппилулиумы, который вел летопись во время правления своего отца, посвятил ему целый раздел. Случилось невозможное: царица Египта фактически просила иностранного царевича жениться на ней и разделить с ней трон. Вдова Тутанхамона пошла на беспрецедентный шаг, как это видно из отрывка на хеттском языке:

> «В то время, когда мой отец находился в стране Каркемиш, он направил Лупаккиша и Тешуба-Залмаша в страну Амка [область Антиохии]. Они отбыли; они разграбили страну Амка и привели моему отцу пленников и скот, большой и малый. Когда люди Мисры [Египта] узнали о разрушении Амки, они испугались, ибо их владыка, Бибхурия [Небхепруре, то есть Тутанхамон], только что умер, и овдовевшая царица Египта направила посла к моему отцу и написала ему следующее: «Мой муж умер, и у меня нет сына. Говорят, что у тебя много сыновей [или что у тебя взрослые сыновья]. Если ты направишь мне одного из своих сыновей, он станет моим мужем, потому что мне отвратительна мысль взять в мужья одного из моих слуг [подданных]». Когда мой отец узнал это, он собрал большой совет [и сказал им]: «Ничего подобного не случалось с незапамятных времен». Он решил направить

Хатту-Зиттиша, управляющего, [наказав ему]: «Отправляйся, принеси мне сведения, достойные доверия; возможно, меня пытаются обмануть, и о том, правда ли у них нет царевича, возвращайся со сведениями, достойными доверия». Когда Хатту-Зиттиш находился в земле Египта, мой отец покорил город Каркемиш… Посланник Египта Ханис прибыл к нему. Потому что мой отец наказывал Хатту-Зиттиша, отправляя его в землю Египта, следующими словами: «Возможно, у них есть царевич; они, может быть, стараются меня обмануть, а на самом деле не хотят, чтобы один из моих сыновей правил ими»; египетская царица ответила моему отцу в письме в следующих словах: «Почему ты говоришь, что «тебя стараются обмануть»? Если бы у меня был сын, стала бы я писать чужеземному правителю в тоне, унизительном для меня и моей страны? Ты не веришь мне и даже говоришь мне это! Тот, кто был моим мужем, мертв, и у меня нет сына. Может, мне следует взять одного из моих слуг и сделать его своим мужем? Я не писала ни в какую другую страну, я написала [только] тебе. Говорят, что у тебя много сыновей. Дай мне одного из твоих сыновей, и он будет моим мужем и правителем земли Египта».

Поскольку мой отец был человеком щедрым, он пошел навстречу высокородной женщине и решил направить к ней своего сына».

Подобный обмен письмами и послами едва ли происходил без ведома «Божественного отца», Эйэ, визиря в Фивах; вполне вероятно, это была его идея. Молодая вдова определенно не отважилась бы на столь важный шаг без его поддержки или давления. В таком случае становится понятно, в сколь трудном положении оказалась Анхесенамон. Чтобы сохранить трон своих предков, она была вынуждена выйти замуж за царевича, который не имел никакого отношения к династии фараонов, но который таким образом обретал право на корону. В своем письме она открыто утверждает, что ей отвратительна сама мысль о том, чтобы взять в мужья кого-либо из «слуг». Этим «слугой» вполне мог быть «писец рекрутов», превратившийся в настоящего диктатора во дворце, Хоремхеб, но не «Божественный отец», Эйэ, как первоначально считалось, близкий родственник царицы, приходившийся, вероятно, ей дедушкой. Легко представить себе бурную жизнь двора, интриги и попытки жрецов Амона вмешаться в решение вопроса наследования трона. В течение

семидесяти дней, требовавшихся для подготовки мумии Тутанхамона, посланники могли совершить несколько поездок между Каркемишем и Фивами, о которых сторонники Хоремхеба постоянно его информировали. Когда второй египетский посол отбыл в штаб-квартиру Суппилулиумы, после того как тот покорил Каркемиш, чтобы подтвердить настойчивое желание царицы породниться с царской семьей хеттов, Хоремхеб, должно быть, принял окончательное решение. Когда царевич хеттов Занханза, исполняя волю отца, отправился на встречу с египетской царицей, отряд Хоремхеба, «люди и лошади Египта», подстерег его по пути и убил. Это привело к войне между Египтом и хеттами: Суппилулиума решил вторгнуться в Египет – или, по крайней мере, хвастливо заявил о своем намерении. В этой связи надо учитывать, что Сирия в то время была протекторатом Египта; так или иначе, Палестина вновь подверглась нападению. Убийц Занханзы схватили, осудили и приговорили к смерти. Хоремхеб, вероятно, отправился защищать границы от вторжения хеттов, но, по всей видимости, никакого столкновения не произошло.

С этого времени небольшая группа знатных египтян, которая хранила верность еретической идее, больше не могла рассчитывать на возможность установления брачного союза между последней законной наследницей XVIII династии и чужеземным царевичем. В самом деле, только очень серьезные опасности – угроза мятежа и отчаянное положение царской семьи – могли оправдать этот безумный шаг. Приглашение хетта на трон Египта определенно было одной из самых больших ошибок амарнской династии. Но с точки зрения старого визиря Эйэ, который, видимо, по-прежнему был предан «интернациональным» идеалам Эхнатона, подобный союз мог влить новую кровь в ослабевшую династию и обеспечить Египту поддержку могущественного народа. Такая политика также могла служить противовесом растущему влиянию Хоремхеба.

После всего случившегося молодой вдове, питавшей отвращение к мезальянсу в своей родной стране, ничего другого не оставалось, как разделить свои обязанности и привилегии с соправителем. Будучи существом робким, совершенно не похожим на свою прославленную родственницу, соправительницу Хатшепсут, Анхесенамон выбрала на эту роль родного дедушку, визиря Эйэ. Решение было принято накануне официального погребения Тутанхамона, и «Божественный отец», Эйэ, облаченный в хепреш и шкуру животного, провел церемонию «отверзения уст и очей» в гробнице, как это делалось в течение веков царскими наследниками, занимающими место родных

отцов. Предложенная реконструкция, однако, не помогает нам хоть как-то интерпретировать дальнейшее развитие событий. Выдвигалось предположение, что Хоремхеб казнил Анхесенамон одновременно с хеттским царевичем, но тогда как объяснить ее присутствие рядом с Эйэ, когда тот стал царем?

Другая теория гласит, что Анхесенамон вышла замуж за Эйэ ради того, чтобы пожаловать ему право на трон. Достоверные сведения на этот счет отсутствуют; только обнаруженное кольцо (жук скарабей в коллекции Бланчарда) с общими картушами Эйэ и Анхесенамон подтверждает, что они какое-то время правили вместе. Этот факт вовсе не означает, что они были женаты; во-первых, дедушку царицы, который также приходился ей двоюродным дедушкой, могла просто ужаснуть мысль о женитьбе на своей внучке, которая дважды выходила замуж за близких родственников. Во-вторых, у него была жена Тей, которую он сделал царицей и которая изображена в его гробнице.

Эйэ занимал трон четыре года и проявлял терпимость по отношению к Атону в соответствии с собственными убеждениями. Руководя официальной церемонией на похоронах Тутанхамона, он тем самым брал на себя ответственность за сохранение погребального культа царя, и со времени восшествия на престол как будто не уклонялся от исполнения этой обязанности. Тутанхамон попытался осуществить планы Небмаэтре, задумавшего высечь двух львов из розового гранита и установить их в честь своего отца в его солебском храме. Юный царь успел освятить только одно изваяние, но Эйэ продолжил его дело, и впоследствии второй лев был установлен в том же храме.

Менее понятно его поведение в отношении заупокойных статуй молодого царя. Воздвигнув собственный заупокойный храм, Эйэ присвоил две незавершенные статуи Тутанхамона. Этот неблаговидный поступок не пошел ему впрок, ибо после смерти Эйэ статуи и рельефы, в свою очередь, были украдены Хоремхебом и отмечены его картушем.

Зачем Эйэ присвоил статуи и зачем он перенес их в другое место? Было ли это беспокойством старого человека, чувствующего приближение смерти и пытающегося любой ценой обставить свой заупокойный храм всеми необходимыми атрибутами, даже если для этого требовалось ограбить храм предшественника? Ритуал требовал, чтобы память умершего почиталась по определенным, заранее установленным датам; в таком случае как мог Эйэ, царствующий фараон, увязать эту свою обязанность с совершенной кражей?

И была ли жива в то время Анхесенамон? Жила ли она в Фивах или где-то еще? Больше нам ничего не известно о молодой

царице, и ее хрупкая фигура растаяла в тени времени. Что стало с другими дочерями амарнской четы? Одна из них, возможно, вышла замуж за царя Никмата.

Смотрители царского некрополя, располагавшегося неподалеку от поселения рабочих, куда те вслед за своими господами вернулись из еретического города, не слишком тщательно охраняли покой мертвых царей. Сразу же после похорон Тутанхамона стали распространяться ошеломляющие слухи о грудах золота, серебра и драгоценностей, хранящихся в его гробнице; другим алчущим не давали покоя бесценные притирания и масла. Самые смелые пытались проникнуть внутрь. Для того чтобы проникнуть в подземные камеры, прокладывая путь в невероятной духоте среди заваленных мусором и обломками проходов, требовались титанические усилия. Однако такое случалось дважды, как о том свидетельствуют следы в туннелях и пробоины во внутренних дверях, заново заделанные кирпичом. Едва ли эти грабежи носили систематический характер. Маловероятно, чтобы, скажем, в первый рейд были изъяты притирания, а затем – вещи из драгоценных металлов; искушение захватить все, что под руку попадется, было слишком велико. В любом случае воры знали, что они ищут и где искать; они не тронули запасы пищи, но прихватили с собой мази и масла. Эти кражи были хорошо спланированы; грабители приносили с собой бурдюки, в которые переливали масла, – остатки этих бурдюков были обнаружены в гробнице. Воры отлично знали планировку гробницы, поскольку прямиком направлялись к маленькой северной комнате, в которой стояли сундуки с золотыми украшениями. Там они взломали замки и выгребли почти все самое ценное. Зная, где находится желанная добыча, они оставили нетронутыми печати на больших черных ларцах. В обоих случаях, однако, они перевернули все в комнате вверх дном, когда впопыхах вываливали содержимое сундуков на пол в поисках вожделенных сокровищ. По-видимому, последних непрошеных гостей едва не схватили за руку, поскольку тряпичный сверток с золотыми кольцами явно бросили в спешке. Хранители некрополя, обнаружив, что то или иное захоронение разграблено, обязаны были сообщить об этом Майю, который, по всей видимости, надзирал за ними. «Начальник работ в чертоге вечности, царский писец, надзирающий за сокровищами», Май искренне любил молодого царя, в гробницу которого он в день похорон поместил небольшой деревянный кенотаф, дарующий правителю вечную жизнь. Особо ловким служителям было велено проникнуть в гробницу по лазам, проделанным грабителями, и навести порядок. Но они не желали долго оставаться в душных

помещениях, куда не проникал свежий воздух, и просто кое-как распихали вещи и украшения в раскрытые сундуки и ларцы. Они закрыли дверь, ведущую из погребальной камеры в «прихожую», и, балансируя на груде другого добра, свалили в кучу в боковой камере вещи, перенесенные из первой камеры. Они даже не удосужились заделать отверстие, пробитое в стене между «прихожей» и боковой камерой. У них не нашлось времени на то, чтобы переместить в боковую камеру маленькую позолоченную усыпальницу, которая первоначально находилась там. Однако перед уходом они не забыли поставить у порога великолепную чашу в виде лотоса, из которой восставший царь будет пить эликсир вечной молодости.

Май быстро осознал опасность, которая угрожала умершему фараону, и приказал завалить вход в гробницу толстым слоем строительного мусора. Таким образом, он второй раз пришел на помощь Тутанхамону.

Во время своего правления Эйэ пресекал любое проявление ненависти или попытки осквернить святилища Атона. Его смерть, наконец, освободила путь военачальнику Хоремхебу, более заботившемуся о сохранении национальных институтов, чем о ведении войн. Повторилась почти в точности история времен Тутмоса III; жрецы Амона помогли Хоремхебу захватить власть. Великий праздник Опет оказался подходящим моментом для того, чтобы воплотить в жизнь давно продуманный план.

Хоремхеб теперь мог осуществить свою мечту. Но ему необходимо было каким-то образом узаконить свой статус правителя Египта. Царской дочери, которую он мог бы сделать царицей, в наличии не оказалось, но оставалась Мутнеджмет, сестра Нефертити, которая и стала его женой. Эту девушку почти всегда сопровождали две карлицы. Живой прообраз прелестной женской фигурки, сидящей в алебастровой ладье с носовым украшением в виде горного козла, вполне мог оказаться дочерью Эйэ и Тей.

Этот брак не сподвиг Хоремхеба к тому, чтобы он в течение долгого времени хранил память о своих непосредственных предшественниках. Свою разрушительную деятельность он осуществлял в два приема. Для начала он присвоил себе все возведенные в последние годы монументы, в особенности Тутанхамона и Эйэ, начав с их статуй и храмов. Вот почему колоннада Луксора, где проводились церемонии праздника Опет, была обезображена жрецами-скульпторами, которым было приказано стереть повсюду имена Тутанхамона и заменить их именами нового царя.

Только памятник в Карнаке – скульптурную группу,

изображавшую облаченного в шкуру леопарда Тутанхамона, только что похоронившего своего отца и стоящего перед богом Амоном, – Хоремхеб не присвоил. Он повелел отбить у статуи юного царя голову и руки и удалить из всех картушей большинство иероглифов с именем Тутанхамона, но не заменил их своими, как это делалось повсюду в других местах. Хоремхеба посадили на трон жрецы Амона, и он ни в коем случае не хотел считать себя наследником амарнских царей; хотя когда-то давно, во времена атоновской ереси, называл себя Па-атон-эм-хеб. На роль царственного предка был избран Аменхотеп III: Хоремхеб принялся энергично провозглашать эту «истину» по всей стране и настолько преуспел в своей пропаганде, что даже в официальных списках последующего периода стал значиться как законный наследник Аменхотепа III. В дворцовых летописях XIX династии годы его правления отсчитываются от даты вступления на престол Аменхотепа IV, чем и объясняется тот факт, что египетские надписи отводят ему чуть ли не пятидесятилетний срок правления.

Упрочив свою власть, новый фараон стал проводить исключительно жесткую линию. Чтобы обосновать преследования, он издал так называемый «указ Хоремхеба», выбитый на большой стеле в Карнаке, обнаруженной вблизи западного крыла десятого пилона. В нем он описал то прискорбное состояние, в котором находилась страна в момент его вступления на престол, и злоупотребления чиновников и судей, которые с помощью армии обирали обездоленных. Царь, желавший восстановить справедливость и улучшить жизнь своего народа, решил искоренить беззакония, поэтому лицам, совершающим злоупотребления, отрезали нос, а затем их отправляли в ссылку.

Очевидно, Хоремхебу потребовалось найти виновника, того, кто довел государственные дела до такого прискорбного состояния. Ответственность была возложена на четырех последних монархов, и Хоремхеб наконец-то мог дать выход ненависти, порожденной его уязвленной гордостью, и удовлетворить жрецов Амона, с молчаливого согласия которых он захватил власть. Бригады рабочих, направленные в Тель-эль-Амарну, практически сровняли город с землей.

Свою страсть к разрушению Хоремхеб проявил также в Фивах. В это время он решает добавить три новых пилона к большому храму Амона, для чего были разобраны все здания, возведенные его предшественником во славу Атона, и более десяти тысяч блоков из обработанного амарнского камня легли в фундамент новых построек. Династическому богу все было мало, и Хоремхеб

становится горячим поборником Амона и его жречества. Он даже отказывается от части своих полномочий фараона, целиком полагаясь на служителей культа. В честь своего бога он строит прекрасную аллею, соединяющую Карнак с Луксором, украшенную изваяниями сфинксов, а также приказывает возвести нечто, если так можно выразиться, типа «прихожей» перед входом в большой колонный зал Карнака. Одновременно он продолжал преследовать всех тех, кто прямо или косвенно служил ереси. Могила Эйэ подвергается разграблению. Не приходится сомневаться, что по его приказу был осквернен тайник, куда перенесли все, что осталось от амарнской погребальной утвари, разбросанной вокруг мумии неизвестного царя, нашедшего убежище в саркофаге женщины. Вероятно, из суеверия тело не тронули, однако все кирпичи из необожженной глины, которые закрывали вход в гробницу, были уничтожены. Изображение Эхнатона в усыпальнице Тии было стерто.

В некрополе знати Хоремхеб выискивал гробницы тех придворных, которые верно служили прежним царям и с которыми нужно было рассчитаться. Хюи, нубийский наместник, принадлежал к их числу: со стены заупокойной часовни Хюи были стерты не только портреты и имена Тутанхамона, но также изображения самого наместника.

В провинциях от дельты Нила до границ Судана творилось то же самое. Особенно свирепствовал Хоремхеб в Ахмиме, на родине некоторых членов еретической семьи, и со стел Нахтмина, создателя самых наиболее трогательных ушабти Тутанхамона, были сбиты имена царя Эйэ. Бригады рабочих изменяли имена и восстанавливали монументы фиванского бога, которого Эхнатон атаковал с не меньшей яростью. В каждой новой надписи неизменно упоминалось зло, причиненное царем-еретиком, которого теперь называли не иначе как «негодяем». Располагая такими свидетельствами жестокости Хоремхеба, нетрудно поверить, что он каким-то образом убрал со своего пути Эйэ и Анхесенамон.

Вся деятельность планировалась и координировалась Хоремхебом, «добродетельным» фанатиком, с чьей легкой руки лидеры контрреформации совершали многочисленные преступления. В его безжалостной логике обнаруживается только один изъян: сделав все, что было в его силах, для того, чтобы стереть из сознания людей память о Тутанхамоне, молодом царе, «который любил Фивы больше, чем их бога», он почему-то не опустошил его гробницу. Было ли это запоздалой данью уважения к умершему, последнему сыну Аменхотепа III, или же узурпатор боялся возмездия свыше? Хоремхеб, не колеблясь, нарушил покой

гробницы Эйэ и Тей. Вероятно, он считал, что можно, не трогая божественного тела, просто предать забвению его гробницу в Долине царей.

Можно счесть этот поступок проявлением неожиданной слабости со стороны Хоремхеба; не исключено также, что здесь не обошлось без влияния Майя, «царского писца, начальника в чертоге вечности» и преданного друга Тутанхамона. Этот очень умный человек сумел завоевать доверие Хоремхеба и занимался восстановлением разграбленной гробницы Тутмоса IV. Май отвечал за сохранность некрополя, и ему удалось уберечь гробницу любимого им царя. Однако нельзя отрицать тот факт, что, если бы могущественный Хоремхеб приказал разорить могилу Тутанхамона, он, несомненно, присвоил бы себе сокровища, о ценности которых был прекрасно осведомлен.

Поэтому целесообразно остановиться на первой гипотезе: Хоремхеб, который объявил себя борцом за справедливость, все же решил пощадить того, кто первый вновь склонился перед Амоном. Однако этим его великодушие ограничилось; о Тутанхамоне забыли; ни обрядов, ни молитв не творили более перед безымянными статуями, стоявшими в святилищах. Хоремхебу даже удалось вычеркнуть имя Тутанхамона из официального списка египетских фараонов.

Магическая сила погребальных обрядов и множества артефактов, окружавших Тутанхамона, в гробнице подверглась суровому испытанию. Все или почти все, что было сделано или собрано для царя, имело двоякое назначение: эти вещи или формулы отпугивания демонов помогали царю обрести новое существование. Отягощенный бременем ошибок, в которых он невиновен, обреченный с самого рождения действовать по приказу других, юный царь почти не успел пожить, когда наступил его смертный час. Его уход к череде окончательных превращений сопровождался проклятиями. После смерти Тутанхамона печальная ситуация, в которой оказалась его династия, еще более усугубилась из-за отчаянной попытки его вдовы передать «возлюбленную землю» чужеземному правителю.

Однако боги, изваяния которых Тутанхамон воздвигал в течение всей своей жизни, были на страже, и проклятие Хоремхеба оказалось бессильным. На памятнике Тутанхамона в Карнаке скульптор вырезал в камне имя царя в правом углу набедренной повязки. Оно не бросалось в глаза и поэтому сохранилось. Его можно видеть и сейчас.

В темноте гробницы ничто не мешало странствиям молодого царя по царству мертвых. Как Осириса, «в честь которого он также воздвигал памятники и дом которого он построил с самого

начала», Тутанхамона несправедливо преследовали, но, в конце концов, после бесконечно затянувшегося суда, было объявлено о его невиновности. Три тысячи лет спустя сохранившиеся в целости и сохранности печати с изображением Анубиса будут сняты, золотые саркофаги в гробнице Долины царей предстанут взорам пилигримов, и тогда, подобно новому солнцу, встающему из-за гор на горизонте, им явится Тутанхамон.

Картер и Карнарвон сняли проклятие Хоремхеба и позволили младшему сыну Тии восстать из небытия.

Перечень основных упоминаемых лиц

Аанен – «Второй пророк Амона», «Верховный жрец Ра-Атона», брат царицы Тии и, следовательно, сын Юйи и Туи.

Абдиаширта – царь Амора (или Амурру, сегодняшняя Сирия), отец Азиру, его преемника. Официально был подданным фараона, но ему удалось заключить союз с хеттским царем Суппилулиумой против Митанни, союзника Египта, и преданных союзников фараона в Азии. Он был современником Аменхотепа III.

Азиру – царь Амора (Сирии), сын Абдиаширты, современник Аменхотепа III и, в частности, Аменхотепа IV – Эхнатона и Тутанхамона. Он продолжал политику своего отца, и, защищенный, с одной стороны, союзом с хеттами, с другой – интригами амарнского двора (сравните с Туту), сумел захватить порты на финикийском побережье. Обладая большой хитростью, он сумел убедить фараона, к которому пришел, чтобы оправдаться, что он – его преданный слуга и отстаивает интересы Египта на границах его царства. Суппилулиума, который использовал Азиру скорее как орудие, а не как союзника, к середине XIV в. до н. э. вынудил его подчиниться. Оставаясь официально под властью Египта, Амор, таким образом, стал выплачивать дань хеттам.

Аменхотеп III – царь XVIII династии и преемник Тутмоса IV и Мутемвейи, муж Тии и отец Аменхотепа IV – Эхнатона и, вероятно, Дхутмозе, умершего до восшествия на престол, Сменхкара, Тутанхамона и царевны Ситамун, на которой он женился, а также нескольких других принцесс, последней из которых была Бакетатон.

Аменхотеп IV – Эхнатон – царь XVIII династии, еретик, который по политическим и религиозным соображениям отменил культ Амона и ввел всеобщий культ Атона. Аменхотеп IV – Эхнатон покинул столицу в Фивах и основал город Ахетатон (в настоящее время Тель-эль-Амарна), где он прославлял Атона вместе с царицей Нефертити и своими дочерьми в громадных святилищах нового типа. К концу своего правления этот царь, слишком миролюбивый, чтобы держать в узде огромное египетское царство, вероятно, попытался примириться с влиятельными жрецами Амона в Фивах, направив к ним в качестве посредника своего соправителя и зятя, Сменхкара. Сменхкар, после отдаления царя от Нефертити, заменил царицу в исполнении официальных обязанностей. Мы не знаем, как

завершил свой жизненный путь этот непрактичный царь, но в истории Египта это была исключительная личность, и его доктрина, хотя и не реализованная на практике, оказала огромное влияние на египетскую цивилизацию.

Аменхотеп, сын Хапу, по имени Хюи – видный чиновник при Аменхотепе III. Он занимал самые разные должности: «главный хранитель секретов Капа», «Церемониймейстер на пиру Амона», «старшина рекрутов» – и прославился как «руководитель царских работ» (главным образом за то, что доставил на место колоссы Мемнона, установленные возле заупокойного храма Аменхотепа III). К концу жизни он стал управляющим Ситамун, дочери и второй жены Аменхотепа III. Умер он, когда ему было около ста десяти лет, в возрасте мудрости.

Анхесенамон – Анхесенпаатон – принцесса XVIII династии, третья дочь Аменхотепа IV – Эхнатона и Нефертити; жена, племянница и невестка Тутанхамона. От первого брака с родным отцом у нее родилась дочь Анхесенпаатон Ташери.

Ее имя Анхесенпаатон было изменено на Анхесенамон после коронации Тутанхамона и восстановления амарнского культа.

Анхесенпаатон Ташери – принцесса XVIII династии, дочь от брака Анхесенамон со своим отцом, Аменхотепом IV – Эхнатоном. Она была в одно и то же время племянницей, внучатой племянницей и падчерицей Тутанхамона.

Бак – сын скульптора Мена и сам официальный скульптор Аменхотепа IV – Эхнатона. Царь-еретик лично приказал ему придумать новый амарнский стиль.

Бакетатон – принцесса XVIII династии, дочь Аменхотепа III и Тии, сестра Тутанхамона, Аменхотепа IV – Эхнатона, Сменхкара и Ситамун; невестка Нефертити.

Бурнабуриаш (или Буррабурриаш) – царь Вавилона во времена Тутанхамона. Он искал поддержку у молодого царя против натиска ассирийцев.

Гилухипа – дочь Шуттарны, царя Митанни (Нахарина), вторая жена Аменхотепа III. Царь повелел изготовить памятных скарабеев по случаю этой свадьбы, на которой, как он пишет, принцессу сопровождало триста семнадцать фрейлин.

Занханза – хеттский принц, сын Суппилулиумы; был выбран для того, чтобы жениться на Анхесенамон, вдове Тутанхамона. Его убили по приказу Хоремхеба, в то время военачальника, по дороге в Египет, когда он ехал на встречу с ней.

Зутмос – принц XVIII династии, о котором мало что известно, но который памятен тем, что в гробнице Тутанхамона был обнаружен хлыст с надписью «сын царя, начальник войск, Зутмос». Он, вероятно, был сыном Аменхотепа III и Тии и,

следовательно, братом Тутанхамона.

Киа – неизвестная принцесса, упоминаемая по крайней мере в двух документах в качестве второй жены Аменхотепа IV – Эхнатона.

Май – «управляющий строительными работами на месте вечности», «хранитель сокровищ» при Тутанхамо-не, он преподнес погребальное изваяние своему царю; это – одно из немногих подношений, выражающих личную привязанность. Будучи начальником некрополя, он, по-видимому, охранял гробницу своего любимого господина. Этот чиновник сумел завоевать расположение Хоремхеба, который назначил его министром финансов.

Маху – начальник полиции в Тель-эль-Амарне, который поддерживал порядок в еретическом городе Ахетатоне (Тель-эль-Амарна), и один из наиболее преданных сторонников царя.

Мекетатон – принцесса XVIII династии, вторая дочь Аменхотепа IV – Эхнатона и Нефертити; умерла в Тель-эль-Амарне двенадцати лет от роду.

Мен – скульптор Аменхотепа III и глава школы традиционного искусства. Его сын Бак стал душой новой художественной школы при Аменхотепе IV – Эхнатоне.

Меритатон – принцесса XVIII династии, старшая дочь Аменхотепа IV – Эхнатона и Нефертити; стала невесткой родного отца и Тутанхамона, своего дяди, выйдя замуж за Сменхкара.

Меритре – египетская принцесса, которая, согласно некоторым источникам, могла быть матерью Тутанхамона.

Мурсил II – хеттский царь, сын и преемник Суппилулиумы, ответственный за ведение летописей в правление своего отца; брат Заннанзы, избранного в женихи Анхесенамон, вдовы Тутанхамона.

Мутемеейя – царица XVIII династии, жена Тутмоса IV и мать Аменхотепа III.

Мутнеджмет – царица (?) XVIII династии, дочь (?) Эйэ и Тей, сестра Нефертити. Мутнеджмет, вероятно, вышла замуж за Хоремхеба, который, таким образом, стал зятем Эйэ и законным претендентом на трон.

Нахтмин – «царский писец», «носитель опахала по правую руку царя», «начальник армии» при Тутанхамоне, которому он посвятил пять ушабти, обнаруженных в гробнице молодого царя и которые, вместе с небольшой погребальной фигурой верного Майя, являются единственными дарами от подданных умершего царя.

Нефернеферуатон Ташери – принцесса XVIII династии, четвертая дочь Аменхотепа IV – Эхнатона и Нефертити.

Нефернеферуре – принцесса XVIII династии, пятая дочь Аменхотепа IV – Эхнатона и Нефертити.

Нефертити – царица XVIII династии, вероятно, дочь Эйэ и предположительно падчерица Тей, но не (как считали некоторые авторы) митаннийской принцессы. Вышла замуж за Аменхотепа IV – Эхнатона, от которого, как было установлено, имела не меньше шести дочерей.

Она помогала своему мужу воплощать в жизнь ато-нитскую религиозную доктрину. При помощи этой царской четы, действовавшей исключительно сплоченно, все существа, обитающие на земле, могли обрести жизнь, уготовленную Атоном. Однако к концу правления Аменхотепа IV – Эхнатона Нефертити отдалилась от супруга.

О красоте и очаровании этой царицы можно судить по знаменитому бюсту из крашеного известняка, который в настоящее время находится в Берлине.

Никмат – царь Угарита (Рас-Шамра) и современник последних фараонов XVIII династии. Он женился, весьма вероятно, на египтянке, которая могла оказаться одной из принцесс амарнской семьи.

Панехеси – верховный жрец Атона в Тель-эль-Амарне; развалины его дома и гробница были обнаружены в городе Шара.

Расес – царский управляющий Юга при Аменхотепе III. Его фиванская гробница знаменита красивым декором, в котором сочетаются два стиля, фиванский и амарнский. Расес жил во время совместного правления и, вероятно, принимал участие в праздниках в честь первого юбилея Аменхотепа III в Солебе, расположенном в самом центре нубийской провинции.

Риб-Адди – царь Библа, верный Аменхотепу IV – Эхнатону, своему правителю. Эхнатон, введенный в заблуждение своими министрами, не оказал ему помощи против атак аморитов, ведомых Азиру, на содержании у которого находился Хабиру. Министр иностранных дел при амарнском дворе, Туту, вступил в сговор с Азиру, вероломным вассалом, и знал, как представить ситуацию своему хозяину, Аменхотепу IV – Эхнатону, в выгодном для Азиру свете. Царь потребовал провести расследование, которое, однако, ничего не дало. В конце концов бедный Риб-Адди был вынужден бежать в свой город и, забытый всеми, исчез; вероятно, он пал жертвой наемного убийцы.

Сетепенре – принцесса, шестая дочь Аменхотепа IV – Эхнатона и Нефертити.

Ситамун – принцесса XVIII династии, дочь и жена Аменхотепа III, сестра трех царей: Аменхотепа IV (Эхнатона), Сменхкара и Тутанхамона.

Сменхкар – царь XVIII династии, соправитель, зять и преемник Аменхотепа IV – Эхнатона, братом которого он, вероятно, был, и, следовательно, сын Аменхотепа III и Тии.

Суппилулиума – хеттский царь, современник Аменхотепа III, Аменхотепа IV – Эхнатона и Тутанхамона. Проводя агрессивную политику, создал новую хеттскую гегемонию в Азии. Подчинив себе Митанни, а также Амор (и их вассалов в Финикии и Палестине), стал представлять серьезную угрозу египетскому царству. Конфликт между двумя великими державами вспыхнул во время правления фараонов XIX династии.

Тадухипа – митаннийская принцесса, дочь Тушратты, царя Нахарина (Митанни), направленная в гарем Аменхотепа III на тридцать шестом году его правления. После смерти фараона она якобы перешла в гарем его сына, Аменхотепа IV – Эхнатона.

Темеаджси – сестра или жена Хюи, наместника Нубии при Тутанхамоне. Была «матроной гарема» царя.

Тей – жена Эйэ и «кормилица» царицы Нефертити. Стала царицей, когда после смерти Тутанхамона Эйэ захватил трон.

Тии – царица XVIII династии, жена Аменхотепа III, мать Аменхотепа IV – Эхнатона, Зутмоса (?), Сменхкара (?), Тутанхамона (?), Ситамун и Бакетатон, а также нескольких других принцесс.

Тии, вероятно, нубийского происхождения и не царских кровей. Ее брак с Аменхотепом III, который сделал ее «Великой Царской Супругой», произвел, по всей видимости, революцию. Способная женщина, она играла важную политическую роль и позаботилась об интересах государства, особенно в конце правления Аменхотепа III и в течение почти всего амарнского периода при Аменхотепе IV – Эхнатоне.

Туи – жена Юйи, мать царицы Тии, Аанена и, возможно, также Эйэ. Была «главой гарема Амона» в Фивах и в Ахмине, «главой гарема Мина».

Тутанхамон – вероятно, сын Тии, муж Анхесенамон, дочери Аменхотепа IV – Эхнатона и Нефертити. Взошел на трон в девять лет и умер в восемнадцать, официально восстановив культ Амона после падения амарнской ереси. Своей славой Тутанхамон обязан Говарду Картеру, открывшему в 1922 г. его гробницу, сокровища которой в настоящее время выставлены в Каирском музее.

Тутмос IV – фараон XVIII династии. Был женат на Мутемвейе, которая родила Аменхотепа III, будущего наследника на трон.

Туту – министр иностранных дел при Аменхотепе IV – Эхнатоне в Тель-эль-Амарне. Он предал своего царя, став пособником Азиру из Амора, вероломного вассала фараона, что привело к падению влияния Египта в Азии во время его

правления. Вероятно, был одним из участников заговора, который стоил жизни несчастному царю Библа, Риб-Адди.

Тушратта – король Митанни, современник и союзник Аменхотепа III и Аменхотепа IV. Оба эти правителя были женаты по крайней мере на одной митанний-ской принцессе, исполнявшей роль второй жены. При правлении Тушратты Суппилулиума, царь хеттов, напал на Митанни. После первой неудачной попытки (во время правления Аменхотепа III, который направил войска на помощь своему союзнику) он воспользовался равнодушием Аменхотепа IV – Эхнатона и завладел Митанни, несмотря на ассирийскую «конкуренцию». Тушратта исчез во время волнений, вероятно, был убит, и его сын и наследник, Маттиваза, стал вассалом Хеттитов.

Ханис – посланник Египта в последний год жизни Тутанхамона. Он действовал как посредник между Сип-пилулиумой и Анхесенамон, пытаясь женить хеттского принца Заннанзу на вдове Тутанхамона.

Хикнефер – сын нубийского принца, воспитанный в школе «детей Капа» при дворе фараона, и современник Тутанхамона. Он был принцем Анибы (Миама) в Нубии, когда наместник царя Хюи собрал огромную дань с южных вассалов Египта. Погребен на восточном берегу Нила в Нубии, на месте современного города Тошка, где недавно была обнаружена его могила.

Хоремхеб – военачальник и последний царь XVIII династии. Он играл важную роль при Аменхотепе IV – Эхнатоне и Тутанхамоне и занимал высокие должности на гражданской службе и в армии Египта. После смерти Эйэ захватил трон и всеми средствами способствовал стабилизации политической ситуации в царстве. С неукротимой ненавистью Хоремхеб преследовал атонитскую ересь и главного из ее творцов, Аменхотепа IV – Эхнатона, стараясь вычеркнуть его из истории. Возможно, ради того, чтобы придать видимость законности своей узурпации и нападкам на династию, он женился на Мутнеджмет, сестре Нефертити и, весьма вероятно, дочери Эйэ (который сам был царем-узурпатором) и Тей.

Хюи – наместник Нубии при Тутанхамоне, сын знатного чиновника Аменхотепа III. При Аменхотепе IV – Эхнатоне приобрел титулы «царского посланника во всех чужих землях», «Божественного отца», «держателя опахала с правой стороны царя», «управляющего скотом Амона в землях Куша», «управляющего землями золота правителя Двух царств», «храброго наездника Его Величества». Его карьере способствовал Тутанхамон, а также личные выдающиеся качества и доверие царя.

Хюи – правитель имения царицы Тии в Ахетатоне. Барельефы в его гробнице в Тель-эль-Амарне подтверждают пребывание родителей Эхнатона в городе Шара.

Эйэ – царь XVIII династии, муж Тей, «кормилицы» Нефертити, и, возможно, отец Нефертити. До того как он узурпировал власть, при Аменхотепе IV – Эхнатоне Эйэ был «Божественным отцом», «командиром всех лошадей его величества» (начальник колесниц), «личным писцом царя». Он стал фараоном как преемник Тутанхамона. Возможно, он женился на вдове Анхесенамон, чтобы узаконить свое правление, но доказательств этого нет.

Юйи – отец царицы Тии, муж Туи. Был «Божественным отцом», важным жрецом Амона в Фивах и в Ахмиме, «пророком Мина» и «надзирающим за скотом Мина».

Юти – главный скульптор царицы Тии: выполнил скульптурные изображения принцессы Бакетатон, младшей дочери Тии. Его гробница, знаменитая своими барельефами, сохранилась в Тель-эль-Амарне.